35

А. И. Матюшенскій.

ГАПОНЪ

и мой

АНТИХРИСТЪ.

(ПОВѢСТЬ МОЕГО БЕЗУМІЯ.)

Г. БЛАГОВѢЩЕНСКЪ.
Типографія „Благовѣщенское Утро".
1917 г.

Отъ автора.

Моя исповѣдь написана 11 лѣтъ назадъ, въ мартѣ 1906 г., тотчасъ послѣ того, какъ разыгралась Гапоновская исторія.

Мои враги, пользуясь тѣмъ, что я не имѣлъ возможности опубликовать „Исповѣдь“ и тѣмъ самымъ предстать предъ обществомъ въ томъ видѣ и качествѣ, въ какомъ я выступалъ въ эпоху 9 января 1905 года, — измышляли на меня всевозможныя клеветы, не останавливаясь даже передъ фактами, всѣмъ и каждому въ Петербургѣ извѣстными, какъ, напримѣръ то, что я былъ врагомъ Гапона и по моему почину началось разоблаченіе его настоящаго существа.

Изъ врага Гапона меня превращали въ его друга и единомышленника.

Я терпѣлъ, ибо мнѣ ничего не оставалось, какъ терпѣть, такъ какъ напечатать „Исповѣдь“ при старомъ режимѣ не было никакой возможности.

Теперь эта возможность настала, и я печатаю свою „Исповѣдь“ въ томъ видѣ, въ какомъ она написана въ 1906 году.

Пусть сами читатели судятъ, въ чемъ я виноватъ и въ чемъ невиноватъ.

Рукопись эта была озаглавлена. „Гапонъ и мой Антихристъ“ (Повѣсть моего безумія).

Подъ этимъ заглавіемъ я и печатаю свою исповѣдь.

Читатели сами увидятъ, что мое „безуміе“ было не результатомъ корысти или себялюбія, а результатомъ отчаянія, вызваннаго перспективами погибающей революціи.

Моё „преступленіе“ заключается въ томъ, что въ то время, когда многіе еще вѣрили въ революцію, я уже прозрѣвалъ ея гибель, и чтобы спасти ее, рѣшилъ прибѣгнуть къ героическому средству—къ Антихристу.

Я сказалъ себѣ:

— Или я спасу революцію, или погибну вмѣстѣ съ ней, погубивъ и свою репутацію безкорыстнаго борца за права народа.

Моя ставка была бита, и на меня первымъ набросился Гапонъ, а за нимъ и всѣ тѣ, кому я перешелъ дорогу, какъ писатель журналистъ, не стѣсняющійся называть вещи ихъ собственными именами.

Вотъ она, эта трагическая для меня исторія.

Глава I-ая.

До знакомства съ Гапономъ.

Я былъ въ Кіевѣ, когда на постъ министра внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ кн. Святополкъ-Мирскій. Его знаменитыя слова о довѣріи къ обществу прозвучали особенно странно для насъ, кіевскихъ работниковъ печати. Къ намъ только что пріѣхалъ цензоръ Сидоровъ и всячески доказывалъ намъ, что довѣрія вообще не можетъ быть, что администраторъ вообще, а онъ, цензоръ Сидоровъ, въ особенности, должны проникать въ самую глубину помысловъ обывателя. На этомъ основаніи онъ зачеркиваетъ, напримѣръ, такія слова: „Тутъ же стоитъ корова и меланхолически помахиваетъ хвостомъ".

Дѣло въ томъ, что корова являлась одной изъ принадлежностей лотереи на благотворительномъ вечерѣ, устроенномъ губернаторшей. По мнѣнію цензора Сидорова, сотрудникъ газеты, отмѣчая меланхолическое помахиваніе хвостомъ, тѣмъ самымъ проявилъ свое отрицательное отношеніе къ благотворительной дѣятельности хозяйки губерніи. А это недопустимо; по его мнѣнію, корова должна была:

— Съ довольнымъ видомъ помахивать хвостомъ.

Инымъ результатовъ наблюденія сотрудника не могло быть.

И цензоръ Сидоровъ, конечно, не былъ одинокъ въ этомъ отношеніи; онъ шелъ въ ногу съ остальными администраторами, покорно слѣдуя за всѣми.

Создавалась такая атмосфера, въ которой можно было задохнуться.

И слова о довѣріи прямо звучали насмѣшкой надъ измученнымъ обществомъ, злымъ издѣвательствомъ зазнавшагося бюрократа.

Контрастъ между этими словами и существующей дѣйствительностью былъ такъ великъ, что даже и привычные къ положенію рабовъ люди чувствовали наростающую въ груди злобу и ненависть.

А съ дальняго востока въ это время приходили ужасныя вѣсти. Тамъ были сотни убитыхъ, раненыхъ, тамъ были постоянныя пораженія и отступленія, но тамъ же раздавались хвастливыя рѣчи никуда негодныхъ полководцевъ. И это послѣднее особенно злило и бѣсило обывателя. Читая бесѣды нашихъ генераловъ съ корреспондентами, обыватель рвалъ и бросалъ газету:

— Молчали бы ужъ!

Въ общественныхъ кругахъ царила уже полная увѣренность въ полномъ разгромѣ. Обсуждался и вызывалъ разногласія только вопросъ:

— До какого пункта погонятъ японцы нашу армію: до Читы или до Иркутска?

Но и тутъ расчеты базировали не на силѣ сопротивленія нашей арміи, а на выгодахъ и невыгодахъ самихъ японцевъ.

— Если по ихъ расчетамъ имъ нужно дойти до Читы, то дойдутъ до Читы. Если же имъ требуется еще и Байкалъ, то пойдутъ до Иркутска.

Исключеніе составляли штабные офицеры. Эти спеціалисты старались увѣрить публику:

— Сегодня отступили, но завтра же пойдемъ впередъ.

Вѣрили они въ эти свои предсказанія или нѣтъ трудно сказать, —но публика имъ не вѣрила и ставила совсѣмъ другой вопросъ:

— Если все такъ будетъ идти и впередъ, то чрезъ сколько времени вспыхнетъ революція.

Этотъ вопросъ, впрочемъ, ставился и раньше, еще при жизни В. К. Плеве и ставился не революціонерами, а крайними реакціонерами.

Они говорили о революціи не съ надеждой и упованіемъ, а со страхомъ. Но все же говорили, слишкомъ уже явно сгустилась атмосфера народныхъ страданій.

И когда убили Плеве, то радовались больше всѣхъ именно эти реакціонеры. Прогрессисты сочувствовали убійству и убійцѣ, но не видѣли въ этомъ большого историческаго событія. Для нихъ было ясно, что Плеве, если бы и остался въ живыхъ, то не задержалъ бы ни на минуту естественнаго хода событій.

Реакціонеры же полагали, что со смертью Плеве режимъ будетъ нѣсколько ослабленъ и тѣмъ предотвратится назрѣвающая революція. Причину назрѣванія революціи они видѣли въ одномъ Плеве, а потому и привѣтствовали его смерть.

— Да, да, это хорошо,—говорилъ знаменитый нынѣ членъ союза русскаго народа, Ясногурскій. —А то и до революціи было не далеко. Я такъ ужъ и думалъ, что еще мѣсяцевъ шесть, можетъ быть, потерпятъ, а тамъ и начнется.

Онъ боялся, конечно, за свои дома, за цѣлость своего имущества, за свою жизнь.

Но шесть мѣсяцевъ, какъ предѣлъ народнаго терпѣнія, опредѣлялъ не онъ одинъ. Въ послѣдніе дни жизни Плеве о шести мѣсяцахъ говорили многіе, и не изъ разряда тѣхъ, которые боятся за свою шкуру.

— Если такъ будетъ продолжаться, то не далѣе какъ черезъ шесть мѣсяцевъ вспыхнетъ,—революція. На болѣе продолжительное время не хватитъ терпѣнія,—говорилъ одинъ изъ издателей „Кіевской Газеты" (Богдановъ).

И ему никто не возражалъ. Всѣ чувствовали, что это дѣйствительно такъ.

Это было въ началѣ іюля 1904 года, а ровно черезъ шесть мѣсяцевъ исторія занесла на свои страницы 9-е января 1905 года, какъ дату начала русской революціи.

Смерть Плеве, значитъ, нисколько не измѣнила теченія назрѣвшихъ событій, она не приблизила и не отдалила начала революціи ни на одинъ день.

Но она, эта смерть, создала все же эпоху показного довѣрія, эпоху банкетовъ, рѣчей и видимости чего то новаго, небывалаго на Руси. И это небывалое, происходящее въ столицѣ, на провинцію, задавленную все тѣмъ же прежнимъ режимомъ, дѣйствовало особенно удручающе.

— Тамъ смѣлыя рѣчи, тамъ обсуждаютъ будущія судьбы Россіи... А мы... а намъ даже и о коровьемъ хвостѣ нельзя сказать наше откровенное мнѣніе,—думали мы.

И намъ казалось, что до насъ то „новое и небывалое", что уже живетъ и разростается въ столицѣ, никогда не дойдетъ, мы такъ и останемся даже и безъ дырявого корыта.

Дни тянулись безконечно долго и приносили съ собой только одни страданія, однѣ муки души.

Никогда я не забуду этихъ кіевскихъ дней. Теперь въ перспективѣ времени они мнѣ кажутся какой то черной бездной, холодной и безотрадной. Ни одна тюрьма, а я ихъ видѣлъ много, не вызываетъ во мнѣ такого безнадежно тоскливаго настроенія, какъ эти дни.

И я не выдержалъ и уѣхалъ въ Петербургъ. Это было уже въ ноябрѣ, послѣ земскаго съѣзда и въ разгаръ банкетовъ, въ эпоху расцвѣта „Сына Отечества".

Собственно залъ Павловой въ дни банкетовъ и редакція „Сына Отечества" ежедневно и были двумя центрами, въ которыхъ сосредоточивалась вся политическая жизнь Петербурга. Тутъ было все живое, свѣтлое интеллигентное, способное поднять тонъ жизни и бодрость духа. Сюда же тянуло всѣхъ, у кого жива была душа.

И тонъ повышался съ каждымъ днемъ, равномѣрно безъ скачковъ, но упорно и неуклонно.

Администрація, какъ и слѣдовало ожидать, пріостановила „Сынъ Отечества“. По ея мнѣнію, онъ перешелъ границы предуказаннаго довѣрія. Но тамъ же, откуда вышло распоряженіе о пріостановкѣ „Сына Отечества“, Юрицыну помогли добыть разрѣшеніе на „Наши Дни“. Какъ говорили тогда, это обошлось издателю въ 9 тыс. рублей.

А событія назрѣвали. Въ Баку началась забастовка, назрѣвала забастовка и въ Петербургѣ, на Путиловскомъ заводѣ. Мнѣ изъ Баку были доставлены мѣстнымъ журналистомъ Д. А. Давидовымъ всѣ матеріалы забастовочнаго комитета. Я помѣстилъ эти матеріалы въ „Нашихъ Дняхъ“.

Это, собственно, и послужило поводомъ къ моему знакомству съ Гапономъ. Когда началась забастовка на Путиловскомъ заводѣ, требованія бакинскихъ рабочихъ были положены въ основаніе требованій рабочихъ Путиловскаго завода.

И вообще описаніе бакинской забастовки, протекавшей съ особеннымъ успѣхомъ, повидимому, не осталось безъ вліянія на путиловскихъ рабочихъ. Успѣхъ однихъ вливалъ бодрость въ другихъ. Колебавшаяся сначала масса, въ теченіе одного-двухъ дней сплотилась и вся цѣликомъ высказывалась за забастовку.

Забастовка стала потребностью времени. И если бы тогда,—въ концѣ декабря 1904 года и началѣ января 1905 года,—былъ хоть какой нибудь опытъ и хоть какая-нибудь организація, то всеобщая забастовка прошла бы легче, чѣмъ въ октябрѣ 1905 года.

И можетъ быть это запозданіе всеобщей политической забастовки на 8 мѣсяцевъ и погубило все дѣло революціи. Въ октябрѣ для успѣха революціи не было уже самаго главнаго—войны съ японцами.

Но это уже постороннее соображеніе и въ достаточной степени праздное, а потому на немъ не стоитъ останавливаться. Что было, то прошло и прошедшаго уже не воротишь назадъ.

Важно же то, что забастовка, сдѣлавшаяся потребностью массы рабочихъ, для интеллигентскихъ круговъ оказалась неожиданностью до такой степени, что даже за нѣсколько дней до 9 января въ редакціи „Сына Отечества“, а слѣдовательно и вообще въ руководящихъ кругахъ Петербурга, въ событіяхъ на Путиловскомъ заводѣ не видѣли ничего особеннаго.

Это не значитъ, конечно, что на начинающуюся забастовку не обращали вниманія. Нѣтъ, ею интересовались и живо интересовались: рабочимъ, какъ и всегда, искренно и горячо желали успѣха, готовы были помочь всякими мѣрами и способами,—но въ то же время было нѣчто, что заставляло интеллигентный Петербургъ держаться какъ бы въ сторонѣ отъ него. Этимъ нѣчто былъ „союзъ русскихъ фабрично заводскихъ рабочихъ г. С.-Петербурга“, впослѣдствіи пріобрѣтшій ходячее названіе гапоновской организаціи. Этотъ союзъ всѣми не безъ основанія считался зубатовской организаціей. А, между тѣмъ, онъ стоялъ въ центрѣ забастовочнаго движенія. У него было 11 отдѣловъ въ различныхъ рабочихъ районахъ. Въ этихъ отдѣлахъ собирались члены союза и затѣмъ разсылали делегатовъ по всѣмъ заводамъ съ предложеніемъ присоединиться къ забастовкѣ.

Естественно въ такомъ случаѣ, что и сама забастовка въ интеллигентскихъ и партійныхъ кругахъ считалась зубатовской, т. е. провокаторской, антиреволюціонной, не народной. До извѣстнаго момента такъ оно и было. И, Гапонъ, официальный руководитель союза, и его сподвижники, до извѣстнаго момента творили волю пославшаго ихъ охраннаго отдѣленія.

Но движеніе развивалось такъ быстро и было такъ интенсивно и страстно, что у Гапона естественно явились соображенія посторонняго характера, выходящія за черту инструкціи охраннаго отдѣленія. Онъ и его ближайшіе сотрудники увидѣли, что вызванное ими движеніе сильнѣе ихъ самихъ, что они уже не въ состояніи удержать его въ предуказанныхъ рамкахъ чисто экономической борьбы. Эта дорожка была уже слишкомъ узка для всколыхнувшейся массы.

При томъ же и экономическія требованія ставились такъ широко, что на мирное удовлетвореніе ихъ со стороны фабричной администраціи не было надежды.

Предъ Гапономъ, такимъ образомъ, встала альтернатива—или устраниться отъ вызваннаго имъ движенія, бѣжать отъ разбуженнаго звѣря, или же покорно идти за движеніемъ, т. е. выступить на арену чисто политической борьбы.

Въ первомъ случаѣ онъ оказался бы въ положеніи неумѣлаго, неумнаго и не осторожнаго агента охраннаго отдѣленія, которому могли, пожалуй, и указать на дверь, лишивъ такимъ образомъ и средствъ къ жизни и какого бы то ни было будущаго.

А передъ нимъ пока только и было будущее охранника. На духовную карьеру тогда онъ уже не могъ разсчитывать: за нимъ уже числился скандалъ въ одномъ изъ домовъ призрѣнія, гдѣ его репутація духовнаго лица скомпрометирована была окончательно. И если скандалъ не вызвалъ „дѣла“ о лишеніи священническаго сана, то только потому, что онъ считался нужнымъ человѣкомъ въ охранномъ отдѣленіи. Только опираясь на охранное отдѣленіе и прикосновенные къ нему круги, Гапонъ могъ еще разсчитывать, что скандальная исторія съ призрѣваемыми дѣвицами будетъ замята и забыта.

Отсюда ясно, что то или иное направленіе движенія забастовки прямо и непосредственно рѣшало и чисто личные вопросы Гапона. Какъ агентъ охраннаго отдѣленія, онъ, что называется, пересолилъ и долженъ былъ ждать отъ своего тайнаго начальства соотвѣтствующаго возмездія. Даже если допустить, что за неумѣренную забастовку его не прогнали бы,—все же послѣ такой ошибки онъ оказался бы въ роли рядового агента, исполняющаго мелкія порученія маленькихъ шишекъ охраннаго отдѣленія. А быть чѣловѣкомъ на посылкахъ,—кому же улыбается такая перспектива. А Гапонъ былъ честолюбивъ, любилъ жить широко, любилъ власть, мечталъ о широкой карьерѣ, о первыхъ мѣстахъ у руля отечественнаго корабля. Онъ уже искушенъ былъ сношеніями съ растерявшимися сановниками и титулованными лицами; онъ уже привыкъ фигурировать предъ ними въ роли спасителя исконныхъ устоевъ, въ роли руководителя мирнаго движенія народа объ руку съ титулованными правителями.

Отказаться отъ всего этого у него не было силъ. И онъ рѣшилъ использовать разросшееся движеніе, переступивъ за границу предначертаній охраннаго отдѣленія.

Онъ рѣшилъ, рискуя даже окончательнымъ разрывомъ съ охранкой, остаться во главѣ движенія, его руководителемъ.

Къ этому рѣшенію онъ, повидимому, пришелъ уже въ концѣ декабря, когда къ путиловцамъ стали присоединяться рабочіе другихъ заводовъ, когда запись въ члены союза особенно усилилась, и политическія тенденціи стали брать верхъ надъ экономическими.

Съ этого момента для него было уже ясно, что движеніе уходитъ дальше намѣченнаго имъ пункта, оно увлекаетъ его насильно „въ политику“. И онъ рѣшаетъ забѣжать впередъ, встать во главѣ

этого неожиданнаго и нежелательнаго движенія и извлечь изъ него все, что можно.

Но что? Какъ его использовать?

Эти вопросы, повидимому, не были еще рѣшены Гапономъ приблизительно до 3-го января. Онъ искалъ еще рѣшенія. А, можетъ быть, искалъ союзниковъ на новомъ пути.

Это самый интересный психологическій моментъ его жизни.

И какъ разъ въ этотъ то моментъ судьба и свела меня съ нимъ.

Глава 2-ая.

Мое знакомство съ Гапономъ.

Я явился въ нарвскій отдѣлъ союза „русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ“ по порученію редакціи „Сына Отечества“ (тогда выходили „Наши Дни“). Помѣщеніе отдѣла было биткомъ набито рабочими. Мнѣ едва удалось пробиться въ залъ. Тамъ, за цѣлой массой головъ и спинъ, кто то говорилъ, слышны были отдѣльные возгласы: „держитесь крѣпко, не унывайте“... И такъ далѣе, въ этомъ родѣ. Ораторъ не развивалъ отдѣльной программы, а какъ бы топтался на одномъ мѣстѣ, вокругъ одной и той же мысли о необходимости „потерпѣть“ и дожидаться пока хозяева сдадутся. Въ голосѣ слышалась не то неувѣренность, не то скрытая боязнь предъ аудиторіей.

На меня невидимый ораторъ произвелъ непріятное впечатлѣніе и я спросилъ рядомъ стоящаго рабочаго:

— Кто это говоритъ?

— Отецъ Георгій!

— Какъ. Попъ!—невольно вырвалось у меня.

— А что, развѣ попы... не бываютъ хорошіе,—съ свирѣпымъ видомъ обернулся ко мнѣ другой рабочій.

— Бываютъ, почему... Но только попъ... въ рабочемъ движеніи...

— А развѣ рабочіе не такіе же люди?

— Конечно, такіе же. Но у рабочихъ и у поповъ задачи совсѣмъ различныя. Попъ по самому положенію своему является охранителемъ собственности и защитникомъ собственниковъ.

— Отецъ Георгій не изъ такихъ: онъ за рабочихъ...

Они уже вѣрили ему и хотѣли вѣрить. Малосознательная масса впервые выступала на арену политической борьбы и чувствовала потребность въ руководителѣ. Безъ руководителя, которому можно довѣриться, она почувствовала бы себя жутко.

Поэтому всякое слово, сказанное противъ Гапона, встрѣчалось непріязненно. Одинъ рабочій такъ прямо и заявилъ мнѣ:

— Ты не трогай нашего батюшку.

Я отвѣтилъ, что „батюшку“ не знаю совсѣмъ и говорю не о немъ, а вообще о попахъ.

Затѣмъ разговоръ самъ собой какъ то перешелъ на бакинскую забастовку. Узнавъ, что я авторъ статьи о забастовкѣ въ Баку, рабочіе жадно набросились на меня съ разспросами. Мы вышли въ переднюю. На меня со всѣхъ сторонъ сыпались вопросы: какъ и что тамъ въ Баку?

Въ Баку я прожилъ 5 лѣтъ и знакомъ былъ съ мѣстнымъ рабочимъ движеніемъ хорошо. Для меня поэтому не составляло труда отвѣтить на предлагаемые вопросы. При томъ же и вопросы клонились все больше къ одному:

— Успѣшно ли идетъ забастовка?

— О да, очень успѣшно! Предприниматели уже сдѣлали значительныя уступки.

— Какія?

— Сокращенъ рабочій день въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности до 8 часовъ, увеличена заработная плата, урегулированы пріемъ и увольненіе рабочихъ, отмѣнены обыски въ воротахъ, урегулированы сверхурочныя работы, обѣщано вѣжливое обращеніе...

Нужно было видѣть какъ радовали ихъ эти вѣсти: лица ихъ положительно свѣтлѣли съ каждымъ словомъ; они становились какъ будто выше ростомъ, распрямлялись.

— Вотъ!—вырывается у одного изъ нихъ возгласъ.—Батюшка говоритъ, что и мы этого добьемся.

А „батюшка“ въ это время кончалъ свою рѣчь. До насъ долетали отдѣльныя слова, но все же можно было понять, что ораторъ скорѣе старается успокоить аудиторію, чѣмъ возбудить ея энергію, подвинуть ее на активную дѣятельность.

— Что это онъ?—не утерпѣлъ я и спросилъ своихъ собесѣдниковъ.—Неувѣренность какая то слышится въ его словахъ.

— Усталъ онъ. Всѣ отдѣлы объѣздилъ сегодня, къ Смирнову ходили (управляющій путиловскимъ заводомъ), делегатовъ въ правленіе выбирали.

У нихъ никакихъ сомнѣній по отношенію къ нему не было. А между тѣмъ, неувѣренность или колебанія у Гапона были—это несомнѣнно. Я имѣлъ случай наблюдать ихъ въ тотъ же день. Но объ этомъ послѣ.

Гапону сказали, что его ждетъ сотрудникъ „Нашихъ Дней“; онъ вышелъ ко мнѣ: мы познакомились.

— Вы имѣете ко мнѣ дѣло?—спросилъ онъ.

— Да, я отъ „Нашихъ Дней“. Желательно знать, какъ протекаетъ забастовка.

— А ваша газета какъ... за рабочихъ?..

— Но... физіономія „Нашихъ Дней“, кажется, достаточно опредѣленна. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что вся редакція цѣликомъ, и даже вмѣстѣ съ читателями, готова оказать всякую помощь рабочимъ.

Ахъ, да, да... Знаю, знаю.

Но, кажется, онъ не зналъ. Кажется, что онъ не читалъ „Нашихъ Дней“, или же вообще въ то время плохо разбирался въ направленіяхъ газетъ, или и еще хуже—смотрѣлъ на газеты съ точки зрѣнія агента охраннаго отдѣленія.

По крайней мѣрѣ получасомъ позднѣе, когда мы и человѣкъ десять рабочихъ сидѣли въ каморкѣ, я былъ свидѣтелемъ такой сцены.—

Входитъ одинъ рабочій и говоритъ:

— Тамъ пришелъ сотрудникъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“. Можно его ввести сюда?

— Отъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, говорите,—переспросилъ Гапонъ.—Ахъ, это жидовская газета... Нѣтъ, не нужно, не пускайте.

Тутъ же сидѣлъ еще одинъ журналистъ, не помню кто и отъ какой газеты.

Мы переглянулись.

Гапонъ тотчасъ замѣтилъ это, нѣсколько какъ будто смѣшался, а затѣмъ обратился къ намъ:

— Или, можетъ быть, пустить, господа? Какъ вы думаете?

— Конечно пустить.

— Да, да, пусть войдетъ.

Не знаю, какъ эта сцена подѣйствовала на моего собрата, а мнѣ было очень не по себѣ. Слишкомъ уже странно выходило: руководитель рабочихъ, стоитъ во главѣ несомнѣнно политическаго движенія и дѣлитъ газеты на жидовскія и не жидовскія.

А между тѣмъ, съ другихъ заводовъ получались извѣстія, что рабочіе рѣшаютъ поддержать путиловцевъ забастовкой. Большинство назначало забастовку на 7 января, т. е. пятаго, наканунѣ крещенія работать, а затѣмъ уже седьмого не выходить на работу.

Движеніе охватило весь Петербургъ.

Въ помѣщеніи собирались делегаты, избранные для переговоровъ съ правленіемъ путиловскаго завода. Собственно эти переговоры и являлись рѣшающими. Если правленіе уступитъ, согласится выполнить требованія рабочихъ, то и движеніе кончится естественнымъ путемъ. Если же нѣтъ, то забастовка путиловскаго завода разростается въ забастовку всѣхъ заводовъ.

Я попросилъ у Гапона разрѣшенія присутствовать при переговорахъ. Онъ нѣсколько заколебался было, но меня поддержали рабочіе, и онъ согласился.

Мы поѣхали съ нимъ на его лихачѣ. Дорогой онъ задавалъ мнѣ, какъ тогда мнѣ казалось, странные вопросы. Вмѣсто того, чтобы думать о томъ, какъ заставить правленіе исполнить требованія рабочихъ, онъ разспрашивалъ меня: какъ относится къ нему интеллигенція, располагаютъ ли революціонные кружки и партіи возможностью вооружить рабочихъ, что говорятъ въ партіяхъ о немъ, чѣмъ заняты партіи въ настоящій моментъ, каковы ихъ планы на ближайшее будущее?

Похоже было на допросъ въ охранкѣ, такъ что я раза два, что называется, огрызнулся. Но его это нисколько не смущало.

Онъ хлопалъ меня по плечу и говорилъ:

— Ну, ну, ничего это я такъ.....

Послѣ я этотъ его пріемъ видѣлъ нѣсколько разъ. Онъ говоритъ человѣку недопустимыя вещи; тотъ осаживаетъ его самымъ рѣшительнымъ образомъ, осаживаетъ оскорбительно и умышленно оскорбительно,—казалось бы должна произойти ссора. Но Гапонъ хлопаетъ противника по плечу и:

— Ну, ну, ничего. Это я такъ... Оставимъ это...

И переводитъ разговоръ на другой предметъ.

— Что это—безстыдство?—думалъ я, когда испытывалъ на себѣ этотъ его пріемъ. Или же онъ, дѣйствительно, болтаетъ такъ зря, безъ всякаго умысла, что взбредетъ въ голову?

Но какъ впослѣдствіи я убѣдился, зряшней болтовней онъ никогда не занимался. Все, что онъ выспрашивалъ, ему было нужно знать, все дѣлалось и говорилось съ какой либо опредѣленной цѣлью.

На оскорбленія же, какъ оказалось потомъ, онъ просто неспособенъ былъ реагировать; они его какъ то не задѣвали глубоко, скользили по немъ.

Бываютъ такія натуры. Сущность такихъ людей народъ опредѣляетъ пословицей: „ему хоть плюй*) въ глаза, а онъ все говоритъ:

— Божья роса.

Теперь эта черта его характера, очень понятна мнѣ, а тогда я едва удержался отъ оскорбленія дѣйствіемъ: такъ грубы и некрасивы были его вывѣдыванія.

Но кипятиться можно минуту, двѣ, пять, десять, а не часъ, который мы провели съ нимъ на извозчикѣ отъ путиловскаго завода и до правленія, гдѣ то около думы. Въ концѣ концовъ все же наладился спокойный разговоръ, можетъ быть, потому, что я отнесъ непріятныя выспрашиванія на счетъ его невѣжества и чисто поповской назойливости (бываютъ такіе попы, конечно не всѣ) и рѣшилъ не обижаться.

При томъ же я заявилъ, что недавно только пріѣхалъ изъ провинціи и ничего не знаю ни о партійной работѣ, ни о томъ, какъ столичная интеллигенція относится къ нему лично.

— Ахъ, вы недавно пріѣхали?!.... Ну, а вы лично согласились бы помогать мнѣ.

— Въ чемъ именно помогать вамъ?

*) Слово „плюй“ ставится нами на мѣстѣ болѣе сильнаго выраженія. Авт.

— Да вотъ, хотя бы, въ этой самой забастовкѣ.

— Но какая же можетъ быть помощь съ моей стороны.

— Можетъ быть, потребуется написать какое нибудь... воззваніе. Я и самъ, конечно, могъ бы сдѣлать это, но я такъ занятъ...

— Если это воззваніе не будетъ противорѣчить моимъ убѣжденіямъ, то, конечно, напишу. Въ такой помощи я никому не откажу.

— Конечно, конечно... Противъ совѣсти зачѣмъ же.

— А вы думаете выпустить воззваніе.

— Да... можетъ быть.... объ этомъ мы поговоримъ послѣ.

Я имѣю основаніе думать, что уже въ это время у него назрѣвала пока еще неясная мысль о шествіи ко дворцу съ петиціей.

Отсюда, можетъ быть, вытекали и вопросы о помощи со стороны интеллигенціи, о вооруженіи, о текущихъ партійныхъ задачахъ и пр.

Въ правленіи намъ пришлось дожидаться минутъ 10 15 ть. Затѣмъ къ намъ вышелъ предсѣдатель правленія, кажется, два члена и еще не то секретарь, не то бухгалтеръ. Послѣдній съ книгами.

Предсѣдатель сказалъ что то въ родѣ рѣчи, содержаніе которой сводилось къ тому, что правленіе всегда готово идти на встрѣчу желаніямъ рабочихъ, если эти желанія справедливы и исполнимы. Въ справедливости представленныхъ делегатами требованій онъ желалъ бы не сомнѣваться, но по его мнѣнію они, прежде всего, неисполнимы.

— Вы требуете заработной платы... Но вотъ вамъ книги, смотрите, заводъ получаетъ столько то прибыли, а прибавка составитъ въ годъ для всѣхъ такую то сумму.

Выходило, что прибавка поглощала всю прибыль и требовала еще доплаты въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. То же самое получалось и съ восьми часовымъ рабочимъ днемъ и вообще со всѣми болѣе или менѣе съ серьезными требованіями.

— А вотъ требованіе вѣжливаго обращенія—это мы признаемъ и справедливымъ и въ высшей степени желательнымъ.

Такъ же сочувственно отнесся предсѣдатель къ требованію починить крышу на мастерской, вставить стекла. И вообще правленіе готово было удовлетворить всѣ тѣ требованія, которыя или не вызываютъ никакихъ расходовъ, или касаются суммъ въ нѣсколько десятковъ рублей, вродѣ необходимости вставить стекла.

Делегаты на выкладки предсѣдателя почти ничего не могли отвѣтить. Это были все люди или совсѣмъ неопытные или мало опытные, и они просто не знали, что сказать человѣку, который съ цифрами въ рукахъ доказываетъ, что прибавка въ четвертакъ чернорабочему непосильна для заводоуправленія.

Нѣкоторыя возраженія были, но слабыя и не по существу. Гапонъ тоже бормоталъ что-то неопредѣленное и достаточно несуразное и смолкъ. Онъ какъ будто не хотѣлъ или не зналъ что говорить.

Мнѣ показалось, что онъ даже не слушаетъ предсѣдателя, а думаетъ о чемъ то другомъ.

— Значитъ отказъ? — спросилъ одинъ рабочій.

— Да... вы сами видите, что ваши требованія невыполнимы отвѣтилъ предсѣдатель.

Мы вышли. Въ подъѣздѣ Гапонъ меня остановилъ и спросилъ:

— Вы куда сейчасъ?

— Я въ редакцію. Мнѣ нужно написать отчетъ о своей поѣздкѣ къ вамъ сюда.

— А потомъ куда?

— Потомъ домой, обѣдать, я еще не ѣлъ ничего сегодня.

— И затѣмъ вы свободны?

— Да, до завтра.

— Такъ вы вотъ что, пріѣзжайте ко мнѣ сегодня часовъ въ 11-ть. Тамъ мы потолкуемъ.

— Хорошо, пріѣду. Мнѣ кстати нужно еще записать у васъ, какіе заводы рѣшили бастовать.

— Вотъ, вотъ. Къ тому времени у меня будутъ всѣ свѣдѣнія. Я записалъ его адресъ и мы разстались.

Глава 3-ья.

Среди гапоновцевъ, у Гапона.

Въ 11 часовъ ночи я звонилъ въ квартиру Гапона. Мнѣ открыла дверь женщина, за ней стояла другая. Обѣ онѣ своей манерой говорить и двигаться напоминали мнѣ деревенскихъ черничекъ. Потомъ я узналъ, что онѣ выросли въ какомъ то казенномъ воспитательномъ заведеніи подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства. Изъ-за нихъ то и вышелъ скандалъ у Гапона. Онѣ, что называется, бѣжали изъ заведенія къ нему и одна сдѣлалась его женой, а другая просто жила при ней, какъ подруга, помогая по хозяйству. Въ домѣ больше никакой прислуги не было.

— Кого вамъ?—спросила жена Гапона.

— О-ца Георгія... Онъ назначилъ мнѣ это время.

— Зайдите... Его нѣтъ, вамъ придется подождать.

Я вошелъ. Въ передней всѣ вѣшалки были заполнены шубами и пальто. Изъ внутреннихъ комнатъ доносился неясный гулъ голосовъ.

Пока я раздѣвался, въ переднюю вышелъ одинъ изъ рабочихъ.

— Вы къ отцу Георгію?

— Да.

— Онъ скоро придетъ. Сюда проходите.

Онъ раскрылъ дверь въ столовую. Тамъ стоялъ длинный обѣденный столъ, сплошь заставленный пивными бутылками и порожними уже и съ пивомъ. Вокругъ сидѣло человѣкъ десять рабочихъ и одинъ интеллигентъ, какъ потомъ оказалось, сотрудникъ „Торгово-Промышленной Газеты“ и Петербургскаго телеграфнаго агентства.

Въ первый моментъ вся публика мнѣ показалась однородной. Но минутъ черезъ десять, оглядѣвшись и присмотрѣвшись, я увидѣлъ, что тутъ два сорта людей: одни находятся въ состояніи возбужденія (не отъ пива), говорятъ, волнуются, выражаютъ надежды и опасенія,—а другіе, напротивъ слишкомъ уже спокойны и больше слушаютъ, чѣмъ говорятъ. Еще черточка: вторые выспрашиваютъ первыхъ о заводахъ, о настроеніи рабочихъ, о ихъ составѣ на данномъ заводѣ, о группировкѣ по партіямъ, о надеждахъ, опасеніяхъ, объ отношеніи ихъ къ союзу „русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ“ и въ частности къ Гапону.

Первые, какъ оказалось, явились делегатами съ разныхъ заводовъ, ихъ было человѣкъ 7 или 8; а вторые были ближайшіе сотрудники Гапона, его, что называется, наперсники, посвященные имъ во всѣ сокровенные замыслы.

Отвѣты на разспросы отовсюду получались одинаковые:

— Рабочіе рвутся къ забастовкѣ.

Помню, былъ даже одинъ заводъ (кажется, французскій), на которомъ директоръ соглашался удовлетворить всѣ требованія рабочихъ, но они все же рѣшили бастовать, чтобы поддержать путиловцевъ. Вообще подъемъ духа былъ огромный. Рабочіе были увлечены однимъ общимъ теченіемъ, весьма сильнымъ и достаточно опредѣленнымъ. Делегаты докладывали, что:

— Экономическія требованія мало интересуютъ рабочихъ. Больше того, къ нимъ относятся скептически: „сегодня обѣщаютъ, даже дадутъ, а завтра все отнимутъ назадъ съ помощью полиціи и казаковъ.“

И если тѣмъ не менѣе на всѣхъ заводахъ наряду съ политическими требованіями выставлялись и экономическія, то только для соблюденія декорума и въ видѣ уступки меньшинству, которое еще не доросло до политики.

Большинство же увлекалось исключительно политическими требованіями. Сподвижниковъ Гапона, какъ я замѣтилъ, особенно интересовала именно эта черта движенія. Они подолгу и подробно останавливались на этомъ пунктѣ, предлагали вопросы въ различной формѣ объ одномъ и томъ же.

На меня эти вопросы опять произвели неблагопріятное для гапоновцевъ впечатлѣніе. Похоже было на то, что они не совсѣмъ довольны политической окраской движенія Имъ было бы пріятнѣе, если бы въ средѣ рабочихъ преобладали симпатіи къ экономическимъ требованіямъ.

— А какъ... сколько у васъ человѣкъ стоятъ за экономическія требованія?—спрашиваетъ, напримѣръ, одинъ.

— За одни экономическія?

— Да.

— О! Такихъ совсѣмъ немного... Часть чернорабочихъ и мастера!—съ довольнымъ лицомъ отвѣчаетъ делегатъ.

Но совсѣмъ не такое довольное выраженіе физіономіи у его собесѣдника. Его даже, какъ будто коробитъ.

— Ну, а тѣ... Почему они собственно настаиваютъ на политическихъ требованіяхъ?

Делегатъ не понимаетъ вопроса.

— Ну вотъ у васъ постановлено: „всеобщее, прямое, тайное и равное избирательное право“,—что они понимаютъ подъ этимъ? Зачѣмъ это имъ нужно?

— Какъ зачѣмъ?! Для того, чтобы и рабочіе, и весь народъ участвовалъ въ управленіи страной.

— Въ министры что ли хотятъ?.—съязвилъ гапоновецъ.

Но делегатъ былъ въ такомъ настроеніи, что не почувствовалъ ядовитой стрѣлы. Онъ, повидимому, не допускалъ и мысли, что могутъ быть люди, которые не сочувствуютъ и не радуются гражданскому пробужденію рабочихъ массъ. Самъ онъ весь погрузился въ это радостное и бодрое пробужденіе, полное безкорыстнаго стремленія къ всеобщему благополучію и счастью,—а поэтому такое же настроеніе предполагалъ и у своего собесѣдника. И ядовитый, несомнѣнно, вопросъ имъ просто былъ принятъ за плоскую, но безобидную шутку.

— Ну, ужъ и въ министры сейчасъ. Мы не привычны къ этому, да и не годимся ..

Начались шуточки на счетъ министровъ. Но гапоновцы молчали. Въ это время пришелъ Гапонъ и съ нимъ еще двое его ближайшихъ сотрудниковъ.

Ему кратко передали о положеніи вещей на заводахъ: такіе то и такіе то заводы рѣшили присоединиться къ забастовкѣ, требованія выставляютъ и экономическія и политическія.

Но онъ не удовольствовался этимъ краткимъ докладомъ и сталъ подробно разспрашивать каждаго делегата. Разспросы касались опять того же пункта о политическихъ и экономическихъ требованіяхъ.

— Ну, а если предложить выставлять одни экономическія требованія... Какъ къ этому отнесутся рабочіе?

— Не согласятся, — заявляютъ делегаты.—Совсѣмъ не въ авантажѣ теперь экономика.

— А вы и ваши товарищи.. руководители не могли бы ихъ уговорить?

— Но руководители то первые и не согласятся. Да и не вышло бы изъ этого ничего. Всѣ теперь за политику. . . . Только самые темные за экономическія требованія.

— Одни экономическія требованія совсѣмъ ни къ чему,—подтверждаетъ второй делегатъ.

— Вотъ если одни политическія, безъ экономическихъ,—на это, пожалуй,пойдутъ,—высказываетъ свое соображеніе третій.

— Нѣтъ, нѣтъ, одни политическія нельзя,—перебиваетъ его Гапонъ. Мы должны держаться экономическихъ требованій. . . Политика не наше дѣло. . . Впрочемъ,—какъ бы вспомнилъ онъ что-то,—мы объ этомъ еще поговоримъ. . . Можетъ быть, это и хорошо.

Разговоръ о заводахъ и настроеніи рабочихъ кончился. Сотрудникъ „Торгово-Промышленной Газеты“ началъ разсказывать о предстоящемъ совѣщаніи министра финансовъ съ владѣльцами промышленныхъ заведеній по поводу забастовки.

Делегаты жадно набросились на него съ разспросами, а Гапонъ въ это время тронулъ одного изъ своихъ сотрудниковъ за плечо, и они отошли въ уголъ комнаты, какъ разъ въ тотъ, отъ котораго я сидѣлъ въ разстояніи не болѣе двухъ аршинъ.

Что сказалъ Гапонъ своему собесѣднику я не слышалъ и не слушалъ, такъ какъ вмѣстѣ со всѣми былъ занятъ разсказомъ сотрудника „Т. Пр. Газеты“. Но въ слѣдующій моментъ какъ то сразу въ комнатѣ наступила тишина, и до меня ясно долетѣлъ вопросъ собесѣдника Гапона:

— А его свѣтлость что говоритъ?

— Его свѣтлость съ нами: онъ обѣщаетъ все. . . .

Меня покоробило:

— Значитъ, за Гапономъ стоитъ какая то свѣтлость и не въ единственномъ лицѣ, конечно. . . Что е это значитъ. Какимъ образомъ зачѣмъ таинственная „свѣтлость“ нимается организаціей забастокъ. На что ей это нужно? Чего а хочетъ добиться съ помощью бочей массы?

Нужно сказать, что затѣмъ я старался выяснить роль таинственной „свѣтлости“ въ дѣлѣ 9 января, но мнѣ это не удалось. И Гапонъ и его собесѣдникъ (это былъ Кузинъ) хранили упорное молчаніе, а на прямые вопросы отвѣчали, что никакой „свѣтлости“ не было, а также и разговора о „свѣтлости“ не было.

Минутъ черезъ десять делегаты ушли. Своимъ сотрудникамъ Гапонъ тоже далъ различныя порученія на слѣдующій день, и они тоже ушли. Кузина онъ увелъ въ кабинетъ и тамъ посадилъ за переписку какой то бумаги, и мы остались съ Гапономъ вдвоемъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло,—тотчасъ же началъ онъ.—Не можете ли вы привлечь интеллигенцію къ нашему дѣлу.

Я сказалъ, что не могу, такъ какъ не обладаю достаточно прочными и обширными связями и что ему лучше съ этимъ обратиться къ кому либо другому.

— Да... да... Я уже обращался къ Строеву, но у него какъ то ничего не выходитъ.

Впослѣдствіи оказалось, что онъ обращался не къ Строеву только, но и къ другимъ. Велись переговоры и съ партіями, но тамъ, повидимому, возможность совмѣстной работы допускалась только при извѣстныхъ условіяхъ и прежде всего при условіи отказа Гапона отъ шаткой политики съ явной зубатовской окраской.

Партійные работники, повидимому, не прочь были работать въ отдѣлахъ союза, но при условіи выступленія съ опредѣленной программой, не допускающей шатанія отъ демократической республики къ содружеству съ охраннымъ отдѣленіемъ.

Какъ впослѣдствіи мнѣ говорилъ Гапонъ, ему прямо задавали вопросъ:

— Скажите: зубатовецъ вы или нѣтъ?

А на этотъ вопросъ онъ и не хотѣлъ, да, пожалуй, и не могъ еще тогда отвѣтить. Онъ и самъ еще не зналъ опредѣленно: останется онъ агентомъ охраннаго отдѣленія, или же ему придется безповоротно вступить на революціонный путь, къ революціоннымъ цѣлямъ.

Какъ уже говорилось выше, рѣшеніе этого вопроса не отъ него зависѣло, а отъ силы и направленія разростающагося рабочаго движенія, къ которому онъ былъ прикомандированъ охранкой.

Этого онъ мнѣ не говорилъ, и многое изъ того, что я сейчасъ здѣсь высказываю, для меня стало ясно только впослѣдствіи, въ декабрѣ 1906 года. Но и тогда уже было видно, что онъ по меньшей мѣрѣ колеблется. А его отношенія къ Зубатовщинѣ не были тайной ни для кого и тогда, наканунѣ 9 января. Эти отношенія обсуждались всѣми, до послѣдняго момента ставился вопросъ:

— Все еще зубатовецъ Гапонъ, или онъ уже порвалъ свои связи съ охраннымъ отдѣленіемъ?

Не могъ не ставить этого вопроса и я, а поэтому невольно замѣчалъ всѣ мелкія черты его поведенія, совокупность которыхъ и давала въ общей суммѣ опредѣленное впечатлѣніе:

— Гапонъ колеблется. Гапонъ не знаетъ, что для него выгоднѣе: остаться ли вѣрнымъ слугой охранниковъ или же всецѣло опереться на рабочую массу?

Силы интеллигентовъ и партійныхъ работниковъ онъ, конечно, тоже учитывалъ. Вотъ, почему и добивался такъ прямого и опредѣленнаго отвѣта:

— Какъ къ нему относятся интеллигенція и партіи?

Если они готовы принять его въ свою среду, если они относятся къ нему съ полнымъ довѣріемъ и ничего не будутъ имѣть противъ того, чтобы онъ остался попрежнему единственнымъ руководителемъ союзовъ, то, пожалуй, можно рискнуть порвать связь съ охраннымъ отдѣленіемъ.

Такимъ образомъ, рѣшеніе вопроса, съ которымъ обращались партійные работники къ Гапону (Зубатовецъ ты или нѣтъ), въ сущности зависѣло не отъ него, а отъ нихъ самихъ, отъ ихъ отношенія къ нему, г. е. готовности съ ихъ стороны отнестись къ нему съ полнымъ довѣріемъ и еще отъ готовности удовлетвориться второстепенной и подчиненной ролью въ дѣлѣ руководительства рабочими союза.

Какъ видитъ читатель, уже эти запросы Гапона сами въ себѣ заключали отрицаніе возможности совмѣстной работы съ партіями, такъ какъ никакая партія, какъ таковая, не можетъ становиться на второе мѣсто и въ подчиненное положеніе по отношенію къ кому бы то ни было, а тѣмъ болѣе по отношенію къ одному человѣку, да еще въ дѣлѣ руководительства рабочими массами, организація которыхъ является прямой цѣлью той партіи, съ которой Гапонъ велъ переговоры.

Совмѣстная работа, очевидно, возможна была только въ томъ случаѣ, если бы Гапонъ искренно рѣшилъ занять по отношенію къ партіи подчиненное положеніе, какъ одинъ изъ ея работниковъ, не больше.

Но этого отъ Гапона нельзя было ждать, въ чемъ и убѣдились партіи во время его заграничныхъ странствованій.

Прежде всего,—и это главное—Гапонъ на организацію рабочихъ смотрѣлъ, какъ на средство и орудіе для достиженія чисто личныхъ своихъ цѣлей. Уже по этому одному уступить добровольно кому бы то ни было руководящую роль онъ не могъ. А затѣмъ, нужно сказать, что касается оцѣнки значенія партій и ихъ функцій въ

странѣ, онъ былъ полнѣйшимъ невѣждой. По его мнѣнію, партіи возникаютъ и организуются въ цѣляхъ и интересахъ ихъ руководителей, что и обусловливаетъ ихъ тактику и самыя программы. Иначе говоря, къ партіямъ онъ прилагалъ свою собственную мѣрку, судилъ, что называется, по себѣ.

Все это, повторяю, стало для меня ясно только послѣ. Тогда же я только догадывался кое о чемъ и ни въ чемъ не былъ увѣренъ.

Поэтому въ дальнѣйшемъ разговорѣ держалъ себя осторожно, но отъ обсужденія предлагаемыхъ вопросовъ не уклонялся.

— А какъ вы думаете, промышленники уступятъ? — спрашиваетъ Гапонъ.

— Это будетъ зависѣть отъ настроенія и поведенія самихъ рабочихъ, отъ ихъ сплоченности, стойкости и многаго другого.

— Нѣтъ, я не про то... Я говорю о совѣщаніи въ министерствѣ. Вотъ, которое завтра назначено.

— Вы надѣетесь, что завтра они рѣшатъ удовлетворить всѣ требованія рабочихъ.

— Да.

— Этого ни въ коемъ случаѣ нельзя ожидать.

— Почему.

— Да потому, что забастовка только еще начинается, и промышленники не имѣли еще возможности убѣдиться въ стойкости и сплоченности рабочихъ. А до тѣхъ поръ, пока они въ этомъ не убѣдятся, они не уступятъ.

— Но почему?

— Да просто потому, что у нихъ остается надежда на то, что рабочіе испугаются возможной безработицы и встанутъ на работу безъ всякихъ уступокъ.

— Но, вѣдь, настроеніе рабочихъ уже выяснилось.

— Для насъ—да. Но не для нихъ. Предъ нами рабочій является въ одномъ видѣ, а передъ ними въ другомъ. Я вотъ сегодня видѣлъ рабочихъ въ нарвскомъ отдѣлѣ и тѣхъ рабочихъ въ правленіи завода...

— Ну, и что же?—насторожился Гапонъ.

— Ну, и тамъ и тутъ люди были разные. Въ отдѣлѣ—рѣшительные, твердые, возбужденные, а въ правленіи—робкіе, растерявшіеся, безпомощные... А васъ, напримѣръ, я совсѣмъ не узналъ. Въ отдѣлѣ вы были однимъ, а въ правленіи совсѣмъ другимъ, и рѣчь у васъ совсѣмъ не та была.... поведеніе.

— Да.. Я не могъ... нельзя мнѣ... Такъ вы полагаете, что совѣщаніе откажетъ рабочимъ?

— Почти увѣренъ въ этомъ... Оно не откажетъ, не скажетъ:—„не желаемъ удовлетворить требованій рабочихъ“, а признаетъ эти требованія невыполнимыми.

— Что же дѣлать?

— Ждать пока забастовка охватитъ весь Петербургъ и тѣмъ самымъ убѣдить предпринимателей, что предъ ними, противъ нихъ выступаетъ солидарная, сплоченная масса, которой нельзя не уступить.

— Да... Но вѣдь это затянется... Нѣтъ, это не годится,—добавилъ Гапонъ, какъ бы про себя.

— Что не годится?

— Нѣтъ... Это я такъ... Не обращайте вниманія... Усталъ я...

Я простился и ушелъ.

У подъѣзда мнѣ встрѣтились двое, лично мнѣ извѣстныхъ, партійныхъ работника.

Они шли къ Гапону. Я раскланялся съ ними и поѣхалъ домой.

Былъ уже первый часъ ночи.

Глава 4-ая.

Что это?

Для меня наступила мучительная, безсонная ночь, такихъ потомъ у меня было не мало. Я уже чувствовалъ, что не могу оставаться

спокойнымъ зрителемъ совершающихся вокругъ меня событій.

А что эти событія потомъ развернутся въ трагедію, я уже почти былъ увѣренъ.

Для меня прежде всего, было ясно, что собственно гапоновцы и та рабочая масса, во главѣ которой, волею случая они встали, далеко не составляютъ однородной по своимъ цѣлямъ массы.

— Гапонъ и гапоновцы имѣютъ однѣ цѣли, а у рабочихъ совсѣмъ другія,—говорилъ я себѣ.

— И, можетъ быть, цѣль Гапона лежитъ въ противоположной сторонѣ отъ цѣли рабочихъ... Что тогда должно получиться? Куда Гапонъ заведетъ эту малосознательную, почти темную, но довѣряющую ему массу? Что это за Его Свѣтлость? — Титулованный соціалистъ изъ волшебнаго замка? Такихъ въ наше время не бываетъ. Соціализмъ тутъ ни при чемъ, если не играетъ роли, страдательной роли. Почему Гапона и гапоновцевъ такъ пугаетъ и коробитъ политическая окраска забастовки. И кто они, эти его сподвижники: безсознательные его поклонники или сознательные и преднамѣренные зубатовцы?

Послѣ одного дня личнаго знакомства, по однимъ отрывочнымъ впечатлѣніямъ, всѣ эти вопросы трудно было разрѣшить. Въ сущности у меня была одна только руководящая нить, одинъ фактъ, стоящій внѣ всякихъ сомнѣній, это то, что *Гапонъ во всякомъ случаѣ вышелъ изъ зубатовскаго гнѣзда.*

Но теперь? Дѣйствуетъ ли онъ по прежнему въ интересахъ охраннаго отдѣленія? Используетъ ли рабочее движеніе въ своихъ личныхъ цѣляхъ, не совпадающихъ съ цѣлями охраннаго отдѣленія? Или же искренно преданъ интересамъ рабочихъ?

Сознаюсь, послѣдній вопросъ я хотя и ставилъ добросовѣстно наряду съ другими, но, ни минуты не колеблясь, рѣшалъ его въ отрицательномъ смыслѣ.

— Нѣтъ, онъ не думаетъ объ интересахъ рабочихъ, какъ и объ интересахъ страны. Въ его рѣчахъ и поступкахъ слишкомъ много мѣста занимаетъ онъ самъ.

А если это такъ, то остается одно изъ двухъ: или онъ дѣйствуетъ по инструкціи охраннаго отдѣленія, или же на свой страхъ и для себя лично.

— Иного рѣшенія вопроса не можетъ быть... И въ томъ и въ другомъ случаѣ рабочіе рискнутъ поплатиться ради чуждыхъ имъ интересовъ.

А расплата при такомъ широкомъ размахѣ забастовки можетъ быть ужасна.

— Но что можетъ Гапонъ... придумать. Куда онъ можетъ толкнуть рабочихъ?

На этотъ вопросъ я не могъ найти никакого отвѣта.

Въ одномъ только я былъ увѣренъ.—Это въ томъ, что измѣнить окраску забастовки онъ не можетъ, если бы и захотѣлъ. Что забастовка выльется въ чисто политическую демонстрацію, въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Достаточно было пробыть среди рабочихъ одинъ часъ, чтобы всякія сомнѣнія на этотъ счетъ уничтожились безслѣдно.

— Въ эту сторону онъ, вѣроятно, и попытокъ не будетъ дѣлать... Если онъ не совсѣмъ идіотъ. О! Нѣтъ! Онъ не идіотъ... Онъ, можетъ быть, невѣжественный человѣкъ, человѣкъ безъ жажды идеала, себялюбецъ, но хитрый, проникновенный, великолѣпно понимающій окружающую его обстановку.

А настроеніе рабочихъ такъ било въ глаза всякому, что не видѣть его было невозможно. Они всѣми фибрами своей души рвались на подвигъ за всѣхъ.

— Всѣ за одного и каждый за всѣхъ.

И въ этомъ стремленіи каждый старался обогнать всѣхъ. Путиловцы оказались впереди, и имъ просто завидовали рабочіе тѣхъ заводовъ, на которыхъ работа еще продолжалась. Работающіе какъ бы стыдились даже, что они еще не забастовали, и на вопросъ:

— У васъ еще работаютъ?

Отвѣчали:

— Работаютъ.—

Но тутъ же спѣшили добавить:

— Съ 7 го числа мы тоже бастуемъ. Это уже рѣшено... Собственно пятаго мы послѣдній день работаемъ, но такъ какъ 6 го праздникъ, то и считается, что мы забастуемъ съ седьмого..

— У насъ тоже рѣшили забастовать,—спѣшитъ заявить другой еще работающій.—Единогласно рѣшили... Мастеръ началъ было что-то говорить, такъ его...

И какое удовлетвореніе за своихъ товарищей слышалось въ словахъ: „единогласно рѣшили". Видно было, что человѣкъ уже счастливъ однимъ сознаніемъ, что живетъ и работаетъ въ такой средѣ, которая единогласно рѣшаетъ идти на подвигъ.

И, конечно, не перспектива полученія прибавки лишняго рубля давала это удовлетвореніе. Рублю можно радоваться, если голоденъ и получаешь возможность пообѣдать,—но и только, не больше. Настроенія, граничащаго съ полнымъ удовлетвореніемъ, рубль никогда не создастъ, хотя бы онъ пришелъ не одинъ, а въ сообществѣ безчисленнаго множества сотоварищей. Въ послѣднемъ случаѣ получилось бы полное матеріальное довольство, но никакъ не удовлетвореніе, никакъ не то высокое настроеніе, при наличности котораго мы говоримъ:

— Вотъ счастливый человѣкъ!

Такихъ „счастливыхъ" людей бываетъ мало, и наблюдать ихъ приходится рѣдко. Такое счастье приходитъ иногда только на одинъ моментъ, но и этотъ моментъ остается въ памяти человѣка на всю жизнь.

А тогда это счастье съ путиловскаго завода разливалось по всему рабочему Петербургу. Пролетаріатъ какъ бы прозрѣлъ всей массой, разомъ получилъ вкусъ къ счастью самопожертвованія и жадно ловилъ моменты, жалѣя о каждомъ потерянномъ днѣ, часѣ, минутѣ.

Это было счастье товарищества. Тогда, можетъ быть, впервые вся рабочая масса Петербурга поняла сладость товарищескихъ узъ; съ тѣхъ поръ и до сегодня въ слово „товарищъ" стало вкладываться не холодное обращеніе, а горячее чувство солидарности и общности идеаловъ.

Слово „товарищъ" стало святымъ словомъ, цѣнностью самой къ себѣ.

На это то святое чувство и готовилось какое то покушеніе.

— Какое? Что если оно будетъ использовано для такого шага, послѣ котораго петербургскій пролетаріатъ будетъ проклинать дни своего увлеченія? Стыдиться его?..

Вотъ что, собственно, доводило меня до ужаса въ часы безсонной ночи, послѣ перваго знакомства съ Гапономъ и его помощниками.

Я не видѣлъ за ними чистоты ихъ намѣреній; я видѣлъ, напротивъ, что самихъ ихъ не увлекаетъ проснувшееся чувство солидарности рабочихъ; я видѣлъ, что они, если и увлекаются, то чѣмъ-то другимъ, постороннимъ и чуждымъ рабочему движенію, можетъ быть, враждебнымъ.

И это вселяло въ меня страхъ не за однихъ только петербургскихъ рабочихъ. Я не могъ не понимать, что ложный шагъ всей массы рабочихъ Петербурга не можетъ остаться безъ вліянія и на всю остальную Россію.

— Петербургъ, какъ никакъ, столица Имперіи и вмѣстѣ главный культурный центръ средоточія наиболѣе интеллигентныхъ силъ и партійныхъ организацій. На него поэтому *смотритъ* вся Россія, и, въ силу этого, онъ отвѣчаетъ не за себя только, но и за всю Россію, дѣйствуетъ, такъ сказать, за счетъ всей страны. Результаты этихъ дѣйствій, поэтому, неминуемо отражаются на всей странѣ. Успѣхъ Петербурга—успѣхъ всей Россіи. И, обратно, неудача, провалъ Петербурга—неудача и провалъ всей Россіи.

— Что же, что готовитъ ему Гапонъ.

Этотъ вопросъ особенно мучительно и настойчиво вставалъ предо мной. Думаю, что я не преувеличивалъ значеніе Гапона даже и при той суммѣ наблюденій, которыми я обладалъ тогда, въ ночь на 4 или 5-е января 1905 года. Въ этихъ наблюденіяхъ было одно несомнѣнное и неопровержимое—это то, что Гапонъ пользуется огромнымъ вліяніемъ среди рабочихъ союза, который въ свою очередь оказался во главѣ всего рабочаго движенія.

Какъ онъ пріобрѣлъ это вліяніе, это другой вопросъ, на который я не могу дать болѣе или м е н ѣ е удовлетворительнаго отвѣта, такъ какъ процессъ завоеванія довѣрія рабочихъ совершился до меня, до моего знакомства съ Гапономъ. Я могу тутъ дѣлать только предположенія, основываясь на позднѣйшихъ наблюденіяхъ.

Предположенія эти сводятся къ слѣдующему. Несвязанный никакими принципами, Гапонъ совершенно свободно предлагалъ своей аудиторіи и каждому рабочему въ отдѣльности то, что наиболѣе ему по сердцу. Чтобы завоевать массы или покорить себѣ отдѣльнаго нужнаго ему человѣка, онъ всегда готовъ былъ потворствовать всякимъ заблужденіямъ и увлеченіемъ. Не нужно забывать, напримѣръ, что онъ, не вѣря ни въ Бога ни въ чорта, больше г о д а, выступалъ

11436.

предъ рабочими въ качествѣ священника, служилъ молебны, исповѣдывалъ „слово Божіе" и вообще удовлетворялъ и х ъ потребности религіознаго чувства, ни разу и ни словомъ не намекнувъ имъ, что они заблуждаются въ своей вѣрѣ въ индивидуальное божество.

Затѣмъ тѣ же рабочіе, члены „союза русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ" были патріотами самого первобытнаго качества. И въ этомъ онъ шелъ на встрѣчу ихъ настроенію: устраивалъ молебны при участіи градоначальника, полицеймейстера и прочихъ членовъ участка и пр.

Они ненавидѣли жидовъ и соціалистовъ,—и онъ шелъ съ ними объ руку въ этой ненависти.

Объ инцидентѣ съ сотрудникомъ „жидовской газеты" я уже говорилъ выше. А относительно соціалистовъ тоже были факты. Посылая своихъ сотрудниковъ въ отдѣлы, онъ давалъ имъ наказъ: слѣдите за соціалъ-демократами, не давайте имъ распоряжаться въ аудиторіи... въ случаѣ чего, за дверь..

Такіе наказы я неизмѣнно слышалъ 3, 4, 5, 6, 7 и 8-го января. Къ соціалъ-демократамъ относились отрицательно, и онъ поддерживалъ это отношеніе, культивировалъ его, хотя и велъ переговоры съ тѣми же соціалъ-демократами, предлагалъ имъ совмѣстную дѣятельность.

Получалась весьма некрасивая вещь. На случай разрыва съ охраннымъ отдѣленіемъ, онъ держалъ про запасъ возможный союзъ съ соціалъ-демократами, а пока разрабатывалъ въ средѣ рабочихъ почву ненависти къ тѣмъ же соціалъ-демократамъ.

Тутъ былъ, очевидно, двойной расчетъ. Если разрывъ съ охранкой произойдетъ и союзъ съ партіей станетъ необходимымъ, то отрицательное отношеніе рабочихъ „союза" къ соціалъ-демократамъ дастъ возможность Гапону удер-

жать за собой первое мѣсто въ дѣлѣ руководительства рабочими. Если же разрыва съ охранкой не произойдетъ, то ненависть рабочихъ къ соціалъ демократамъ окажется весьма полезной и необходимой Гапону для болѣе успѣшной борьбы съ соціализмомъ вообще.

Такъ, Гапонъ, потворствуя низменнымъ настроеніямъ малосознательной тогда массы, одновременно и пріобрѣталъ популярность въ глазахъ этой массы и устранялъ возможныхъ конкурентовъ. Послѣднее ему также было необходимо, какъ и первое. Съ распространеніемъ вліянія соціалъ-демократовъ въ союзѣ, его вліянію быстро пришелъ бы конецъ; онъ великъ былъ только въ средѣ темной массы, а въ средѣ сознательныхъ партійныхъ работниковъ онъ оказался бы совершенно незамѣтной величиной, при томъ же величиной отрицательной.

Но какими бы средствами Гапонъ ни пользовался для пріобрѣтенія вліянія на рабочихъ, фактъ этого вліянія былъ на лицо, въ немъ нельзя было сомнѣваться, его приходилось принимать цѣликомъ и считаться съ нимъ.

А этотъ „счетъ“ приводилъ къ простому заключенію.

— Гапонъ можетъ употребить свое вліяніе на рабочихъ одинаково какъ въ сторону добра, такъ и въ сторону зла. Смотря по тому, что ему будетъ выгоднѣе.

А его выгоды съ выгодами рабочихъ могутъ совпасть только случайно,—скорѣе же не совпадутъ, такъ какъ онъ и рабочіе стоятъ въ разныхъ соціальныхъ плоскостяхъ. Онъ является представителемъ враждебнаго рабочимъ класса и скорѣе погубитъ тотъ святой огонь, который горитъ теперь въ сердцахъ рабочихъ, чѣмъ вынесетъ его на то возвышеніе, о которомъ говоритъ Христосъ.

Къ такимъ безотраднымъ заключеніямъ приходилъ я, перебирая всѣ мельчайшія черточки перваго дня моего знакомства съ Гапономъ.

Къ утру у меня уже составилось опредѣленное убѣжденіе.

— Можетъ быть худо и очень худо.

И этому худу надо помѣшать, если возможно.

Нельзя допускать, чтобы торгаши распродавали святое чувство братской солидарности трудящихся массъ.

Великій подъемъ чувства долженъ имѣть и великія послѣдствія,—этотъ подъемъ долженъ оставить неизгладимый слѣдъ въ исторіи въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ.

Съ этимъ рѣшеніемъ я уснулъ.

Глава 5-ая.

Гапонъ рѣшается.

На другой день я съ утра поѣхалъ въ нарвскій отдѣлъ „союза“. Какъ и вчера помѣщеніе союза было переполнено. Рабочіе кучками заполняли дворъ, длинный проходъ съ улицы и троттуаръ на цѣлый кварталъ. Повидимому, на-лицо былъ весь Путиловскій заводъ, всѣ 12 тысячъ рабочихъ. Не было только женщинъ.

И вся эта многотысячная масса, какъ и вчера, чувствовала себя бодрой, веселой, почти счастливой. Лица у всѣхъ одухотворенныя, въ обращеніи чувствуется какая-то особенная теплота, привѣтливость.

Въ аудиторіи говорилъ какой-то соціалъ демократъ. Ораторъ осторожно развивалъ свою программу, удивительно искусно обходя острые углы психики малосознательныхъ массъ.

Онъ зналъ съ кѣмъ онъ говоритъ и принималъ это во вниманіе, но ни на іоту не поступался программой своей партіи. Говорилъ онъ о томъ, что для борьбы съ предпринимателями необходимы, во-первыхъ, политическія свободы, а во-вторыхъ, партійная организація,—и доказывалъ это умѣло, ярко, для всѣхъ понятно. Аудиторія нѣсколько разъ прерывала его аплодисментами, слышались возгласы:

— Да! Да! Браво!

— Вотъ видите, что дѣлаетъ забастовка — обратился ко мнѣ мой сосѣдъ, повидимому, партійный рабочій.—А еще недѣлю назадъ они были черносотенцами и о „политикѣ“ ничего слышать не хотѣли. Какъ только, бывало, заговоришь о необходимости политическихъ выступленій, такъ поднимется такой гвалтъ, что потолки рушатся.

— А Гапонъ какъ относился къ подобнымъ рѣчамъ?

— А Гапонъ самъ, конечно, не вмѣшивался въ скандалы... Но... вѣдь онъ тутъ душа всего, отъ него все исходитъ.

— А въ своихъ рѣчахъ какъ онъ относится къ политическимъ выступленіямъ.

— Въ рѣчахъ: «политика не наше дѣло»... Да вотъ сами услышите... Вотъ онъ пришелъ.

Ораторъ соціалъ-демократъ кончилъ стереотипнымъ: „Да здравствуетъ р. с. д. р. партія!

Ему похлопали, но жидко. Особенность мало сознательной аудиторіи, воспитанной политикой Гапона. По существу во всѣхъ подробностяхъ она согласна съ программой соціалъ-демократовъ, а соціалъ-демократовъ, какъ партію, не пріемлетъ, потому что Гапонъ и его помощники указывали на эту партію, какъ на жупелъ.

На кафедру всходитъ Гапонъ.

Онъ докладываетъ о вчерашней поѣздкѣ въ правленіе Путиловскаго завода. По его словамъ выходило, что онъ весьма горячо и талантливо отстаивалъ интересы рабочихъ, но это ни къ чему не повело: правленіе не хочетъ и слышать о нуждахъ рабочихъ.

Окончивъ рѣчь въ этой ея части, онъ перешелъ къ убѣжденію о необходимости стоять крѣпко, не падать духомъ...

— Правленіе еще не послѣдняя инстанція,—говорилъ онъ. — И его слово не послѣднее слово...

Я и мой сосѣдъ ожидали, что дальше онъ скажетъ:

— Послѣднее слово скажутъ сами рабочіе, вся пролетарская масса Петербурга и т. д.

Но оказалось, что мы ошиблись, оказалось, что, кромѣ правленія, есть еще и министръ финансовъ.

Дальше выходило такъ, что настояніями Гапона и подъ его давленіемъ министръ финансовъ рѣшилъ и сегодня же соберетъ совѣщаніе изъ промышленниковъ.

Зачѣмъ ему нужна была эта ложь, не понимаю до сихъ поръ. Совѣщаніе собиралось по иниціативѣ самихъ промышленниковъ, и имѣлись въ виду ихъ интересы, а не интересы рабочихъ.

Вѣроятно, онъ лгалъ по усвоенной ему привычкѣ выставлять себя вліятельнымъ лицомъ въ административныхъ сферахъ.

Это соображеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что дальше онъ сталъ доказывать совершенно обратное:

— Ни на предпринимателей, ни на министровъ рабочіе не могутъ и не должны полагаться... Министры—естественные заступники промышленниковъ и ихъ исконные покровители и укрыватели... Въ глазахъ министра всегда останется правъ хозяинъ и виноватъ рабочій...

И такъ далѣе, въ этомъ родѣ, и въ заключеніе:

— Чтобы успѣшно бороться съ промышленниками, рабочіе должны обладать гражданскими правами, должны добиваться замѣны полицейскаго строя правовымъ... Намъ нужна конституція съ представительными органами... И мы добьемся этой конституціи, мы отыщемъ ее, если потребуется, и помимо министровъ и чиновни-

ковъ... Мы знаемъ гдѣ она лежитъ и ждетъ, когда за ней придетъ рабочій народъ. Такъ, товарищи, знаемъ?

— Знаемъ, знаемъ.

— Отыщемъ?

— Со дна моря достанемъ.

Мой сосѣдъ посмотрѣлъ на меня широко открытыми глазами. На лицѣ у него было написано и недоумѣніе, и удивленіе, и радость.

— Что съ нимъ случилось? Куда это онъ гнетъ. О конституціи заговорилъ.

Но куда онъ гнулъ, мы такъ и не узнали на этотъ разъ.

Когда шумъ затихъ, Гапонъ закончилъ рѣчь загадочными словами:

— Такъ, такъ, товарищи! Недолго уже намъ осталось терпѣть. Подождемъ немногіе дни и пойдемъ отыскивать конституцію... вмѣстѣ съ женами, дѣтьми, стариками отцами.

Въ аудиторіи поднялась цѣлая буря восторга.

— Добудемъ!

— Не спрячутъ!

— Изъ-подъ земли выкопаемъ!

— Изъ зубовъ вырвемъ!

Когда крики восторга прекратились, я обратился къ одному изъ рабочихъ, особенно восторженно привѣтствовавшихъ рѣчь Гапона:

— Что онъ хотѣлъ сказать этими словами?

— Какими?

— Да вотъ о конституціи?

— Какъ что. Пойдемъ добывать конституцію...

— Да, но куда нужно идти?

— Куда... замялся рабочій, но сейчасъ же какъ бы стряхнулъ съ себя всякія сомнѣнія и тономъ, недопускающимъ никакихъ возраженій, заявилъ:

— Отецъ Георгій знаетъ уже куда идти... Онъ, небось, управитъ... Онъ—не мы: ему всѣ пути открыты.

Туманныя картины о какомъ-то походѣ въ невѣдомое хранилище конституціи, оказывается, нисколько не смутили аудиторію Гапона; она готова была слѣпо слѣдовать за нимъ, такъ какъ была увѣрена, что „ему всѣ пути открыты“.

Какъ онъ вселилъ въ нихъ эту увѣренность,—это опять таки остается подъ сомнѣніемъ. Можетъ быть, этому до извѣстной степени способствовали молебны съ участіемъ градоначальника и прочаго генералитета и вообще его панибратство съ „сильными міра“ Мало-сознательная масса видѣла, что предъ нимъ легко раскрываются всѣ двери, его ходатайства уважаются, по его слову, имъ не препятствуютъ собираться и говорить о чемъ хотятъ и какъ хотятъ, тогда какъ другихъ за это же самое хватаютъ и тащутъ въ тюрьму. Видитъ все это и, не понимая его роли и отношеній къ тому самому генералитету, который милостиво присутствуетъ на молебнахъ, рѣшаетъ:

— Онъ особенный человѣкъ... Ему всѣ пути открыты.

Какъ и почему открыты эти пути? Этими вопросами темная масса не задавалась и, повидимому, не пыталась ихъ рѣшить. Ей достаточно было полумистической вѣры въ его силу и вліяніе на начальство.

Партійные рабочіе, конечно, пытались разъяснить имъ и значеніе и качество этой силы:

— Гапонъ зубатовецъ, Гапонъ охранникъ и состоитъ на службѣ у правительства.

Такія рѣчи до нихъ доходили, не могли не доходить. Но въ томъ —то и дѣло, что они тогда не доросли еще до пониманія несовмѣстимости интересовъ рабочихъ массъ съ интересами охраннаго отдѣленія.

— Зубатовецъ. Охранникъ. Пусть такъ... Но онъ сильный человѣкъ и работаетъ съ нами и для насъ.

Такъ разсуждали рабочіе до 9-го января. Въ союзѣ съ охраннымъ отдѣленіемъ они не видѣли ничего предосудительнаго.

А Гапонъ поддерживалъ ихъ въ этомъ мнѣніи, увѣряя, что его сомнительныя связи нисколько не вліяютъ на его работу въ союзѣ, что, если онъ и поддерживаетъ добрыя отношенія съ начальствомъ, то исключительно въ интересахъ рабочихъ.

А позднѣе онъ выражался и болѣе сильно:

— Если бы я былъ женщиной, то сдѣлался бы проституткой, разъ этого потребовали бы интересы рабочихъ.

Цѣль такихъ заявленій понятна. Съ одной стороны такимъ образомъ афишируется его, якобы, самоотверженая преданность интересамъ рабочихъ, а съ другой—въ средѣ самихъ рабочихъ вытравляется нравственная брезгливость, отчего сама масса становится гибкой и податливой на всякіе компромиссы и даже прямо некрасивые поступки. Въ качествѣ критерія нравственности тутъ подставляется матеріальная выгода организаціи.

— Сдѣлайся проституткой, только добывай деньги для „союза“.

Съ такимъ „критеріемъ“ можно идти куда хочешь, на всякое дѣло, во всякую помойную яму. Запачкаться не рискуешь. Охранка въ такомъ случаѣ столь же чистое, мѣсто, какъ и всякое другое.

Такъ, по моему мнѣнію, Гапонъ создалъ себѣ популярность въ средѣ малосознательныхъ массъ рабочихъ. Опираясь на охранное отдѣленіе и на силу и вліяніе нѣкоторыхъ сановниковъ, онъ выступалъ предъ рабочими въ обаяніи силы и власти, которая, какъ онъ увѣрялъ, всецѣло используется въ интересахъ рабочихъ массъ.

Положеніе, весьма выгодное для него, но возможно оно было только тогда, въ средѣ рабочихъ 1904 года и начала 1905 года.

Это былъ историческій моментъ естественнаго перелома, когда необходимость организаціи и массовыхъ выступленій являлась какъ бы атмосферой жизни рабочихъ массъ и чувствовалась сама собой каждымъ и всѣми. Между тѣмъ, огромное большинство этихъ массъ, было еще всецѣло во власти пережитковъ и суевѣрій, подъ обаяніемъ унаслѣдованныхъ отъ отцовъ и дѣдовъ авторитетовъ и символовъ.

Попъ, въ качествѣ руководителя, въ такомъ случаѣ, какъ разъ на мѣстѣ. Такимъ попомъ и выступилъ Гапонъ.... За нимъ и пошли, слѣпо, съ полнымъ довѣріемъ, по первому слову, по первому туманному намеку.

Темная стихія поднялась всей массой.

Куда?

Этого я незналъ, приблизительно часовъ до 5 вечера этого дня.

Изъ Нарвскаго Отдѣла я, вслѣдъ за Гапономъ, поѣхалъ въ отдѣлъ за Московской Заставой, потомъ на Обводный Каналъ, потомъ на Пески, на Выборгскую Сторону, на Васильевскій островъ...

Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ была непроходимая толпа, но Гапона пропускали; ему тотчасъ давали дорогу. И затѣмъ толпа смыкалась и ужъ никакими силами нельзя было протискаться внутрь помѣщенія. За Московской Заставой я замѣшкался съ извозчикомъ всего на полминуты и такъ и остался на дворѣ.

Гапонъ вездѣ кратко сообщалъ о результатахъ поѣздки въ правленіе Путиловскаго завода, о предстоящемъ совѣщаніи промышленниковъ, а затѣмъ шла та же рѣчь о паломничествѣ въ мѣста нахожденія конституціи. И вездѣ его рѣчи сопровождались взрывомъ энтузіазма.

— Пойдемъ! Пойдемъ!

— Добудемъ!

— Съ корнемъ вырвемъ!

Только на Васильевскомъ островѣ, гдѣ вліяніе соціалъ-демократовъ было особенно сильно, слышались отдѣльные скептическіе вопросы:

— А какъ, съ разрѣшенія начальства пойдете за конституціей или такъ, на свой страхъ?

Но и эти возгласы потонули въ общемъ взрывѣ восторженныхъ привѣтствій. Я садился уже на извозчика, какъ меня кто-то взялъ подъ руку. Оглядываюсь, за мной стоитъ Гапонъ.

— Пойдемте со мной.

— Куда?

— Я васъ довезу до Невскаго.

Я отпустилъ своего извозчика и сѣлъ съ нимъ въ сани.

— Какъ вы думаете,—по обыкновенію, прямо приступилъ онъ къ цѣли.—Если пойти ко дворцу съ петиціей?

— То есть, какъ это пойти съ петиціей ко дворцу? Кто долженъ идти?

— Рабочіе, я, вы, всѣ, весь Петербургъ...

— Вы это имѣли въ виду, когда говорили въ отдѣлахъ?

— Да, это.

— Съ женами и дѣтьми, со стариками отцами?

— Вотъ, вотъ... Вы слышали.

— Да, слышалъ Но... Это неисполнимо. Полиція не пуститъ.

— Вы слишкомъ большое значеніе придаете полиціи.

— Можетъ быть.

— Вы только представьте себѣ,— вдругъ оживился онъ,—въ заранѣе назначенный часъ, одновременно со всѣхъ окраинъ, по всѣмъ улицамъ начинаютъ двигаться тысячи, десятки тысячъ людей. На всѣхъ углахъ, со всѣхъ дворовъ къ нимъ на каждомъ шагу присоединяются все новыя и новыя сотни, тысячи людей. Вѣдь это лавина. И течетъ она сразу, вездѣ и всюду..., Что тутъ можетъ сдѣлать полиція?

— Да, пожалуй .. Но какая цѣль этого движенія, этой лавины?

— Подадимъ Государю петицію.

— Но его нѣтъ въ Петербургѣ.

— Пріѣдетъ. Мы наканунѣ увѣдомимъ его и сѣхъ министровъ.

— Все же онъ не пріѣдетъ, мнѣ кажется...

— Пріѣдетъ. Мы не уйдемъ съ дворцовой площади, пока онъ не выйдетъ и не приметъ петицію.

— Какъ же это не уйдете?

— Такъ, будемъ сидѣть на снѣгу весь день, всю ночь, слѣдующій день. Триста тысячъ человѣкъ расположились передъ дворцомъ и говорятъ: „умремъ тутъ на морозѣ, ляжемъ костьми съ женами и дѣтьми, а не уйдемъ, пока не подадимъ петицію Царю Батюшкѣ, пока не скажемъ ему всю правду, какъ страдаетъ и мучится рабочій народъ“.

— Да... Все это, можетъ быть, и было бы такъ, но до площади вы не дойдете. Разъ наканунѣ министры будутъ знать обо всемъ, то всѣ пути будутъ заграждены войсками.

— Нѣтъ, войска не будутъ вызваны.

— Вы въ этомъ увѣрены?

—Я это знаю... Войскъ не вызовутъ... А если и вызовутъ, стрѣлять не будутъ.

— Какъ вы можете это знать?

— Знаю,

— Кстати, кто это Его Свѣтлость, о которомъ вы вчера говорили съ Кузинымъ.

Я задалъ ему этотъ вопросъ, потому что мнѣ пришла въ голову мысль: „нѣтъ ли у него согласія начальства на это шествіе. Не въ этомъ ли „Его Свѣтлость“ обѣщалъ свою помощь“.

Гапонъ какъ-то подозрительно и вмѣстѣ испуганно посмотрѣлъ на меня, а потомъ опустилъ глаза и отвѣтилъ:

— Мы о Его Свѣтлости не говорили вчера

— Какъ не говорили. Вы отвели Кузина въ уголъ, и я совершенно случайно и помимо своей воли услышалъ вопросъ Кузина: „А Его Свѣтлость что говоритъ“?—Вы ему на это отвѣтили: „Его Свѣтлость съ нами... онъ обѣщалъ все“...

Но Гапонъ успѣлъ уже оправиться отъ неожиданнаго вопроса и совершенно спокойно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, этого не было. Это вамъ послышалось... Да это пустяки, не стоитъ объ этомъ говорить.

— Да, конечно, разъ я ослышался. Но я думалъ, что, можетъ быть, вы чрезъ эту „свѣтлость“ заручились согласіемъ... сферъ на подачу петиціи...

— Нѣтъ, нѣтъ... Я такъ знаю, что не будутъ стрѣлять. Мы поднимемъ иконы, возьмемъ портреты царя и съ пѣніемъ: „Спаси Господи люди твоя“... пойдемъ... Развѣ возможно въ такомъ случаѣ стрѣлять, при такой обстановкѣ... При томъ же тутъ будутъ женщины, дѣти, старики...

— По человѣчеству невозможно, кончно, но вѣдь бываютъ и дикіе, безчеловѣчные поступки...

— Нѣтъ, это пустяки. Ничего не будетъ.

— Напротивъ, все можетъ быть, настаивалъ я,—и мой совѣтъ: подумать да и подумать прежде чѣмъ рѣшиться на такое дѣло. Вѣдь вы хотите вести сотни тысячъ людей, при томъ же вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми...

— Нѣтъ, нѣтъ, напрасно вы безпокоитесь.

Я понялъ, что онъ уже рѣшился и не измѣнитъ своего рѣшенія, и если завелъ объ этомъ сомной разговоръ, то вовсе не для того чтобы узнать мое мнѣніе о тѣхъ опасностяхъ, которыми грозитъ шествіе ко дворцу. Ему, очевидно, нужно было что-то другое.

— И это мое предположеніе тотчасъ же и оправдалось.

— А какъ вы думаете, интеллигенція пойдетъ?—спрашиваетъ Гапонъ.

— Ну, на это трудно отвѣтить. Интеллигенція по своему составу далеко не однородна и не единомышленна. Возможно, что многіе вообще отнесутся отрицательно не только къ всенародному шествію съ иконами и портретами, но и къ самой подачѣ петиціи.

— А партіи?

— Что партіи?—переспросилъ я.

— Какъ они отнесутся къ этому?

— И этого невозможно угадать.

— А... не вздумаютъ онѣ воспользоваться?

— Чѣмъ?

— Да вотъ, тѣмъ положеніемъ, когда царь выйдетъ къ рабочимъ... Вѣдь тутъ возможно покушеніе.

— Мнѣ, кажется, напротивъ, невозможно. За покушеніемъ тотчасъ начнется разстрѣлъ всей массы а на это не пойдетъ ни одна партія.

— Вы думаете?

— Увѣренъ въ этомъ.

— Да, пожалуй, это такъ. Все же... на всякій случай у насъ будетъ своя полиція. Мы назначимъ 500 человѣкъ вполнѣ надежныхъ членовъ вашего союза... Передайте это...

— Кому?—усмѣхнулся я. Всему Петербургу?

— Нѣтъ,—партіямъ.

— Но я не партійный человѣкъ и никакихъ связей съ партіями не имѣю.

Онъ какъ-то искоса, подозрительно взглянулъ на меня и протянулъ:

— А... Ну, все равно... Охрана будетъ и такая, что муха не пролетитъ.

— Зима теперь. Нѣтъ мухъ...

— Не въ этомъ дѣло. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Вполнѣ понимаю, *что вы хотите сказать*, но не понимаю, почему вы это мнѣ говорите.

— Да... ну, это все равно... А вы не согласитесь написать петицію?—круто повернулъ онъ разговоръ.

— Петицію?—удивился я.—Но вѣдь я не въ курсѣ дѣла... Я не знаю даже, что и какъ въ ней писать.

— Мы вамъ дадимъ выписку: что нужно просить,—а вы только облеките въ такую форму, чтобы это подѣйствовало и на царя и на рабочихъ.

— Трудную вы задачу мнѣ задаете, весьма трудную. Для этого прежде всего нужно знать царя, къ которому пишешь, и рабочихъ, отъ имени которыхъ пишешь. А затѣмъ, то, что растрогаетъ царя, можетъ не понравиться рабочимъ. И обратно: весьма трогательное для рабочихъ можетъ показаться обиднымъ царю.

Онъ посмотрѣлъ на меня, съ полминуты подумалъ, опустивъ голову, а затѣмъ проговорилъ:

— Нѣтъ, это не такъ. Вы не знаете нашихъ рабочихъ.. Они не такіе.

На Невскомъ, около кондитерской Филиппова, мы съ нимъ разстались

— Вечеромъ приходите!—крикнулъ онъ мнѣ, входя въ двери кондитерской.

Потомъ оказалось, что въ кондитерской ему назначилъ свиданіе какой-то полусумасшедшій, нѣкто Экъ. Онъ выдавалъ себя за „полномоченнаго одной изъ партій и назначалъ Гапону свиданія въ кондитерской, на вокзалахъ и чуть ли не подъ мостами.

Гапонъ являлся, но Экъ отдѣлывался пустыми фразами, вродѣ того, что не успѣлъ еще ничего сдѣлать,—назначалъ на завтра новое свиданіе, на новомъ мѣстѣ.

Наконецъ, Гапонъ не выдержалъ и поручилъ возню съ этимъ господиномъ Кузину, которому также такъ и не удалось добиться толку отъ таинственнаго конспиратора.

Я привожу этотъ случай здѣсь отчасти для полноты обстановки, въ какой дѣйствовалъ Гапонъ, а также и ради характеристики его стремленія во что бы то ни было завязать сношенія съ партіями.

Глава 6-ая.

Гапонъ подготовляетъ шествіе.

Вечеромъ въ 11 часовъ я опять былъ въ квартирѣ Гапона. Тамъ, по обыкновенію, была толпа: пили пиво, разговаривали, Гапонъ давалъ порученія и инструкціи своимъ подручнымъ.

На этотъ разъ въ числѣ прочихъ порученій было и извѣщеніе рабочихъ о предполагаемомъ шествіи ко дворцу съ петиціей. Предсѣдателямъ отдѣловъ поручено было позондировать почву: какъ отнесутся рабочіе къ этому проекту? То же рекомендовалось и ораторамъ.

Какихъ либо колебаній въ этомъ отношеніи у Гапона уже не было. Онъ уже рѣшился окончательно и заботился только объ одномъ: наэлектризовать массу возможно сильнѣе, увлечь возможно больше людей.

Помимо какихъ бы то ни было чисто личныхъ разсчетовъ, его увлекла, повидимому, еще и сама картина всенароднаго шествія, этотъ могучій потокъ людей, одухотворенныхъ одной мыслью, однимъ желаніемъ... И во главѣ этого потока онъ, Гапонъ, вчера еще незамѣтный священникъ съ сомнительной репутаціей агента охраннаго отдѣленія!

Картина могучая, увлекательная и заманчивая.

Въ такихъ условіяхъ дѣйствовать безъ увлеченія, съ однимъ сухимъ разсчетомъ, невозможно. Для этого нужно быть очень ужъ сухимъ, черствымъ, совершенно безсердечнымъ человѣкомъ, безъ одной искорки въ душѣ.

Я не думаю, что этой искорки не было въ душѣ Гапона. Она несомнѣнно была, но на ней былъ толстый слой чисто поповскаго оппортунизма, заходящаго за предѣлы требованій самой снисходительной нравственности. Какъ и у всякаго типичнаго попа, усвоившаго семинарскую и академическую "этику", у него былъ единственный идеалъ; успѣхъ въ жизни, еще успѣхъ и опять успѣхъ... Все же остальное приложится, по выраженію библейскаго автора біографіи Соломона.

Но какъ бы и чѣмъ бы ни была завалена «искорка», она не могла не разгорѣться при такой бурѣ воодушевленія тысячъ людей одной идеей, однимъ желаніемъ. Картина подъема духа была слишкомъ грандіозна, слишкомъ ярка, чтобы можно было оставаться предъ ней спокойнымъ зрителемъ, расчетливо учитывающимъ плюсы и минусы результатовъ движенія въ свою пользу.

И я думаю, что не погрѣшу противъ истины, если скажу, что:

— Гапонъ сначала съ опредѣленными разсчетами увлекалъ рабочихъ, но затѣмъ общій подъемъ духа, его чисто эпидемическое распространеніе на всю массу рабочихъ, стали увлекать его самого, захвативъ въ общее русло, однимъ общимъ теченіемъ.

Въ концѣ концовъ онъ оказался такимъ же покорнымъ рабомъ стихіи, какъ и всѣ.

Таково ужъ вліяніе, такова сила движенія народныхъ массъ. Разъ человѣкъ попалъ въ сферу вліянія этого движенія, онъ уже не устоитъ, его унесетъ вмѣстѣ съ прочими.

Унесло и Гапона, несомнѣнно дальше, чѣмъ онъ преополагалъ, когда взялъ на себя руководительство забастовкой на Путиловскомъ заводѣ.

Въ тотъ вечеръ, о которомъ я говорю, онъ уже былъ несомнѣнно подъ вліяніемъ „теченія".

Такъ, когда сотрудникъ Петербургскаго агентства сообщилъ о результатахъ совѣщанія промышленниковъ, рѣшившихъ не уступать рабочимъ, Гапонъ не только принялъ это спокойно, но даже, какъ будто доволенъ былъ такимъ исходомъ.

И дѣйствительно, если бы промышленники пришли къ противоположному рѣшенію, то есть если бы они рѣшили удовлетворить требованія рабочихъ и тѣмъ ликвидировать распространяющуюся забастовку, то шествіе ко дворцу могло и не состояться, или, если и состоялось бы, то не въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ.

А Гапону, повидимому, уже жаль было бы разставаться съ вынашеннымъ планомъ; ему жаль было бы замазать и бросить вполнѣ законченную картину, на которой онъ самъ занималъ первое мѣсто.

Принесенное сотрудникомъ Петербургскаго агентства извѣстіе поэтому даже не обсуждалось.

Оно опоздало и потеряло интересъ, прежде чѣмъ самый фактъ совершился. Промышленники могли и не совѣщаться, не утруждать министра. Ихъ совѣщаніе никому уже не было нужно, никого не интересовало.

Всѣ мы цѣликомъ были поглощены другимъ.

Это другое овладѣло всѣми, какъ кошмаръ, до полнаго уничтоженія воли и сознанія окружающей дѣйствительности.

— Вы напишете петиціи?—обратился ко мнѣ Гапонъ, когда всѣ уже вышли въ переднюю.

А она къ какому времени нужна?

— Завтра къ этому же часу не позднѣе.

— Я васъ завтра увѣдомлю, или постараюсь встрѣтить васъ лично и тогда скажу. Мнѣ нужно подумать.

Мнѣ дѣйствительно нужно было подумать; у меня были сомнѣнія, о которыхъ я здѣсь не буду говорить, такъ какъ о нихъ подробно говорится въ моей „Исповѣди".

Но помимо этихъ сомнѣній, мнѣ нужно было, чтобы написать петицію, хорошенько усвоить настроеніе и психологію самихъ петиціонеровъ, такъ сказать, пропитаться этимъ настроеніемъ и этой психологіей.

Для этого я на слѣдующій день съ утра отправился въ путешествіе по отдѣламъ. Было 10 часовъ, когда я пришелъ въ отдѣлъ на Пескахъ. Тутъ была уже толпа. И на этотъ разъ были не одни рабочіе, но и интеллигенты, по преимуществу, студенты, курсистки.

Интеллигенція, о которой такъ хлопоталъ Гапонъ, сама пришла, **безъ приглашенія, въ силу только** тяготѣнія къ общему движенію. И пришла, какъ разъ, во время, для Гапона въ особенности. Если бы она пришла двумя днями раньше, то увидѣла бы личность неопредѣленной окраски, колеблющуюся и **далеко не яркую.**

Теперь же предъ ней выступилъ народный трибунъ, зовущій аудиторію на подвигъ, призывающій пожертвовать всѣмъ для свободы.

Въ этотъ день я его слышалъ только одинъ разъ, часа въ 2 дня, за Нарвской Заставой. Говорилъ, онъ, дѣйствительно, увлекательно и говорилъ именно такъ, какъ надо говорить предъ малосознательной аудиторіей.

Онъ уже прямо рисовалъ картину шествія съ открытой душой, съ чистымъ сердцемъ, съ готовностью пожертвовать жизнью за правду, за всеобщее благо, за счастье...

Но я не безъ удивленія выслушалъ конецъ рѣчи, приблизительно такого содержанія:

— Но если и тутъ мы не найдемъ справедливости, если и тутъ нѣтъ правды, то долой... самодержавіе!.. Долой царя!... . . . . .

— Что это,—думалъ я, выслушавъ это заключеніе.—Значитъ, онъ не увѣренъ, что все такъ благополучно кончится, какъ старался вчера представить мнѣ? Значитъ, онъ допускаетъ возможность катастрофы?

Оказалось потомъ, что онъ допускалъ. Возможно, что онъ успѣлъ увидѣться съ кѣмъ либо изъ „сильныхъ міра“ и убѣдился, что подать петицію и сказать всю правду не такъ уже легко.

Кажется, я не ошибусь, если скажу, что этотъ „кто либо“ былъ никто иной, какъ министръ юстиціи. Я не могу съ увѣренностью сказать, что Гапонъ былъ у него въ это утро, но что онъ вообще бывалъ у него въ эти дни, это я знаю навѣрное. Знаю также, что онъ совѣтовался съ нимъ относительно шествія и подачи петиціи. И, повидимому, министръ сочувствовалъ этому плану, хотя за послѣдствія, конечно, не ручался.

Такъ, въ этотъ же день, часовъ въ 5-ть Гапонъ совѣтовался со мной:

— Не опасно ли поѣхать къ министру юстиціи?

Оказывается, что министръ просилъ его пріѣхать въ 6 мъ часу къ нему, на квартиру, но Гапонъ опасался, что жандармерія уже знаетъ о готовящемся шествіи и можетъ тамъ арестовать его.

Я, конечно, никакого совѣта ему не могъ дать, такъ какъ ни этого министра, ни его отношеній къ Гапону не зналъ.

Но Гапонъ самъ рѣшилъ, что „онъ не предастъ“, и поѣхалъ къ нему, прихвативъ съ собой на всякій случай Кузина.

Поѣздка обошлась вполнѣ благополучно. Ни охранка, ни жандармерія, повидимому, ничего не знали, такъ какъ вполнѣ довѣряли Гапону и своихъ агентовъ въ отдѣлы не посылали.

Эта поѣздка тогда же навела меня на размышленія.

— Зачѣмъ Гапонъ потребовался министру юстиціи? Какое онъ можетъ имѣть отношеніе къ нему, какъ къ священнику и какъ къ

руководителю рабочаго союза? Никакого. Даже, если допустить, что Гапонъ былъ агентомъ охраннаго отдѣленія, и тогда министръ юстиціи никакихъ прямыхъ служебныхъ отношеній къ нему, какъ къ агенту, имѣть не могъ.

Остается, слѣдовательно, предположить союзъ между министромъ юстиціи и Гапономъ не на служебной почвѣ. Проще говоря, министръ юстиціи пользовался Гапономъ для какихъ то своихъ цѣлей... И можетъ быть, въ его планы для достиженія этихъ цѣлей, какъ составная часть, входило и шествіе съ петиціей...

Гапонъ въ своей книгѣ объ этомъ ничего не говоритъ, а между тѣмъ, мнѣ кажется, тутъ-то и завязывался узелъ всѣхъ событій. Министръ юстиціи несомнѣнно былъ причастенъ къ 9 му января, какъ одинъ изъ соучастниковъ Гапона, а, можетъ быть, и главный вдохновитель.

8-го января, когда Гапонъ уже положительно скрывался, потому что наканунѣ было получено у него на квартирѣ требованіе градоначальника немедленно явиться къ нему, этотъ министръ сумѣлъ отыскать Гапона (чрезъ своего посланнаго, конечно) и вновь пригласилъ къ себѣ также около 6-ти часовъ вечера. И Гапонъ опять поѣхалъ къ нему съ тѣмъ же Кузинымъ и благополучно возвратился.

Спрашивается: откуда министръ могъ знать конспиративный адресъ Гапона (на Обводномъ Каналѣ), если самъ Гапонъ не оставилъ ему этого адреса. Какимъ образомъ могло случиться, что градоначальникъ со всѣми подчиненными ему чинами охраннаго отдѣленія не могъ отыскать Гапона, а курьеръ министра прямо и безъ запинки пріѣхалъ на его конспиративную квартиру.

И тогда и сейчасъ я увѣренъ, что центръ гапоновской авантюры находился именно въ квартирѣ министра юстиціи. Можетъ быть, министръ былъ не главнымъ лицомъ, но что онъ былъ, по меньшей мѣрѣ, посредникомъ между Гапономъ и кѣмъ-то еще, въ этомъ у меня не было и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Отсюда же Гапонъ, повидимому, почерпнулъ свѣдѣнія и въ то утро, —свѣдѣнія, послѣ которыхъ его увѣренность въ благополучіи шествія не только поколебалась, но, можетъ быть, и совсѣмъ пропала.

Съ нѣкоторымъ рискомъ впасть въ ошибку, можно, пожалуй, даже отгадать, какого рода были эти свѣдѣнія. Если не ошибаюсь, чуть ли не наканунѣ этого дня въ Царскомъ Селѣ состоялось назначеніе Трепова генералъ-губернаторомъ Петербурга. Назначеніе это, какъ извѣстно, сопровождалось особыми полномочіями, о чемъ министръ, конечно, зналъ, какъ зналъ и то, что Треповъ можетъ рѣшиться на любой шагъ.

Такъ ли это или нѣтъ, но фактъ тотъ, что въ этотъ день Гапонъ въ своихъ рѣчахъ вездѣ говорилъ своей аудиторіи о возможности неудачи, разъяснялъ значеніе этой неудачи и указывалъ рабочимъ дальнѣйшій ихъ путь въ борьбѣ за право...

Аудиторія также бурно встрѣчала и эти соображенія. Теперь ужъ большинство рабочихъ были почти увѣрены, что имъ придется имѣть дѣло съ войсками. Но это ихъ нисколько не расхолаживало. Напротивъ, казалось, въ грозящей имъ смертельной опасности они находили вѣнецъ удовлетворенія наросшей потребности гражданскаго самопожертвованія.

Мученическая смерть въ обстановкѣ грандіознаго всенароднаго шествія сдѣлалась, повидимому, потребностью, если не всѣхъ, то огромнаго большинства. Всѣ готовы были умереть, и смерть, не пугала ихъ, а, напротивъ, манила къ

себѣ, тянула какими то сверхъ естественными силами.

Таково было настроеніе рабочихъ 6-го января 1905 года. Въ 2 часа дня я далъ слово Гапону написать петицію и доставить ее къ нему на квартиру къ 11 часамъ вечера.

Я рѣшился на этотъ шагъ послѣ долгихъ колебаній и мукъ.

Дорого мнѣ приходится расплачиваться за это рѣшеніе.

Глава 7-ая

Петиція.

Я не привожу текста петиціи, такъ какъ этотъ текстъ достаточно извѣстенъ всѣмъ. Скажу только, что началъ я писать ее въ 6 часовъ вечера, а къ 9 ти она была готова, въ двухъ экземплярахъ. Жена брала у меня изъ-подъ руки каждый написанный листокъ и заготовляла второй экземпляръ для „Нашихъ Дней“, которымъ, однако, не суждено было напечатать петицію. Газета была закрыта.

Въ 11 часовъ ночи мы съ братомъ Михаиломъ были уже на квартирѣ Гапона.

— Привезли?—встрѣтилъ онъ меня.

— Привезъ.

— Спасибо... спасибо... но, кажется, я долженъ предъ вами извиниться. Кажется, я напрасно утруждалъ васъ.

— Почему напрасно? Развѣ уже есть у васъ?

— Да, есть. Вотъ прочитайте. Кстати, и товарищи послушаютъ.

За столомъ по обыкновенію сидѣли человѣкъ 15 рабочихъ. Тутъ же былъ и сотрудникъ Петербургскаго агентства.

Я началъ читать. Помню петиція начиналась приблизительно такъ:

„На Путиловскомъ заводѣ уволены двое рабочихъ“...

— Ну, что это?—вскочилъ одинъ изъ рабочихъ, какъ только я прочиталъ эти слова,—выходитъ что изъ за двоихъ рабочихъ,—уволенныхъ на Путиловскомъ заводѣ, триста тысячъ человѣкъ идутъ съ петиціей къ Царю.

— Да, какъ будто неладно,—согласился другой.

— Такъ не годится,—поддержалъ и третій.

Я остановился и спросилъ:

— Что же, читать дальше?

Но дальше эту петицію никто не хотѣлъ слушать.

— Не годится. Передѣлать надо.

— А ее уже прочитали рабочимъ на Васильевскомъ Островѣ,—заявилъ, кажется, предсѣдатель василеостровскаго отдѣла.

— Кто прочиталъ? вскочилъ Гапонъ.

— Авторъ. Строевъ.

— Кто его просилъ?—вспылилъ Гапонъ.—Я его просилъ написать и дать мнѣ...

— Не бѣда, можно сказать завтра, что это была только черновая петиція,—вступился одинъ изъ рабочихъ.—Это не важно...

— Да, правда,—согласился и Гапонъ.—Читайте, теперь вашу, послушаемъ! обратился онъ ко мнѣ.

Я началъ читать, подолгу останавливаясь на каждой точкѣ, въ ожиданіи, что, можетъ быть, кто пожелаетъ прервать, сдѣлать замѣчаніе или выразить протестъ, какъ это случилось съ предшествующей петиціей.

Но тишина не прерывалась до самаго конца. Она продолжалась и послѣ того, какъ я кончилъ. Ни одного замѣчанія не послѣдовало, хотя потомъ кто то вставилъ въ середину петиціи ругательства по адресу чиновниковъ, что, помоему мнѣнію, нарушало весь стиль петиціи и портило впечатлѣніе.

Послѣ Кузинъ мнѣ говорилъ, что эту „поправку“ внесъ Гапонъ.

Тутъ же рѣшено было къ утру размножить петицію, раздать во всѣ отдѣлы и съ утра же начать собирать подписи.

Слѣдующій день—это уже 7 е января, если не ошибаюсь.

Съ этого дня начался уже не подъемъ духа, а какой то кошмаръ. Въ отдѣлахъ была такая давка и духота, что женщины падали въ обморокъ. Чтеніе петиціи часто прерывалось истериками.

Мнѣ лично этотъ день и слѣдующій за нимъ, 8 е января, представляются въ какомъ то туманѣ, я не могу себѣ представить отчетливо, въ отдѣльной конкретности, ничего. Все плаваетъ смутными силуэтами въ облакѣ тумана кошмарнаго сосредоточенія на одномъ чувствѣ, на одномъ желаніи.

Вотъ неподвижная въ своей плотности толпа въ отдѣлѣ на Пескахъ. Я вохожу на кафедру, говорю нѣсколько пояснительныхъ словъ и читаю петицію. Съ меня потъ льетъ градомъ, я задыхаюсь отъ жары, отъ волненія, спазмы сжимаютъ мнѣ горло. Я чувствую, что не могу дальше читать, въ головѣ стучитъ мысль:

— Какъ это нехорошо... Такая слабость... Надо побороть себя... Надо, надо, надо...

Какъ вдругъ спертный воздухъ глухо прорѣзываетъ не то плачь, не то смѣхъ, жуткій смѣхъ... Еще въ другомъ углу тоже самое, еще и еще...

— Подождите читать, товарищъ! —нервно вырывается чей-то голосъ.

Я останавливаюсь... Отираю потъ вмѣстѣ съ слезами на глазахъ. Толпа тяжело колышется съ какимъ то особеннымъ усиліемъ... Кого то несутъ въ двери... Толпа раздается...

Я жду.

— Читайте, товарищъ!

Я продолжаю. Опять тѣ же спазмы, голосъ прерывается, я едва держусь на ногахъ, мнѣ хочется разрыдаться и рыдать часъ, два, день—вѣчность.

Чья то рука вырываетъ у меня петицію, чей то голосъ говоритъ:

— Вы такъ всю аудиторію до обморока доведете.

Я опускаюсь на ступеньку возвышенія, сдѣланнаго для кафедры.

Надо мной гудитъ чей то голосъ... Бѣгло, спѣшно дочитывается петиція до конца.

Кто желаетъ подписать, подходите... Только торопитесь, товарищи! На дворѣ полно народу—дожидаются.

Подписываютъ... выходятъ... И тотчасъ аудиторія начинаетъ наполняться новыми жаждущими.

А черезъ полчаса, черезъ часъ кто нибудь беретъ петицію и говоритъ:

— Въ воскресенье. въ 9 часовъ утра мы всѣ отсюда пойдемъ къ Зимнему дворцу и подадимъ Царю петицію. Я вамъ ее сейчасъ прочитаю.

Читается петиція.

Рѣчей нѣтъ, время рѣчей прошло. Всѣ интересуются только однимъ: съ чѣмъ они пойдутъ къ Царю. Какія слова скажутъ ему въ своей всенародной петиціи. Съ какими чувствами пойдутъ къ холоднымъ стѣнамъ дворца. Насколько сильны тѣ слова скорби и любви, въ которыя они вложили свою “всю правду„.

Попытки произнести горячую, обстоятельную рѣчь прерывались возгласами:

— Петицію! Петицію!

Были слушатели, особенно женщины, которые прослушивали петицію по нѣсколько разъ: встанетъ гдѣ нибудь въ углу, склонитъ голову къ холодной каменной стѣнѣ и слушаетъ и... плачетъ, тихими женскими слезами, безъ звука, безъ рыданій. Только плечи вздрагиваютъ и колышатся.

Эти не подписывали петицію.

Зачѣмъ чернило и перо? Зачѣмъ подпись? Они сами будутъ тамъ на этой площади, гдѣ впервые бу-

детъ сказана вся правда, гдѣ выльется вся скорбь, всего народа... Они первые принесутъ туда свое горячее, открытое для любви и жертвъ сердце... На петиціи они напишутъ свое имя своей горячей кровью. Иная подпись была бы профанаціей ихъ великой любви, зародившейся и выросшей въ пучинѣ великихъ скорбей.

— Нѣтъ, они не должны подписывать. Это для нихъ пошло, мелко и... оскорбительно... похоже на исполненіе мелкой канцелярской формальности предъ тѣмъ, какъ человѣкъ собирается принести величайшую жертву человѣчеству— свою жизнь и всю сумму любви своего сердца.

— Нѣтъ, они не подписывали... имъ это не приходило въ голову; они не замѣчали даже, какъ мимо нихъ двигались люди непрерывной вереницей, наклонялись надъ бѣлыми листами и трепетными руками выводили свои имена.

Все это было внѣ поля ихъ духовнаго зрѣнія. Ихъ душа б ы л а тамъ, высоко, въ чистой лазури небесъ, въ абсолютной тишинѣ, въ области абсолютно великой любви, абсолютно безконеченыхъ жертвъ. Детали жизни, въ ихъ конкретно малой величинѣ, отошли отъ нихъ въ четвертое измѣреніе, стали недосягаемыми, непонятными, недоступными усвоенію... Это была уже не ихъ область. Они еще жили среди насъ, но душа ихъ была уже не съ нами, она уже горѣла на жертвенникѣ любви и самоотреченія...

И этотъ святой огонь предрѣшалъ ихъ судьбу. Онъ не отъ міра сего и въ этомъ мірѣ долго горѣть не можетъ; онъ слишкомъ великъ и силенъ, чтобы одинъ человѣкъ могъ быть вѣчнымъ носителемъ на землѣ. Съ нимъ нужно уходить по ту сторону жизни, иначе онъ уйдетъ одинъ, покинетъ своего носителя, и тогда это будетъ самый несчастный человѣкъ подъ солнцемъ... Онъ ежеминутно, каждый моментъ будетъ чувствовать, что обладалъ величайшимъ благомъ, величайшимъ счастьемъ и потерялъ это благо, это счастье... Отчаяніе и скорбь о потерянномъ —единственный удѣлъ такого человѣка на землѣ. Съ такимъ бременемъ, съ такой скорбью нельзя жить.

И они жили только два дня, а затѣмъ избавительница — смерть взяла ихъ въ тѣ надзвѣздныя страны, откуда они пришли къ намъ, какъ живые факелы вѣчно горящей любви.

А мы остались тутъ на муки и скорбь.

— О, вы счастливцы, Богомъ отмѣченные и награжденные свыше всякой мѣры! Какъ не завидовать вамъ? Смотрите, что осталось послѣ.— Муки, страданія, злоба, пошлость, з в ѣ р и н о е самопоѣданіе, грязь, и духота, тьма и смрадъ человѣческаго себялюбія... И только одинъ свѣтлый лучъ—это память о васъ. Въ этомъ утѣшеніе, въ этомъ и надежда на будущее и ни въ чемъ больше.

Мало этого для борьбы съ моремъ зла или достаточно? Вѣдь, это свѣтъ отъ вашего огня... Отъ огня безпредѣльной любви, безконечнаго самопожертвованія.

— Побѣдитъ этотъ свѣтъ тьму ненависти и животнаго эгоизма?

Кто разрѣшитъ намъ этотъ вопросъ, кто дастъ отвѣтъ на него. Вы одни могли разрѣшить его,— но васъ нѣтъ съ нами, н ѣ т ъ и тѣхъ, когорыя пошли вслѣдъ за вами по проложенному вами пути.

Скорбь, скорбь и скорбь... И тьма, сырая, холодная, промозглая, смрадная. Это адъ жизни.. А вы намъ показали уголокъ рая, свѣтлаго, чистаго, ароматнаго, какъ вѣчно юное утро жизни. Г д ѣ оно это утро. Куда ушло. Вы его взяли съ собой.

Нѣтъ васъ, и нѣтъ ничего. Все ушло, уплыло разсѣялось въ пространствѣ.

— Милые. счастливые, великіе — взгляните на насъ несчастныхъ маленькихъ, измученныхъ и пожалѣйте вашей жалостью, оставьте намъ вашу любовь, подарите ваше горячее сердце... Спасите насъ отъ насъ самихъ, научите насъ понять ту правду жизни, которая васъ самихъ сдѣлала такими великими, прекрасными и... счастливыми. Слышите вы насъ? Видите — до чего мы дошли? Мы рычимъ отъ боли другъ на друга, какъ голодные, затравленные звѣри. И рычаніе это наполнило всю жизнь до краевъ. Рычаніе, лясканье зубовъ, хрустаніе костей, стоны и вопли пожираемыхъ—только это и слышно... Ничего больше... ничего. . . . .

. . . . . .

Прошло 7-е января, настало и 8-е. Но эти два дня въ моемъ сознаніи ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Я не вижу грани между ними; они слились въ одно цѣлое, въ одну сплошную массу состоящую изъ какого-то розоваго тумана, въ которомъ шевелится что то такое скорбное и вмѣстѣ прекрасное, великое, чистое, почти недосягаемое... Но что это? Что наполнило эти дни чѣмъ то особеннымъ и вытѣснило все обыденное, всегдашнее, привычное и вполнѣ доступное нашему пониманію? Что?

Въ смутной общности я знаю что это, чувствую,—разчленить эту общность, нарисовать картину, заполнивъ ее отдѣльными конкретными величинами, не могу, не умѣю, не по силамъ мнѣ это, потому что я и самъ не вижу этихъ отдѣльныхъ величинъ, онѣ слились въ одну вмѣстѣ и плотную массу.

Мнѣ кажется, я былъ боленъ и всѣ были больны, если можно принять за болѣзнь потерю способности сознавать окружающую обстановку и въ замѣнъ этого пріобрѣтеніе другой способности, способности всецѣло отдаться общему теченію безъ мысли, безъ разсужденій, безъ анализа...

Въ тѣ дни люди только чувствовали, но не думали. Чувство управляло каждымъ въ отдѣльности и всѣми вмѣстѣ и толкало всѣхъ въ одну сторону, къ одной цѣли— на подвигъ.

Да, подвигъ сталъ уже цѣлью самъ въ себѣ. Два дня назадъ цѣль была иная. Тогда всѣ еще стремились пойти и сказать всю правду, вылить всю скорбь, показать всѣ муки души и тѣла.

А теперь всѣ жаждали подвига для подвига.

— Пойдемъ и примемъ муки и смерть,—доносится до меня откуда-то сквозь розовый туманъ.

— Пойдемъ,— отвѣчаетъ другой голосъ тихо, но рѣшительно.

— Бѣлье чистое надѣнемъ,—еще тише говоритъ первый.

— Да, надо... Я уже приготовилъ.

— И я тоже...

Они уже приготовили... и приготовились чрезъ подвигъ вступить въ новую жизнь, чистыми душой и тѣломъ, съ чистыми помыслами, въ чистомъ бѣльѣ... Все чистое, ни пятнышка: на душѣ, на сердцѣ, на бѣльѣ...

И они идутъ... фигуры ихъ колышатся въ розовомъ туманѣ, и они скрываются въ розовой дали.

А кругомъ тысячи, десятки тысячъ такихъ же, какъ они, съ тѣми же помыслами, съ тѣми же чувствами, во власти того же настроенія...

Всѣ, какъ тѣ, и тѣ, какъ всѣ. Нѣтъ отдѣльныхъ лицъ, есть только масса, однородная по духу и чувствамъ, но живая, нервная, воспріимчивая къ добру и подвигу.

Таковъ былъ канунъ великаго дня 9-го января 1905 года.

Глава 8 ая.

Въ иномъ мірѣ.

Вечеромъ я зашелъ въ редакцію "Сына Отечества„. Тутъ былъ весь интеллигентный Петербургъ. Обсуждалось шествіе завтрашняго дня.

Преобладалъ страхъ за массы, царила почти полная увѣренность, что произойдетъ кровопролитіе. Предлагались мѣры предупрежденія катастрофы.

Послали депутацію къ министрамъ, другую депутацію къ Гапону. И та и другая возвратились ни съ чѣмъ.

Министры отвѣтили:

— Мы нечего не знаемъ, нечего не можемъ...

Отвѣтъ Гапона былъ еще короче:

— Поздно.

Что же дѣлать?

Я не прогрѣшу, кажется противъ правды, если скажу, что на этотъ вопросъ "интеллектъ„ Петербурга не въ состояніи былъ отвѣтить.

Всѣ были согласны съ тѣмъ, что дѣйствительно было поздно. Вожаки интеллигенціи въ своемъ цѣломъ просмотрѣли движеніе, не съумѣли оцѣнить его во время.

Это признавалось всѣми и всѣ досадовали на себя.

И оставалось одно:

— Ждать событій и приготовиться взять руководство въ свои руки.

Послѣ этого естественно вставалъ вопросъ:

Каковы могутъ быть эти событія.

Движеніе можетъ обостриться и изъ паломничества за правдой превратиться въ революціонный взрывъ въ бой на всѣхъ улицахъ Петербурга и тогда:

— Власть можетъ перейти въ руки народа.

На это мало шансовъ, народъ не вооруженъ: онъ понятія не имѣетъ о тактикѣ уличнаго боя... Но онъ— народъ та великая сила, которая, если дать ей толчекъ въ одну сторону, все побѣждаетъ, все смететъ на своемъ пути.

При томъ же... кто можетъ поручиться, что всенародное движеніе не захватитъ и оплотъ старой власти—войска.

Никто...

Ибо нѣтъ предѣла силѣ и власти стихіи, а въ особенности стихіи духа. когда въ душѣ каждаго человѣка бушуетъ вулканъ, потушить который никто ни можетъ, ни, даже онъ самъ.

А тутъ полмилліона вулкановъ съ однимъ общимъ кратеромъ, сила изверженія котораго направлена въ одну сторону, на разрушеніе одного препятствія.

Устоитъ ли это препятствіе?

Можетъ ли устоять?

— Нужно быть готовыми и къ этому.

Стихія только разрушаетъ,—нужно приготовить созидательныя силы.

— Нуженъ комитетъ общественной безопасности... Нужно нѣчто вродѣ временнаго правительства.

Избирается комитетъ съ функціями временнаго правительства.

— Завтра, въ 9 часовъ, когда народъ пойдетъ ко дворцу, комитетъ собирается въ ** и засѣданіе непрерывно.

Вооружены должны быть члены комитета или нѣтъ.

— Господи, о чемъ они толкуютъ?—вскрикиваетъ женщина, стоявшая позади всѣхъ, у самыхъ дверей.—Тамъ сотни тысячъ людей идутъ на смерть, а они... Ну, зачѣмъ имъ вооруженіе?!

— Господа. На кого вы пойдете съ оружіемъ на О го *)? —вырвалось у меня.— Если есть у васъ оружіе, то отдайте лучше его тѣмъ, которые будутъ на улицахъ.

— Да, да. Это вѣрно...

— Есть ли у Гапона оружіе?

— Весьма небольшое количество, а, главное, настроеніе, массъ небоевое: принести себя въ жертву они

готовы всѣ, а на бой пошли бы весьма немногіе.

Но это настроеніе можетъ измѣниться: оно навѣрное измѣнится если открытое сердце встрѣтится съ пулей и штыкомъ.

— Оружіе во всякомъ случаѣ не помѣшало бы.

Но его нѣтъ.

— Поручить комитету организовать доставку оружія.

Комитетъ свято исполнилъ это порученіе. На третій день, т. е. 10 января чрезъ меня было передано разъяреннымъ рабочимъ восемь револьверовъ, изъ коихъ два негодные къ употребленію и всѣ безъ пуль.

Я ушелъ на улицу. На углу на меня налетѣлъ извозчикъ на бойкомъ рысакѣ.

— Стой!—крикнулъ пассажиръ.

Смотрю, изъ саней выходитъ Гапонъ.

— Откуда вы?—спрашиваетъ меня.

— Изъ редакціи...

— А знаю,—перебилъ онъ меня. Тамъ совѣщаются.

— Да, совѣщаются

— Пусть совѣщаются, пустяки это... И такъ завтра идемъ.

— Да, идемъ.

Онъ молчалъ, опустивъ голову. И тоже молчалъ.

— А какъ вы думаете, исторія не забудетъ меня, если...

— Если вы завтра умрете,—докончилъ я его мысль.

— Да.

— Не забудетъ. Такіе факты не забываются.

И мнѣ сейчасъ же стало и горько и стыдно:

— О чемъ мы говоримъ?—думалъ я.—А тѣ, многія тысячи? Вѣдь, ихъ не запишетъ исторія по именамъ.

— До свиданія,—проговорилъ я, повернулся и пошелъ по Литейному.

Позади меня зашуршали полозья саней.

— Поѣхалъ,—подумалъ я,—Какіе мы всѣ... Готовы умереть, но непремѣнно съ... саркофагомъ.

Ночь была темная, но ясная. Тусклыя сѣверныя звѣзды въ вышинѣ...

— Тамъ все, что ищутъ тѣ, которые завтра... Имъ нужны абсолюты, а тамъ все абсолютно... безконечное пространство, тишина и.. холодъ... А отсюда, снизу такъ красиво, заманчиво, чарующе... Несчастные.

— Разстрѣляютъ или нѣтъ?— вдругъ прорѣзала мозгъ внезапная мысль, и дрожь охватила меня съ головы до ногъ.

Ужасно....

20 августа 1907 года.

*) Хозяинъ помѣщенія, въ которомъ долженъ былъ собраться комитетъ.

Глава 9 ая.

Два слова отъ автора.

Я ставлю выше дату, 20 августа 1907 года, потому что дальше предлагается читателямъ, то, что мною написано въ мартѣ 1906 года. Это— „Моя исповѣдь". Въ существѣ своемъ она остается неизмѣнной, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, которыя недопустимы были тогда въ печати и относительно которыхъ я самъ думаю, что они *должны быть измѣнены* по многимъ соображеніямъ. Но это измѣненіе не касается основы мысли, а ограничивается только иной формой выраженія.

Въ остальномъ, я полагаю, что исповѣдь должна быть оставлена безъ измѣненія, такъ какъ уже сама по себѣ является историческимъ документомъ, до извѣстной степени характеризующимъ настроенія этой эпохи, которую она охватываетъ.

Хотя въ исповѣди говорится лично обо мнѣ и еще о немногихъ лицахъ, но я убѣжденъ, что подъ вліяніемъ такого же настроенія находились тогда многіе и весьма многіе.

Затѣмъ я долженъ сказать, что тѣ цѣли, ради которыхъ первоначально была написана исповѣдь, больше не существуютъ для меня. Я не ищу уже больше ни суда, ни оправданія. Послѣ т о г о, какъ я стряхнулъ съ себя кошмаръ былого настроенія,—а это удалось мнѣ сравнительно недавно,—я понялъ, что и судъ и даже самое оправданіе—безцѣльны и не нужны ни мнѣ, ни обществу. Въ томъ, въ чемъ меня обвиняютъ, я не виноватъ и никакой судъ, никакое оправданіе не прибавитъ ничего къ моему сознанію невиновности. Точно также никакое осужденіе не убѣдитъ меня въ несуществующей виновности. Этопсихологически невозможно.—Въ томъ же, въ чемъ меня не обвиняютъ, но въ чемъ я, однако, считаю с е б я глубоко виновнымъ,—я не желаю оправданія, я не желаю облегченія моей вины ни на одинъ золотникъ. Я долженъ нести на себѣ всю т яжесть этой вины до конца моей жизни. Она мною заслужена, и было бы несправедливо (съ моей стороны) по отношенію къ потерпѣвшимъ, если бы я сдѣлалъ хотя малѣйшую попытку уклониться отъ бичей моей совѣсти. И нужно быть искреннымъ. Эти бичи мнѣ необходимы, безъ нихъ я не могъ бы жить ни одного дня. Они ужасны, но они даютъ мнѣ сознаніе, что моя вина, мое преступленіе не остается безъ возмездія. Я несу заслуженное мною наказаніе, слѣдовательно, я имѣю право жить, такъ какъ всякая попытка не жить была бы уклоненіемъ отъ наказанія. Единственное наказаніе, отъ котораго по моему глубокому убѣжденію, человѣкъ не имѣетъ права уклоняться, это бичи его собственной совѣсти.

Вотъ почему—осужденіе въ одномъ случаѣ и оправданіе въ другомъ, или оправданіе и въ томъ и въ другомъ случаѣ, для меня безполезны и не нужны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я отказываюсь отъ всѣхъ своихъ плановъ, о которыхъ говорится въ исповѣди. Отказываюсь не въ томъ смыслѣ, что не признаю ихъ существовавшими, а въ томъ, что признаю ихъ ненужными, непригодными и вредными. Это былъ плодъ несомнѣнно нездоровой фантазіи, отъ которой, благодаря Бога, я теперь освободился. И если въ этой части исповѣдь оставляю неизмѣнной, то во-первыхъ, потому, ч т о не желаю скрывать и затушевывать предъ обществомъ своихъ заблужденій, а, во-вторыхъ, я думаю, что „нездоровая фантазія и та атмосфера, въ которой она зародилась и выросла, уже сами по себѣ имѣютъ чисто историческій интересъ, какъ одна изъ чертъ пережитой нами эпохи.

На этотъ я особенно настаиваю и настоятельно прошу читателей не придавать практическаго значенія ни самозванцу, ни антихристу.

Я торжественно заявляю и каюсь, что если бы мнѣ удалось привести эти планы въ исполненіе, то это было бы преступленіе еще болѣе тяжелое, чѣмъ петиція 9-го января и вызванныя ею послѣдствія.

Теперь, когда здоровъ духомъ, въ этомъ не сомнѣваюсь и приношу мою глубокую благодарность Н. Ф. Анненскому, который еще въ половинѣ февраля 1906 года совѣтовалъ мнѣ бросить всѣ м о планы.

Глава 10-я.

9-е января.

Разстрѣляютъ или нѣтъ. — С этой мыслью я вскочилъ съ кр вати рано утромъ 9-го января.

Да, разстрѣляютъ:

Мой невольный грѣхъ—это знам нитая петиція рабочихъ на имя ря, въ результатѣ которой полу

кровопролитіе не только въ Петербургѣ, но и во всей Россіи. Я ее написалъ, по предложенію Гапона, въ полной увѣренности, что она объединитъ полусознательную массу, поведетъ ее къ царскому дворцу, — и тутъ подъ пушками и пулями, а по меньшей мѣрѣ подъ нагайками, эта масса прозрѣетъ, увидитъ что такое царь, что въ дѣйствительности представляетъ изъ себя тотъ кумиръ, которому она поклоняется...

Расчетъ мой оправдался въ точности. Какъ только въ отдѣлахъ „собранія“ появилась петиція, рабочіе стали массами осаждать всѣ 11 аудиторій. Каждая аудиторія въ теченіе дня осаждалась десятками тысячъ людей; ораторы и чтецы петиціи работали до хрипоты, до окончательной потери голоса, каждый часъ выступая предъ новымъ и новымъ составомъ слушателей. Въ теченіе этихъ дней, съ утра до вечера, сердца этихъ людей открывались для любви и единенія съ царемъ. Я это видѣлъ, я ходилъ изъ отдѣла въ отдѣлъ, читалъ петицію, говорилъ, спрашивалъ аудиторію, наблюдалъ и чувствовалъ, что они пойдутъ всѣ до единаго и именно съ женами и дѣтьми. Женъ и дѣтей они возьмутъ, какъ защиту себѣ; въ нихъ все же шевелилось сомнѣніе: а что если полиція и войска начнутъ разстрѣливать. И это сомнѣніе разсѣивалось только присутствіемъ женъ и дѣтей: кто рѣшится убивать женщинъ и младенцевъ?—И, можетъ быть, единственный человѣкъ среди нихъ говорилъ: разстрѣляютъ и женщинъ и младенцевъ.—И этотъ человѣкъ былъ я. Я толкалъ женщинъ и дѣтей на бойню, чтобы вѣрнѣе достигнуть намѣченной цѣли. Я думалъ: избіеніе взрослыхъ мужчинъ, можетъ быть, еще перенесутъ, простятъ, но женщинъ,—разстрѣлъ матерей съ грудными младенцами на рукахъ! Нѣтъ, этого не простятъ, не могутъ простить. Пусть же идутъ и они!—говорилъ я себѣ.—Пусть они умрутъ, но съ ними вмѣстѣ умретъ и то заблужденіе, которое удерживаетъ Россію въ цѣпяхъ рабства, мукъ и стенаній.

Да, я былъ увѣренъ, что веду людей на ужасное дѣло, но я также былъ увѣренъ, что это мое ужасное дѣло разрушитъ цѣпи Россіи, сброситъ гнетъ рабства съ 130 милліоновъ людей. А что такое это рабство, въ его конкретныхъ живыхъ формахъ, я также зналъ и зналъ очень хорошо. Я работалъ до этого въ газетахъ въ Самарѣ, Екатеринбургѣ, Ирбитѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Кишиневѣ, Владикавказѣ, Тифлисѣ, Баку, Москвѣ. А еще раньше я съ переселенцами бродилъ пѣшкомъ три года по оренбургской губерніи и Западной Сибири. Я работалъ, какъ чернорабочій, и на крестьянскихъ поляхъ, и въ шахтахъ золотыхъ пріисковъ (близъ Троицка, оренб. губ.), и на полотнѣ желѣзной дороги и на крупчатной мельницѣ, и на пристаняхъ Волги при нагрузкѣ судовъ, я точилъ веретена, шилъ сапоги, строилъ глинобитныя крестьянскія избы, училъ грамотѣ крестьянскихъ ребятишекъ. Я самъ на себѣ все испыталъ, самъ видѣлъ, какъ люди гибнутъ отъ безправія и произвола чиновниковъ, какъ продаютъ людей десятками за десятки рублей. Я видѣлъ, какъ засыпало людей въ шахтѣ и какъ потомъ ихъ оцѣнивали хозяинъ и чиновникъ.

Хозяинъ рудника послалъ рабочихъ вынуть крѣпи (сваи и балки) изъ выработанной шахты (дѣйствіе противузаконное и преступное), чтобы не пропадалъ лѣсъ. Рабочихъ засыпало. Пріѣхалъ чиновникъ и за 100 рублей написалъ въ протоколѣ, что рабочіе сами пошли вынимать крѣпи, безъ вѣдома хозяина, съ цѣлью потомъ продать добытый изъ шахты лѣсъ въ свою пользу. А передъ этимъ чиновникъ и хозяинъ торговались. Чиновникъ требовалъ 200 рублей, а хозяинъ возражалъ

— Помилуйте, ваше благородіе, и лѣсъ то такихъ денегъ не стоитъ.

Цѣнили лѣсъ, а не погибшихъ людей. Они, всѣ десять шли даромъ, на придачу.

Я это видѣлъ и съ 19 ти лѣтняго возраста понималъ все значеніе такихъ фактовъ. Теперь мнѣ 43 года, и за этотъ періодъ времени моей сознательной жизни предо мной прошло цѣлое море страданій. Предо мной прошли тысячи рабочихъ семей, которыя я зналъ лично. И вотъ краткая ихъ біографія. Одни,—и это счастливцы,—живутъ всю жизнь въ нуждѣ и униженіи, въ цѣлодневномъ трудѣ, въ грязи, въ холодѣ и голодѣ, но имѣютъ ежедневно, хотя недоброкачественный, но обѣдъ.

Другіе и этого не имѣютъ; имъ недоступенъ ежедневный „честный трудъ“ подъ палкой хозяина, и они живутъ на улицѣ съ дѣтскихъ лѣтъ; мальчикъ-нищенствомъ, случайнымъ заработкомъ, воровствомъ и сутенерствомъ,—а дѣвочки, кромѣ всего этого, и проституціей, нерѣдко съ 8-ми лѣтняго возраста.

Предо мной, поэтому,—до 9 го января,—рисовались двѣ картины: картина смерти *нѣкоторыхъ* съ женами и младенцами и картина ужасной жизни всѣхъ съ тѣми же женами и младенцами. И я рѣшилъ: пусть лучше разъ умрутъ нѣкоторые, чѣмъ жить въ вѣчныхъ и непрерывныхъ страданіяхъ всѣмъ. Пусть умрутъ сотни, хотя бы въ числѣ этихъ сотенъ были и младенцы, но за то освободятся отъ цѣпей рабства милліоны, десятки милліоновъ. Стоитъ только стряхнуть кошмаръ пережитковъ и суевѣрій, и рабочіе всѣ, какъ одинъ, встанутъ въ ряды поборниковъ свободы. Цѣна этого низверженія пережитковъ ужасная, а для меня въ особенности, такъ какъ я любилъ рабочій народъ не умомъ, а сердцемъ. Я былъ революціонеромъ не потому, что усвоилъ себѣ извѣстную программу освобожденія, а потому, что любилъ живого рабочаго человѣка, болѣлъ его страданіями, муками его семьи, потому что не выносилъ стоновъ всей рабочей массы, въ средѣ которой прожилъ все свое дѣтство и молодость. И каждый ребенокъ, который на рукахъ матери или рядомъ съ отцомъ шелъ къ зимнему дворцу на встрѣчу смерти, мнѣ былъ дорогъ не меньше, чѣмъ мои собственныя дѣти. И все же я рѣшилъ принести эту, до ужаса дорогую для меня, жертву.

— Нѣтъ, пусть идутъ, милые и несчастные, и умрутъ сейчасъ для свободы, чѣмъ жить для закрѣпощенія себя и другихъ.

Простите, милыя, дорогія жертвы, но такъ должно быть, иначе не можетъ быть. Идите и умрите, кому суждено.

И они пошли. Въ темномъ разсвѣтѣ петербургскаго дня, 9-го января начался кошмаръ.

Въ этотъ день на небѣ б ы л о солнце—рѣдкое явленіе зимой въ Петербургѣ. Я помню это солнце, потому что въ безумномъ метаніи между толпой обращался къ нему:

— Смотри, солнце, и освѣщай хорошенько, проникни въ сердца этихъ людей и открой имъ глаза.

— Вотъ они идутъ съ открытой душой . . . . . А вотъ тамъ уже блестятъ штыки и дула ружей, сейчасъ, чрезъ минуту э т и штыки вонзятся въ открытыя сердца, пули пронижутъ младенцевъ . на рукахъ и въ утробѣ матерей. Отецъ упадетъ рядомъ съ младенцемъ—сыномъ, сѣдая голова старца будетъ растоптана копытами лошадей.... Освѣщай, солнце, хорошенько эту картину.... Это пиръ „сердечныхъ отношеній“. Пусть в с ѣ видятъ этотъ пиръ. Все освѣти самыми яркими лучами.. Красная кровь на бѣломъ снѣгѣ пусть блеститъ, какъ спѣлый гранатъ, пусть

она запечатлѣется въ мозгу каждаго, пусть перейдетъ въ пѣсни, въ преданія, на тысячи л ѣ т ъ. Пусть отцы дѣтямъ, а дѣды внукамъ разсказываютъ, какъ . . . . . „Лилась кровушка рѣкою широкою“ . . . . . Свѣти, солнце, и смотри! Картины такія не часто бываютъ даже и на твоемъ долгомъ вѣку. Смотри и будь вѣчнымъ свидѣтелемъ, какъ народъ своей кровью покупаетъ себѣ прозрѣніе, смываетъ „темную воду“ съ своихъ глазъ.

И солнце освѣтило ужасную картину. Я шелъ по тротуару. Я инстинктивно чувствовалъ, что м н ѣ не мѣсто въ этой толпѣ людей съ открытыми сердцами. Вѣдь у меня не было открытаго сердца. Я и они — это двѣ противуположности, два полюса. И я считалъ себя вправѣ быть только зрителемъ. Я мнилъ себя сильнымъ и думалъ, ч т о у меня хватитъ силъ присутствовать при этой двойной трагедіи. Но я переоцѣнилъ свои силы, я не вынесъ ужасной картины.

При первомъ же залпѣ умъ мой помутился. Корчи, судороги, окрашенные кровью мозги, с т о н ы, распластанный на снѣгу 8-9-ти лѣтній мальчикъ—и на глазахъ у меня кровавая пелена. Я уже не на тротуарѣ, а въ центрѣ остановившейся толпы. Еще залпъ, съ другой стороны, и вокругъ меня валятся люди, вся мостовая покрыта трупами и умирающими.

— А я то что же?! Меня! Почему не меня? Вѣдь это я привелъ, собралъ ихъ сюда своей, написанной отъ ихъ сердца, петиціей...

Но меня не трогала ни одна пуля. Только казакъ хлестнулъ нагайкой. Я остановился въ страстномъ ожиданіи, что онъ вытащитъ изъ ноженъ шашку, и однимъ ударомъ прекратитъ мои душевныя муки. Но онъ толкнулъ меня плечомъ лошади и уѣхалъ дальше, размахивая нагайкой на право и на лѣво.

Отъ этого момента я не сознавалъ, что дѣлается. У меня было одно желаніе: смерть! смерть! Сейчасъ, сію минуту!

Во всю свою жизнь я ничего не желалъ такъ сильно, ни къ чему такъ не стремился, какъ къ смерти въ эти часы всеобщаго избіенія. Я былъ на Невскомъ проспектѣ, у Полицейскаго моста, у Александровскаго сада—вездѣ стрѣляли, вокругъ меня падали люди, а я оставался цѣлъ и невредимъ. Пули летѣли только въ открытыя сердца; онѣ поражали только наиболѣе преданныхъ царю... Для меня не было пули, ибо я не любилъ, а ненавидѣлъ царя. И я уныло пошелъ домой.

Былъ уже вечеръ, тьма покрыла улицы, фонари съ усиліемъ пробивали свѣтомъ своимъ спустившійся туманъ. Лучи свѣта окрашивались въ кровавый свѣтъ.

— Это кровь тѣхъ убитыхъ, кровь младенцевъ поднимается къ небу. Это кровь тѣхъ мальчиковъ, которыхъ драгуны подстрѣливали на деревьяхъ. Какъ птички, они падали на землю съ свернутыми крылышками, О н и—искупители земли русской, агнцы, принесенные въ жертву освобожденія.

— О, милые, несчастные и... счастливые! Почему я не съ вами.

Но тутъ мозгъ мой, какъ молнія, прорѣзала ужасная мысль. Я остолбенѣлъ, волосы на головѣ моей зашевелились, я остановился, не могъ двинуться съ мѣста:

— А если все это напрасно? Если свободы все же не будетъ?! Напрасно пролитая кровь младенцевъ! Вѣдь тогда ты злодѣй, безумный злодѣй, а не поборникъ свободы.

— Но вѣдь ты же самъ видѣлъ, какъ рабочіе ниспровергали то, чему раньше поклонялись... Ты самъ видѣлъ осколки и клочья ниспровергнутыхъ въ прахъ портретовъ царя!—говорилъ во мнѣ какой то другой голосъ.—Откуда же это сомнѣніе? Древняя цѣпь

связи темныхъ сердецъ съ царемъ порвана навсегда..... Они прозрѣли, это кончено.

Да, съ рабочими кончено, это правда. Рабочіе теперь всѣ, какъ одинъ, пойдутъ къ одной цѣли. Но ты, безумецъ, въ своихъ расчетахъ упустилъ одно, что рабочихъ только 10—12 милліоновъ, а крестьянъ 100 милліоновъ. Изъ крестьянъ комплектуются войска. И ты видѣлъ, какъ на Дворцовой площади, по приказанію царскихъ слугъ въ рабочихъ стрѣляли крестьяне въ солдатскихъ шинеляхъ. Одно маленькое средостѣніе ты уничтожилъ, а другое, въ 20 разъ большее, осталось не тронутымъ, попрежнему враждебнымъ освободительному движенію.

Отсюда и начались мои настоящія, невыносимыя, ужасныя муки. Я пришелъ домой и, какъ трупъ, упалъ на кровать. Чрезъ полчаса возвратилась жена, ходившая разыскивать меня среди труповъ по больницамъ, я не могъ, физически не могъ отвѣтить на ея вопросъ; гдѣ я былъ и что со мной? —Изъ груди вырывался не то хрипъ, не то рычаніе, а словъ не было. Много лѣтъ назадъ я перенесъ жестокую пытку въ полицейскомъ участкѣ. И вотъ теперь, въ перспективѣ времени, я сравниваю тѣ полицейскія муки и муки души, и первыя—ничто въ сравненіи съ муками страдающей отъ сомнѣній души.

— Злодѣйство или въ высшей степени благодѣтельная жертва? Вотъ что и днемъ и ночью мучило меня и требовало рѣшенія. Стоило мнѣ закрыть глаза, какъ трупы убитыхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей начинали оживать и окружали меня скорбной несмѣтной толпой. Какъ клещами, они сжимали мнѣ сердце своимъ безконечно грустнымъ взоромъ и я читалъ одинъ вопросъ во всѣхъ глазахъ:

— За что? Зачѣмъ ты влилъ любовь къ царю въ наше сердце, зачѣмъ? Кому это принесетъ пользу?

Я, въ ужасѣ предъ этими вопросами, вскакивалъ съ постели и ходилъ до утра, въ безполезныхъ условіяхъ отыскать отвѣтъ на поставленные мнѣ мертвыми тѣнями вопросы.

Но отвѣта не было, потому что ничто не говорило, какъ отнесется крестьянство къ избіеніямъ 9-го января. Неизвѣстно даже было, насколько широко оно освѣдомлено будетъ объ этомъ фактѣ.

И какъ это ни странно, а въ Петербургѣ мнѣ некого было спросить, не съ кѣмъ было подѣлиться мучившими меня сомнѣніями. Тогда весь интеллигентный Петербургъ собирался въ редакціи „Нашихъ Дней“. Я пошелъ туда, послѣ сутокъ мученій, съ намѣреніемъ покаяться въ моемъ грѣхѣ и попросить поставить вопросъ на обсужденіе. Тамъ была толпа свѣтилъ науки и революціи. Но эта толпа не мучилась моими вопросами, у нея и въ мысляхъ не было поставить себѣ вопросъ: должно быть 9-е января или не должно? Насколько цѣлесообразны и продуктивны принесенныя жертвы? Она вся была подъ вліяніемъ грандіозности вызваннаго движенія, и первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это одинъ изъ извѣстныхъ Россіи людей; онъ сидѣлъ на краю стола, держалъ копію петиціи и говорилъ:

— Вотъ какъ надо писать. А то, что мы пишемъ, пустяки въ сравненіи съ этимъ.

Для меня этихъ словъ было достаточно. Я понялъ, что е с л и я заговорю о своихъ мукахъ, то во мнѣ увидятъ не измученнаго душой человѣка, а самолюбца, желающаго порисоваться своей ролью. О критическомъ же отношеніи къ 9-му января съ и х ъ стороны не могло быть и рѣчи. Движеніе еще

продолжалось и сулило н ѣ ч т о сильное, единое, повсемѣстное. Было временное правительство, которое готово было принять власть изъ рукъ стараго. До меня ли тутъ было. До моихъ ли сомнѣній. А потомъ начались аресты съ одной стороны и бѣгство съ другой. Старая власть не пала, устояла.. Происходили столкновенія съ войсками почти во всѣхъ городахъ Россіи.

Съ дрожью, часто въ судорогахъ, я читалъ извѣщенія объ э т и х ъ столкновеніяхъ. Каждый день приносилъ все новыя и новыя жертвы, жертвы безъ конца. Вся городская Россія встала и пошла на смерть..

Да. Городская, но не деревенская. Деревенская молчала и даже, къ моему ужасу, легковѣрно восприняла отъ поповъ лѣгенду о японскихъ милліонахъ, якобы вызвавшихъ движеніе 9-го января. Мнѣ объ этомъ писали изъ деревни мои родные, простые, темные люди, сами вѣрившіе въ существованіе этихъ милліоновъ..

О. Это письмо. Никогда въ жизни я не получалъ такого удара по такому больному мѣсту. Опасенія ошибки, ужасной ошибки въ расчетахъ, оправдались. Кровь, пролитая въ городахъ, не смыла „темной воды“ съ глазъ деревенскихъ людей. Виновнымъ д л я деревни оказался не царь, а японецъ, коварный врагъ, подкупомъ старающійся свалить своего противника.

А городъ въ это в р е м я измышлялъ легенды о п о л к а х ъ, эскадронахъ солдатъ, отказывающихся стрѣлять въ революціонеровъ.

Надежды городскихъ обывателей ясно клонились въ эту сторону, но не для меня были эти надежды. Смѣшно было строить свои расчеты на солдатѣ. Это значило обманывать себя. Но свою собственную совѣсть не обманешь. Она поддается обману, пока не проснулась. А разъ заговорила, то требуетъ правды и только правды. И нѣтъ мѣры ея жестокости, съ которой она предъявляетъ эти требованія. Я человѣкъ, обладавшій когда то колоссальной физической силой, подъ вліяніемъ этихъ мукъ совѣсти, въ 43 года сдѣлался почти 70 ти лѣтнимъ старикомъ. Больше скажу, теперь, когда надо мной тяготѣетъ обвиненіе въ воровствѣ и провокаторствѣ, я чувствую себя легче и лучше, чѣмъ чувствовалъ тогда, послѣ 9 го января, предъ лицомъ своей совѣсти. Теперь у меня есть сознаніе несправедливости обвиненія,—а со стороны нѣкоторыхъ лицъ и пристрастности,—теперь я могу защищаться и оправдываться, хотя и стѣсненъ въ этомъ до крайности. Все же у меня есть возможность хотя самому себѣ сказать: нѣтъ, я не воръ и не провокаторъ. И если я чувствую и сейчасъ муки, – все же не отъ меня исходятъ эти муки, не я ихъ виновникъ. Я могу негодовать на несправедливое ко мнѣ отношеніе. Я могу хотя мысленно, задавать обществу вопросы:

— Какъ, скажите, пожалуйста, вы видѣли, что человѣкъ в с ю жизнь до старости, работалъ, никогда не только не присвоилъ чужой копейки, но и свое отдавалъ на общественное дѣло. Всѣ силы положилъ не для себя или своей семьи, ни отъ какихъ жертвъ не уклонялся, ни тюрьмы, ни ссылки не избѣгалъ до самаго послѣдняго времени, до самыхъ послѣднихъ дней.—Какъ, скажите, вы допускаете, чтобы онъ въ старости взялъ и укралъ. Откуда взялась у него наклонность къ стяжанію, если ея не было въ продолженіе всей жизни. А ея не было. Это могутъ подтвердить сотни лицъ, знавшихъ меня лично и непосредственно.

Возвращаюсь къ событіямъ 9 го января. Волной прокатились протесты по всѣмъ городамъ Россіи и вездѣ закончил ись кровью протестующихъ, а въ чертѣ осѣдлости начались и еврейскіе погромы.

Крестьяне составляли главную массу погромщиковъ. Да иначе и быть не могло Въ погромныхъ прокламаціяхъ призывъ къ избіенію евреевъ всегда базируетъ на необходимости постоять за вѣру православную и прочіе символы, составляющіе устои абсолютизма...

Послѣ того, какъ 9-го января порвалась связь между этими символами и городскими несознательными рабочими, послѣ того, какъ эти рабочіе духовно прозрѣли и разбили свои прежніе кумиры, оплотомъ абсолютизма остались одни крестьяне. Нѣкоторое сомнѣніе въ этомъ отношеніи, правда, внесли было аграрные безпорядки, но только на одинъ моментъ. А затѣмъ, какъ политическія партіи ни старались учитывать аграрное движеніе въ свою ольву, все же онѣ должны были сознаться, что движеніе было только аграрнымъ, не больше, а этим архическаго въ немъ не было ни апли.

Видитъ Богъ, что въ эти черные для меня дни я страстно желалъ придти къ совершенно противуположному для меня выводу, такъ какъ этотъ выводъ сулилъ мнѣ жизнь и спокойствіе совѣсти,—но его не получалось, факты говорили мнѣ: крестьянская масса остается вѣрна царю, а поэтому и кровь, пролитая 9-го января, пролита безполезно, злодѣйски глупо и неосмотрительно. Великое преступленіе встало предо мной само собой, какъ я ни старался превратить его въ общественно полезное дѣло. Вызвано возбужденіе меньшинства, и это даетъ только поводъ правительству развить репрессіи до крайнихъ предѣловъ. Чтобы предупредить такой конецъ, нужно, слѣдовательно, нѣчто такое, что или подняло бы крестьянскую массу, или, по меньшей мѣрѣ, парализовало бы ее. Къ этому, общему пока, выводу я пришелъ въ первое же время послѣ 9-го января. И вскорѣ же,—по счастью или по несчастью,—я натолкнулся случайно на одинъ фактъ, который далъ опредѣленное направленіе работѣ моего ума. Мнѣ попалъ въ руки старый номеръ „Астраханскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за январь 1904 года, въ которомъ былъ, между прочимъ, напечатанъ отчетъ о миссіонерскомъ собесѣдованіи. На этомъ собесѣдованіи миссіонеръ устроилъ публичный диспутъ съ сектантами на тему: Антихристъ Николай II-й или же нѣтъ. Сектанты, собственно, все время молчали, такъ какъ справедливо видѣли желаніе въ своемъ оппонентѣ провоцировать ихъ. Но миссіонеръ этимъ не смущался, самъ говорилъ отъ имени сектантовъ и разбивалъ „ихъ“ мнѣніе. Сущность мнѣнія объ антихристѣ въ общихъ чертахъ сводится къ слѣдующему. По апокалипсису, антихристъ будетъ гнать христіанъ и мучить ихъ. Николай II-й это именно и дѣлаетъ (таково ученіе сектантовъ, если вѣрить астраханскому миссіонеру). Его именемъ („По указу Его Императорскаго Величества Николая II-го“) консисторіи и суды ссылаютъ христіанъ (сектантовъ), заточаютъ въ тюрьмы, въ монастырскіе казематы, отбираютъ дѣтей и пр. Слѣдовательно, онъ Антихристъ.

Мнѣ тогда же пришла въ голову мысль, что, если это положеніе дополнить, подвергнуть обработкѣ и затѣмъ широко пустить въ обращеніе, пользуясь и современными фактами, то получится по меньшей мѣрѣ броженіе въ крестьянской средѣ и создастся почва для пропаганды...

Вѣдь въ настоящее время идеалъ царя держится, главнымъ образомъ на твердомъ убѣжденіи крестьянъ, что царь не знаетъ дѣйствительнаго положенія вещей, что все дурное исходитъ не отъ него, а отъ его министровъ и вообще чиновниковъ. А это убѣжденіе въ свою очередь вытекаетъ

изъ другого, это—что царь, хозяинъ земли, не сталъ бы разорять своего собственнаго царства хозяйства. Какъ хозяину, ему это не выгодно. А наличность на престолѣ Антихриста сама собой устанавливаетъ какъ разъ противоположную точку зрѣнія. Царь—Антихристъ сидитъ на престолѣ съ спеціальной цѣлью расхитить, расточить своихъ подданныхъ христіанъ, дабы затѣмъ, пользуясь ихъ безысходнымъ положеніемъ, заставить поклоняться себѣ, какъ Христу и тѣмъ погубить ихъ души. Съ такимъ царемъ—антихристомъ Апокалипсисъ, какъ извѣстно, рекомендуетъ бороться всѣми силами. Ни добраго, ни худого отъ него принимать нельзя, и, вообще, не позволяются никакія сношенія, кромѣ враждебныхъ дѣйствій, кромѣ борьбы даже до смерти. Отсюда быть солдатомъ такого царя, или хотя бы платить ему подати—великій грѣхъ, равный возстанію противъ Христа. . . . . .

. . . . . .

Имѣя готовой такую почву, уже не трудно не только парализовать крестьянскую массу, но и заставить ее принять активное участіе въ освободительномъ движеніи. . . . . .

. . . . . .

Для этого нужно только создать легенду воцаренія Антихриста съ помощью царедворцевъ и министровъ, которые изъ корыстныхъ цѣлей, якобы, продали младенца Николая II-го и замѣнили его дьявольскимъ порожденіемъ.

Желая испытать почву, я тогда же (кажется, въ концѣ января или началѣ февраля) написалъ статью подъ заглавіемъ „Бюрократическій Антихристъ“ *) и отдалъ ее въ „Сынъ Отечества“. Въ статьѣ я, по цензурнымъ соображеніямъ, главнымъ образомъ, напиралъ на провокацію миссіонера. . . . . .

. . . . . .

Наряду съ этимъ я написалъ „Откровеніе старца Иринарха“. Содержаніе этого откровенія я тутъ не привожу, такъ какъ, полагаю, что для характеристики психологіи важенъ самый фактъ измышленія „откровенія“, а не то или иное его содержаніе.

Это откровеніе мною предназначалось для нелегальной печати. Я его показывалъ многимъ революціонерамъ, но его прочитали и отнеслись только, какъ къ курьезу.

„Бюрократическаго Антихриста“ тоже не напечатали. А вскорѣ меня забрали въ тюрьму, гдѣ и продержали до половины апрѣля.

Въ тюрьмѣ предо мной все время стояли два факта. Съ одной стороны для меня было ясно, что Антихристъ не встрѣтитъ сочувствія въ революціонныхъ кругахъ, а съ другой—онъ необходимъ, чтобы довести русскую революцію до логическаго конца. Для меня же „этотъ логическій конецъ“ былъ вопросомъ жизни или смерти, такъ какъ въ немъ только находили свое оправданіе жертвы 9-го января: я чувствовалъ, что если я не найду этого оправданія или не создамъ его, то или сойду съ ума или покончу съ собой самоубійствомъ.

Но что же дѣлать? Гдѣ искать этого оправданія?

Этотъ вопросъ былъ особенно мучителенъ въ тюремномъ одиночествѣ, и одно время вызвалъ у меня совершенный упадокъ силъ. Я чувствовалъ себя безсильнымъ повернуть колесо революціи, мнѣ казалось, что все уже пропало, и мнѣ остается только умереть. Но человѣкъ цѣпляется за жизнь даже и въ тюремной камерѣ. И,—мнѣ тутъ приходится сдѣлать тяжелое признаніе,—я сталъ искать для себя оправданія не по существу, а формально, путемъ успокоенія совѣсти завѣреніями, что и

*) Оттискъ этой статьи у меня, между прочимъ, былъ отобранъ жандармами при обыскѣ 10 марта. Авт.

безъ меня шествіе 9-го января совершилось бы, что я только случайный авторъ петиціи, что не я, такъ другой написалъ бы ее и т. д. Но это продолжалось съ недѣлю не больше. Скоро силы мои возстановились, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе ускользнуть отъ отвѣтственности за свои дѣйствія прошло. При свѣтѣ вновь проснувшейся совѣсти я увидѣлъ, что участіе мое въ дѣлѣ 9 го января было вовсе не случайно. Не говоря уже о предвзятомъ намѣреніи принести человѣческія жертвы, необходимо сказать и то, что, кромѣ моей, было написано еще три петиціи (соціалъ-демократами, Сымъ и Томъ), но всѣ онѣ не отвѣчали настроенію рабочей массы и были забракованы.

— Значитъ, именно мнѣ, и только мнѣ, удалось найти путь къ сердцу темной массы и повести ее на смерть.

Я и отвѣтственъ за это, я и долженъ полностью нести отвѣтственность за свой поступокъ. Иначе къ злодѣйству прибавится еще и подлость.

Для меня это было такъ ясно, что я ни минуты не задумывался надъ необходимостью найти путь къ крестьянамъ и заставить ихъ принять участіе въ самыхъ крайнихъ революціонныхъ выступленіяхъ. . . . . .

. . . . . .

Я это такъ ясно и остро чувствовалъ, что мысль сейчасъ, немедля ниспровергнутьвъ сердцахъ народа „символъ„..... не давала мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. А увѣренность, что я одинъ и безпомощенъ, что я не найду сочувствія своимъ планамъ въ революціонныхъ кругахъ, просто приводила меня въ отчаяніе. Ничто такъ не терзаетъ человѣка, какъ сознаніе своего безсилія, ничто такъ не мучительно. И эти муки я выносилъ день за днемъ, минута за минутой въ теченіе 40 дней, въ полномъ одиночествѣ, пока не нашелъ, какъ казлось мнѣ, выхода.

Еще года три назадъ, живя въ Баку я составилъ планъ захвата каспійскаго флота, которымъ и подѣлился съ нѣкоторыми мѣстными революціонерами. Мы долго разрабатывали этотъ планъ въ часы досуга. Въ концѣ концовъ признали его выполнимымъ и отложили до благопріятнаго момента, съ цѣлью, когда это будетъ необходимо и полезно, произвести грандіозную морскую демонстрацію. Но вскорѣ меня выслали съ Кавказа— и планъ остался невыполненнымъ. Но въ тюрьмѣ я вспомнилъ о немъ и рѣшилъ использовать въ связи съ легендой объ Антихристѣ. Для этого нужно было захватить весь флотъ (что то около 8-ми маленькихъ судовъ), что было тогда весьма возможно, такъ какъ караульная служба на этихъ судахъ была ниже всякой критики. Достаточно сказать, что и самый планъ пришелъ мнѣ въ голову, благодаря тому, что я случайно убѣдился въ отсутствіи сколько нибудь основной охраны судовъ.

Было это такъ. Меня и литератора С. пригласилъ одинъ морской офицеръ въ гости на брандвахту. Подъѣхали мы въ лодкѣ къ судну часа въ два ночи и начали кричать изо всѣхъ силъ, чтобы намъ спустили лѣстницу..... Орали съ полчаса, пока появился заспанный матросъ. И это на брандвахтѣ, на сторожевомъ суднѣ. А что же на остальныхъ, просто стоящихъ на якорѣ?

Безъ преувеличенія можно сказать, что 20 вооруженныхъ людей въ теченіе одной ночи могли бы послѣдовательно напасть на всѣ суда, безъ звука перевязать команду и затѣмъ господствовать на Каспіи. Возможность эту я затѣмъ провѣрялъ нѣсколько разъ и лично и чрезъ другихъ. Разспрашивалъ, напримѣръ, капитановъ коммерческихъ пароходовъ и всѣ они въ одинъ голосъ жаловались, что добудиться сторожей на брандвахтѣ нѣтъ возможности: спятъ крѣпко и спокойно.

По моему плану нужно было, прежде всего, скомплектовать команду для будущаго революціоннаго флота на Каспіи и съ нею и ея силами захватить военныя суда. Команда должна была состоять изъ вполнѣ надежныхъ революціонеровъ. Входить въ соглашеніе съ военными матросами я считалъ по многимъ причинамъ рискованнымъ, въ особенности до захвата. Сообразно съ этимъ и самый планъ выяснялся въ такихъ чертахъ. Организуется команда изъ революціонеровъ моряковъ и запасныхъ артиллеристовъ. Одновременно, гдѣ либо на островѣ у персидскаго берега заготовляется складъ оружія и снарядовъ. Послѣднее весьма возможно, такъ какъ персидскія воды, во-первыхъ, почти не охраняются, а, во вторыхъ, существующая охрана продажна и дешево продажна. Да при томъ же, персы, если бы узнали, что снаряды готовятся для борьбы съ русскимъ правительствомъ, охотно стали бы помогать революціонерамъ.

Собственно морскую команду можно было набрать тамъ же, въ Баку, такъ какъ настроеніе тамъ среди моряковъ въ высшей степени революціонное. Затрудненіе являлось только съ артиллеристами, специально морскими при томъ же: здѣсь я не надѣялся найти въ Баку среди революціонеровъ. Они могли быть и не быть. Поэтому въ окончательной формѣ я рѣшилъ обратиться къ петербургскимъ революціоннымъ партіямъ и предложить имъ слѣдующее: они берутъ на себя сформированіе въ Петербургѣ команды артиллеристовъ и отправку ея въ Баку. Они же берутъ на себя заготовку снарядовъ или дадутъ средства на это. Я же лично беру на себя сформированіе въ Баку морской команды и захватъ судовъ. На сформированіе той и другой команды потребовалось бы около мѣсяца. Считая съ половины апрѣля, захватъ могъ быть произведенъ въ половинѣ или концѣ мая. Заготовка снарядовъ могла продолжаться и послѣ захвата и даже съ большими удобствами. При томъ же, имѣя въ рукахъ всѣ суда съ пушками, можно было овладѣть и городомъ Баку съ его складами морскихъ снарядовъ, такъ какъ жители сейчасъ же оказались бы на нашей сторонѣ и оказали бы активную помощь.

Въ половинѣ апрѣля меня освободили изъ тюрьмы, и я сейчасъ же обратился съ своимъ планомъ къ петербургскимъ революціонерамъ,—но получилъ краткій отвѣтъ: фантазіи.

Послѣдующія событія на Черномъ морѣ доказали, что и болѣе фантастическіе планы приводили къ грандіознымъ демонстраціямъ. Я говорю: болѣе фантастическіе, — и полагаю, что не ошибаюсь въ этомъ отношеніи. Захватъ двухъ—трехъ судовъ изъ десятковъ уже самъ въ себѣ носитъ зачатки неудачи. При тожъ же революція въ открытомъ морѣ затрагиваетъ слишкомъ много интересовъ, такъ что, если бы событія разыгрались до громадныхъ размѣровъ, возможно было вмѣшательство иностранныхъ судовъ.

Совсѣмъ не то на Каспіи. Тутъ, во-первыхъ, захватывался весь наличный военный флотъ, во-вторыхъ, до нашей борьбы на этомъ морѣ нѣтъ никому дѣла. Могла бы вмѣшаться Персія (по настоянію изъ Петербурга), но у нея весь флотъ на Каспійскомъ морѣ состоитъ всего изъ двухъ судовъ. Да и эти суда—ничто иное, какъ яхта шаха и его же баркасъ. Флотъ, слѣдовательно, увеселительный, а не военный ни въ какомъ случаѣ. Обладая такимъ флотомъ, персидское правительство только и могло выразить сожалѣніе, что не можетъ помочь дружественному сосѣду.

Я не думалъ ограничиться морской демонстраціей. Нѣтъ. Съ частью этого флота, двумя тремя судами, я могъ войти въ устье Волги и подняться, хотя бы, до Царицына или даже и до Саратова, и, крейсируя на этомъ пространствѣ, вести открытую агитацію среди населенія о необходимости борьбы съ Антихристомъ Николаемъ. Мнѣ нужна была база для открытой и широкой пропаганды. Пропаганда словомъ и печатнымъ станкомъ въ такомъ случаѣ поддерживалась бы пропагандой дѣломъ. Я не только призвалъ бы къ борьбѣ, но и на глазахъ у всѣхъ самъ выступалъ бы первымъ и серьезнымъ борцомъ. А для крестьянской темной массы такой примѣръ личнаго активнаго выступленія необходимъ. Прежде всего покажи, что у тебя есть хотя зачатки силъ, съ помощью которыхъ, развернувъ ихъ, ты могъ бы достигнуть намѣченныхъ тобой цѣлей.

Такими зачатками и были бы военныя суда, господствующія на Каспіи и на Низовьяхъ Волги. Правда, это сила не великая, но тѣмъ не менѣе реальная, существующая у всѣхъ на глазахъ. А въ связи съ легендой о выступленіи этой силы на борьбу, съ Антихристомъ, въ глазахъ темной крестьянской массы, она, по мѣрѣ удаленія отъ мѣста ея дѣйствія, выросла бы въ грозную армаду—силою устной передачи слуховъ въ средѣ темной народной массы. Тутъ каждый рисовалъ бы такую картину шествія христіанъ противъ Антихриста, какая ему нужна и желательна самому и какая по силамъ его фантазіи. Мнѣ эта черта крестьянской, да отчасти и вообще обывательской, психологіи знакома очень хорошо. И я даже не заботился заготовленіемъ особенно детально разработанныхъ легендъ объ антихристѣ. . . . . .

Я зналъ, что достаточно сказать, что Христово воинство идетъ противъ Антихриста съ Каспійскаго моря съ пушками и всякимъ воинскимъ снарядомъ,—какъ все остальное уже создастся народной фантазіей, безъ моего участія. Нужно только, чтобы была реальная основа слуха о борьбѣ съ антихристомъ. Нужно, чтобы сотни и тысячи Пахомовъ и Артемовъ изъ десятковъ и сотенъ деревень видѣли эти „корабли съ крестами и всякимъ воинскимъ снарядомъ". Но, къ сожалѣнію, они, эти Пахомы и Артемы, ничего подобнаго не увидѣли, и о ничего не случилось.

Меня могутъ упрекнуть, что я не до конца открылъ свой планъ тѣмъ организаціямъ, къ которымъ обращался за помощью, что я ничего не сказалъ ни имъ, ни моему посреднику о второй половинѣ его.

Но на это я имѣлъ слишкомъ вѣскія причины. Я уже говорилъ выше, что къ Антихристу петербургскіе интеллигенты отнеслись, какъ къ курьезу, а эти же интеллигенты являлись и столпами революціонныхъ партій. Слѣдовательно, участіе Антихриста въ планѣ захвата судовъ не только, въ ихъ глазахъ, не убивало бы фантастичности самого плана, но и усилило бы до „курьезности". Тѣмъ не менѣе и послѣ этого я вновь сталъ нащупывать почву относительно Антихриста и его роли въ возстаніи крестьянъ. Между другими разговорами, иногда въ шуточной формѣ, я сводилъ свою рѣчь на антихриста, старался показать силу этого средства и пр. И всюду встрѣчалъ или непониманіе, или же принципіально отрицательное отношеніе.

Мнѣ въ лучшемъ случаѣ говорили:

— Мы должны просвѣщать крестьянскую массу, а не вводить ее въ заблужденіе. (Анненскій) . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Я былъ, что называется, убитъ. И съ этимъ поѣхалъ въ Финляндію, когда мнѣ былъ объявленъ приказъ о высылкѣ изъ Петербурга и петербургской губерніи.

Первое время жизни въ Финляндіи мнѣ представляется какимъ то кошмаромъ. Мнѣ казалось, что все уже рушилось, что я ничего не могу, все пропало, и моимъ дѣйствіямъ 9-го января не будетъ оправданія. Кровавые призраки будутъ вѣчно преслѣдовать меня, отъ ихъ упрековъ я никогда не избавлюсь. Нѣкоторое временное облегченіе принесла мнѣ исторія съ „Потемкинымъ". Молва ее раздула до грандіозныхъ размѣровъ. Я ожилъ.

— Вотъ идетъ избавленіе отъ мукъ совѣсти. Кровь жертвъ 9-го января приноситъ свои плоды. Это уже поднялся настоящій деревенскій народъ и идетъ противъ царя!... Значитъ, я ошибался относительно крестьянской психологіи. Вѣдь, матросъ тотъ же крестьянинъ, однако, и онъ выросъ до борца за политическую свободу.

Это были единственные свѣтлые дни въ моей жизни съ 9-го января и по-сейчасъ. Къ сожалѣнію, ихъ было такъ мало, всего семь или восемь.

А потомъ опять начался кошмаръ. Подъ давленіемъ этого кошмара я прожилъ въ Финляндіи до октябрьской забастовки, когда надежда опять блеснула на минуту. Но начавшіеся погромы и разстрѣлы въ провинціи тотчасъ потушили эту надежду. Ясно было, что манифестъ 17 октября только временная уступка забастовщикамъ и, главнымъ образомъ, желѣзнодорожникамъ и почтовымъ. Правительству нужно было время, чтобы укрѣпиться на этихъ двухъ позиціяхъ, и оно пообѣщало свободы, лишь бы прекратилась забастовка. А затѣмъ можно взять все обратно.

Какъ извѣстно, въ это время возвратился изъ-за границы Гапонъ и обратился, между прочимъ, и ко мнѣ за содѣйствіемъ, чтобы добиться амнистіи. По этому поводу рабочіе и нѣкоторые интеллигенты собирались нѣсколько разъ въ квартирѣ литератора Старцева и рѣшили, что я долженъ пойти къ Витте и потребовать амнистіи Гапона, послѣ чего приступить къ возстановленію гапоновскихъ отдѣловъ, которые и должны быть революціонными центрами для непартійныхъ рабочихъ, т. е. недорослихъ еще до усвоенія программъ существующихъ партій.

И Гапонъ и его подручные рабочіе, казалось, были искренни, когда намѣчали подобную программу будущей дѣятельности союза. Поэтому и мы, интеллигенты, горячо взялись за это дѣло. Я пошелъ къ Витте, былъ имъ принятъ, бесѣдовалъ больше часу, и многое тогда же понялъ изъ этой бесѣды. И первое, что я почувствовалъ, это то, что русскія свободы не прочны, что Витте ищетъ путей и средствъ, чтобы забрать эти свободы въ свои руки и спрятать ихъ въ министерскихъ архивахъ.

Однимъ изъ этихъ средствъ онъ намѣтилъ и гапоновскіе союзы. Въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Изъ разговора съ нимъ я убѣдился, что моя миссія для него не новость, что онъ уже освѣдомленъ обо всемъ и имѣетъ опредѣленныя намѣренія относительно Гапона и гапоновцевъ. Меня это привело въ недоумѣніе, но по выходѣ отъ него я узналъ отъ И. Ф. Манасевича Мануйлова, что по дѣлу Гапона у Витте уже былъ и не разъ бывшій сотрудникъ „Гражданина" Колышко (онъ же „Сѣренькій" и Рославлевъ) и что ему Витте сказалъ то же, что и мнѣ, т. е., что если Гапонъ уѣдетъ временно за границу, то онъ, Витте, согласенъ разрѣшить открыть отдѣлы и возвратить отобранное послѣ 9-го января имущество.

Отъ себя же Манасевичъ-Мануйловъ добавилъ, что, какъ ему извѣстно, графъ сдѣлаетъ для отдѣловъ и больше, если его просьба объ отъѣздѣ Гапона будетъ исполнена.

Все это въ совокупности навело меня на очень серьезныя размышленія. Мнѣ, прежде всего, пришло въ голову:

— Зачѣмъ Витте требуетъ съ одной стороны отъѣзда Гапона, а съ другой намѣренъ субсидировать отдѣлы. Если свободы серьезно даны русскому обществу, то ни того, ни другого не требуется. Но и то и другое ему можетъ пригодиться, если онъ задумалъ отобрать эти свободы. Значитъ, изъ Гапона и его союзовъ онъ хочетъ сдѣлать орудія для своихъ противообщественныхъ цѣлей.

Первой моей мыслью послѣ этого было совершенно устраниться отъ какихъ либо сношеній какъ съ Витте, такъ и съ Гапономъ. Но затѣмъ я задалъ себѣ вопросъ:

— Что же изъ этого выйдетъ?

Гапонъ найдетъ себѣ другихъ посредниковъ и сдѣлаетъ какъ ему угодно или какъ угодно Витте. Я могу огласить причины, по которымъ я устранился отъ посредничества. Но какое это будетъ имѣть значеніе и что я, собственно, могу огласить въ печати. Свои личныя впечатлѣнія, полученныя, притомъ же, изъ разговоровъ наединѣ съ Витте и Мануйловымъ? То есть, приходилось выступить противъ Витте и Гапона безъ какихъ бы то ни было доказательствъ въ рукахъ, а, слѣдовательно, навѣрняка потерпѣть пораженіе, что въ свою очередь давало имъ возможность безпрепятственно работать надъ закрѣпощеніемъ только что свободно вздохнувшей Россіи.

— Нѣтъ. Этого не должно быть, я не долженъ уходить, не имѣю права.

Я тогда уже провидѣлъ надвигающуюся грандіозную провокацію министерства въ союзѣ съ Гапономъ. Мнѣ открыли глаза сношенія Гапона съ Колышко и еще сообщенія Мануйлова. Этотъ чиновникъ охраннаго отдѣленія (тогда секретарь Витте), стараясь убѣдить меня въ желательности отъѣзда Гапона за границу для самихъ рабочихъ, сообщилъ мнѣ факты изъ прежней службы Гапона въ охранномъ отдѣленіи.

— Какъ-же, какъ-же. Водилъ съ нами хлѣбъ-соль. Гапошкой его такъ и звали, — добавилъ онъ на выраженное мною сомнѣніе въ правдивости сообщенія.

Между тѣмъ, самъ Гапонъ продолжалъ дѣлать все, чтобы заполучить амнистію, и все добивался личнаго свиданія съ Витте, но тотъ упорно отказывался принять его, опасаясь, что при дворѣ ему будутъ поставлены въ вину «тайныя сношенія съ нелегальнымъ лицомъ».

Мнѣ же лично Гапонъ говорилъ:

— Обѣщайте имъ все, пусть только амнистируютъ меня. Главное, чтобы амнистировали. Обѣщайте, что союзы будутъ помогать правительству успокоить общество.

— А правда-ли, что вы были агентомъ охраннаго отдѣленія? спросилъ я его.

— Ерунда.

— Однако, Мануйловъ говоритъ, что не только были, но и хлѣбъ соль водили съ агентами охраннаго отдѣленія, на ты съ ними были и они васъ Гапошкой звали, а вы ихъ Васьками, и Гришками.

— Мало-ли что они будутъ говорить!

Тѣмъ не менѣе, когда я ему заявилъ, что Витте ставитъ ему ультиматумъ: или уѣзжать за границу или будетъ опубликованъ твой формуляръ, какъ агента охраннаго отдѣленія, онъ тотчасъ сдался, собрался и уѣхалъ.

Въ дѣйствительности Витте никакого ультиматума не ставилъ. Я придумалъ эту уловку, чтобы окончательно убѣдиться: былъ ли Гапонъ агентомъ охраннаго отдѣленія?

Я уже пошелъ противъ Гапона и въ этомъ виноватъ онъ самъ. Мнѣ вовсе не хотѣлось бы обличать кого бы то ни было въ моей исповѣди. Больше того, мнѣ тяжело въ дѣла моей души впутывать постороннихъ лицъ. Всего охотнѣе я обошелся бы безъ этого, если бы это было возможно, если бы мои дѣйствія не стояли до извѣстной степени въ тѣсной зависимости отъ поведенія того же Гапона. Къ сожалѣнію мои дѣйствія меньше зависѣли отъ меня, чѣмъ отъ постороннихъ совершенно обстоятельствъ. Такъ, если бы Гапонъ держался первоначально объявленной имъ по пріѣздѣ программы: организовать союзъ для революціонныхъ цѣлей съ филіальными отдѣленіями въ провинціи и, между прочимъ, среди крестьянъ, то я не бросилъ бы его и остался бы его вѣрнымъ помощникомъ.

Именно для организаціи пропаганды среди крестьянъ я и примкнулъ къ нему въ надеждѣ, что тутъ найду почву для насажденія своего Антихриста. Но Гапонъ съ самаго начала сталъ жертвовать намѣченной программой, чтобы добиться амнистіи. Чрезъ своихъ знакомыхъ репортеровъ онъ началъ высказывать свое мнѣніе въ газетахъ по вопросамъ текущей политики,—и изъ этихъ публично высказанныхъ мнѣній было ясно, что онъ просто не хотѣлъ даже и считаться съ какой бы то ни было программой и, тѣмъ менѣе, съ интересами революціи.

А въ тѣсномъ кружкѣ съ своими подручными рабочими, съ тѣми, которые сами себя возвели въ званіе организаціоннаго комитета, онъ былъ еще откровеннѣе. Тутъ всѣ разговоры были направлены къ тому, какъ заставить Витте амнистировать его, Гапона, и какъ сдѣлать, чтобы популярность его росла въ глазахъ широкихъ массъ. Союзы ясно существовали для Гапона и его клевретовъ, живущихъ на счетъ этихъ союзовъ.

Мнѣ лично не приходилось закрывать глаза на такое положеніе вещей, я не могъ не видѣть, что интересы революціи тутъ будутъ продаваться каждодневно. Поэтому послѣ отъѣзда Гапона, я тотчасъ началъ организовать компанію противъ него и его приближенныхъ. Къ сожалѣнію, это было не легко. Приходилось дѣйствовать на глазахъ этихъ приближенныхъ, заинтересованныхъ въ процвѣтаніи именно гапоновской политики.

Фактически всѣми дѣлами руководилъ организаціонный комитетъ, а онъ то и состоялъ изъ сторонниковъ, или точнѣе, изъ сообщниковъ Гапона. Все же, мнѣ казалось, я нашелъ путь, которымъ можно было придти къ побѣдѣ надъ Гапономъ. Я подалъ мысль организовать лекціонный комитетъ изъ интеллигентовъ и когда получилъ согласіе, то началъ вербовать членовъ этого комитета изъ среды крайнихъ лѣвыхъ.

Такъ, я, между прочимъ, обратился съ просьбой о лекторахъ, соціалистахъ - революціонерахъ, къ Чернову. Я подробно объяснилъ ему, что по моей мысли гапоновскіе отдѣлы должны быть только подготовительной школой для тѣхъ рабочихъ, которые еще мало сознательны и поэтому слабо революціонизированы. Я, кажется, не скрылъ отъ него, что Гапонъ можетъ послужить тутъ помѣхой, но, что если аудиторіи будутъ въ рукахъ интеллигентовъ революціонеровъ, то, въ случаѣ надобности, отъ него легко можно будетъ отдѣлаться. Въ то же время я привлекалъ въ качествѣ лекторовъ и другихъ извѣстныхъ мнѣ лицъ. Такъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Г. обѣщался сформировать цѣлый кружокъ лекторовъ юристовъ, а докторъ Д. долженъ былъ организо-

вать такой же кружокъ лекторовъ-врачей. У меня была мысль подавить гапоновскую клику массой интеллигентныхъ силъ. Въ то же время я сталъ искать и среди рабочихъ такихъ лицъ, чрезъ которыхъ можно было бы дѣйствовать и на остальную массу въ смыслѣ разоблаченія предъ ней истинной физіономіи Гапона.

Въ этомъ отношеніи мнѣ казался подходящимъ человѣкомъ предсѣдатель организаціоннаго бюро Варнашевъ. Онъ нѣсколько разъ высказывалъ мнѣ неудовольствіе на диктаторство Гапона и пр. Правда, я плохо вѣрилъ въ чистоту намѣреній Варнашева. Мнѣ казалось, что онъ просто хочетъ занять мѣсто Гапона во главѣ союзовъ. Но для моихъ цѣлей это было почти безразлично, такъ какъ съ окончательнымъ паденіемъ Гапона руководящая роль, конечно, перешла бы не къ неизвѣстному (и малокультурному) Варнашеву, а къ группѣ интеллигентовъ, стоящихъ во главѣ лекціоннаго комитета.

По этимъ соображеніямъ, я при первомъ же случаѣ поставилъ вопросъ (Варнашеву) прямо:

— Если Гапонъ не желателенъ, то его нужно удалить.

А для этого нужно въ средѣ самихъ союзовъ организовать оппозиціонный кружокъ, съ помощью котораго и дѣйствовать на остальную массу.

Варнашевъ тотчасъ же согласился, и мы порѣшили раздѣлить трудъ по борьбѣ съ Гапономъ. Онъ будетъ организовать оппозицію среди рабочихъ, а я постараюсь привлечь интеллигентныхъ лицъ, которыя согласились бы участвовать не только въ лекціонномъ комитетѣ, но и въ организаціи союзовъ. Нужно сказать, что въ это время лекціонный комитетъ уже собирался и спѣшно вырабатывалъ программу лекцій.

А Гапонъ въ это время за границей бесѣдовалъ съ журналистами и указывалъ на Витте, какъ на единственный оплотъ Россіи. Словомъ, я былъ въ цѣломъ водоворотѣ событій, имѣлъ дѣло съ массовой лицъ, при чемъ искренность отношеній возможна была только съ интеллигентами лекторами, но и это если не было на лицо гапоновскихъ приспѣшниковъ. Въ то же время я велъ переговоры съ г. Г-имъ объ изданіи газеты при отдѣлахъ. Такъ что особенной законченности дѣйствій и строгой послѣдовательности отъ меня нельзя было и требовать, для этого не было физической возможности. Мнѣ, что называется, приходилось изворачиваться и разрываться.

И я счастливъ тѣмъ, что въ разыгравшемся потомъ скандалѣ не пострадалъ никто изъ тѣхъ, кого лично я старался привлечь къ работѣ въ гапоновскихъ организаціяхъ. Я, впрочемъ, все время имѣлъ въ виду возможность наступленія этого скандала и принималъ свои мѣры, ограждающія отъ грязи ни въ чемъ неповинныхъ людей.

Я принялъ предложеніе Варнашева и началъ даже переговоры съ нѣкоторыми интеллигентами, которые, какъ я зналъ, охотно будутъ работать въ союзахъ, если тамъ не будетъ Гапона. Такъ именно мнѣ и отвѣтили всѣ, къ кому я обращался. Я въ свою очередь сказалъ, что компанія противъ Гапона уже начата*).

Но не успѣлъ я закончить этихъ переговоровъ (со всѣми намѣченными лицами), какъ совершенно случайно узналъ, что Варнашевъ, что называется, провалился. Въ средѣ его союзниковъ нашлись предатели, *донесли о его „заговорѣ“*

*) Съ этимъ предложеніемъ я обращался, между прочимъ, и къ А. В. Амфитеатрову, о чемъ и говорилось въ посланной къ нему рукописи („Исповѣдь“) но онъ это мѣсто почему то вычеркнулъ. Авт.

Гапону**) и тотъ заставилъ его поклясться быть вѣрнымъ ему до конца, *при всякихъ* обстоятельствахъ. Само собой разумѣется, что открылось и мое участіе въ заговорѣ. Варнашевъ во всемъ признался и во всемъ принесъ раскаяніе.

Я опять оказался одинъ противъ всѣхъ. Оставаться при такихъ условіяхъ уже не было смысла. Съ этого момента я не могъ разсчитывать на гапоновскіе союзы, какъ на орудіе исполненія моего плана. А у меня въ головѣ, какъ конечная цѣль, былъ только этотъ планъ. Для него только я работалъ и шелъ на всякій рискъ.

Но за недѣлю или за двѣ до этого я сдѣлалъ еще одинъ рѣшительный шагъ, который затѣмъ и привелъ меня къ исторіи съ 30-ю тысячами.

Гапонъ прислалъ Кузину письмо, въ которомъ настаивалъ на своемъ возвращеніи и, между прочимъ, увѣрялъ, что тотчасъ найдетъ денегъ для отдѣловъ. А деньги нужны были дѣйствительно. Необходимо было снять квартиры для 11 отдѣловъ, произвести передѣлки, приспособленія и оплатить помѣщенія за мѣсяцъ впередъ.

Поэтому обѣщаніе Гапона достать денегъ сразу вызвало теченіе среди рабочихъ въ пользу его немедленнаго возвращенія въ Петербургъ. Кузинъ и еще кое кто изъ наиболѣе близкихъ Гапона прямо потребовали отъ меня, чтобы я шелъ къ Витте и настойчиво просилъ о возвращеніи Гапона.

— „Требуйте, грозите“, но, чтобы былъ Гапонъ.

— „Требуйте и грозите“,—это значило, что я долженъ, въ случаѣ надобности, пригрозить разоблаченіемъ въ газетахъ исторіи отправленія Гапона за границу, т. е. что Витте далъ ему денегъ на дорогу и на жизнь въ Парижѣ и снабдилъ его подложнымъ паспортомъ.

Это было, какъ разъ, въ то время, когда я былъ всецѣло занятъ мыслью объ организаціи оппозиціи Гапону, и поэтому всего меньше желалъ его возвращенія, въ особенности немедленнаго. Но я все же пошелъ къ Витте, такъ какъ иначе пошли бы другіе.

Но Витте меня не принялъ, а чрезъ Мануйлова передалъ, чтобы я со всякими гапоновскими дѣлами обращался къ Тимирязеву, который для этого получилъ всѣ нужныя полномочія.

Мануйловъ тутъ же по телефону переговорилъ съ Тимирязевымъ, и я узналъ, что онъ готовъ принять меня у себя на квартирѣ въ 10 часовъ вечера, куда я и направился одинъ, а не съ Мануйловымъ, какъ это говоритъ Тимирязевъ въ бесѣдѣ съ однимъ журналистомъ. Принялъ онъ меня въ кабинетѣ и спросилъ:

— Чѣмъ можетъ служить?

Я ему откровенно заявилъ, что рабочіе требуютъ возвращенія Гапона, грозя, въ противномъ случаѣ, скандаломъ, и что причина этой рѣшительности требованія—нужда въ деньгахъ и увѣренность со стороны рабочихъ, что Гапонъ достанетъ денегъ.

На это онъ столь же откровенно отвѣтилъ, что Витте находитъ несвоевременнымъ возвращеніе Гапона и что если этому можно воспрепятствовать устраненіемъ нужды въ деньгахъ, то онъ, графъ Витте, готовъ помочь средствами.

— Но рабочіе согласились бы взять деньги отъ Витте, развѣ при условіи, что взятая сумма будетъ считаться вознагражденіемъ за понесенные убытки отъ закрытія отдѣловъ,—возразилъ я.

**) Въ этомъ мѣстѣ г. Амфитеатровъ дѣлаетъ такую выноску: „Неясно, гдѣ же въ это время былъ Гапонъ“. Разъясняю. Собственно доносъ посланъ былъ ему за-границу. Ему написалъ Кузинъ. А затѣмъ Гапонъ пріѣхалъ и уже въ Теріоках привелъ Варнашева къ сознанію и раскаянію, доказавъ ему, что съ нимъ онъ больше получитъ выгодъ, чѣмъ со мной и интеллигентами. Авт.

— Мы ничего не имѣемъ противъ этой формы... помощи,—запнулся г. Тимирязевъ—но пока считали бы лишнимъ разглашать, что деньги получены отъ насъ... Нельзя ли, пока, внести эти деньги въ кассу союза, какъ пожертвованіе отъ частнаго лица.

— При условіи, что вы признаете ихъ вознагражденіемъ въ возмѣщеніе убытковъ и никакой компенсаціи за эту *помощь* не потребуете.

— О, да, конечно... А какая сумма потребуется?

— Кажется, отъ шести до десяти тысячъ,—отвѣтилъ я, такъ какъ точно не зналъ, какая сумма нужна на возстановленіе отдѣловъ.

— Эту сумму вы получите.

Я ничего не отвѣтилъ. Я еще колебался: принять эти деньги, даже въ какой формѣ, въ сущности, справедливаго вознагражденія, но при условіи сокрытія ихъ источника отъ рабочихъ,—или отказаться.

Жизнь опять ставила меня въ тяжелыя противорѣчія. Съ одной стороны меня манила возможность удалить Гапона и т ѣ м ъ, во-первыхъ, внести оздоровленіе въ организаціи рабочихъ, получить возможность широкой пропаганды среди крестьянъ, съ другой, я чувствовалъ, что мнѣ тутъ приходится уже рисковать послѣднимъ, что у меня есть—добрымъ именемъ.

Въ моемъ распоряженіи была ночь. Утромъ я долженъ былъ дать отвѣтъ рабочимъ.

И въ эту ночь я не сомкнулъ глазъ. Съ 12 часовъ ночи и до 9 часовъ утра я взвѣшивалъ рискъ съ надеждами на успѣхъ въ будущемъ. Я на карту жизни ставилъ все,—но мнѣ рисовались грандіозныя картины одновременной пропаганды по всей Россіи. Это можно было съ помощью гапоновскихъ союзовъ.

Рабочіе этихъ союзовъ не порвали еще связи съ деревней, почти у всѣхъ у нихъ есть деревенскій домъ, деревенское хозяйство. Каждый изъ нихъ, слѣдовательно, могъ во всякое время возвратиться въ свою деревню, не возбуждая никакихъ подозрѣній и между разговорами съ родными, со знакомыми, въ видѣ послѣдней новости сообщить:

— А говорятъ, что Антихристъ народился и царствуетъ...

Съ одной стороны въ деревнѣ такая новость неминуемо произведетъ ошеломляющее впечатлѣніе, а съ другой, и самъ носитель новости не слишкомъ рискуетъ, такъ какъ дѣйствуетъ въ кругу лицъ ему извѣстныхъ и близкихъ.

При извѣстной долѣ осторожности, онъ можетъ нарисовать весь портретъ Антихриста и всѣ его „злыя дѣла“, въ мѣру своей фантазіи, не подвергаясь никакой опасности.

Къ тайнамъ религіознаго характера крестьяне привыкли; въ дѣлахъ души крестьянинъ самый надежный конспираторъ.

Были бы, конечно, и провалы, но если бы изъ 100 агитаторовъ, какъ я предполагалъ, уцѣлѣло хотя 10,—этого было бы достаточно, чтобы легенда пустила прочные корни.

А сто человѣкъ гапоновскіе союзы могли выдѣлить, въ особенности къ веснѣ и весной, когда многіе рабочіе и безъ того ѣдутъ въ деревню на полевыя работы.

Что касается принципіальнаго согласія рабочихъ выставить Антихриста въ качествѣ политическаго орудія, то я не сомнѣвался, что въ союзахъ найдется достаточное количество людей, которые охотно возьмутся за это дѣло. Увѣренность эта, прежде всего, основывалась на разнообразіи состава союзовъ: тутъ можно было съорганизовать группу для всякаго дѣла.

Достаточно сказать, что въ то время, какъ попы провозглашали въ церквахъ, что движеніе 9 го января вызвано японскими милліонами, среди гапоновцевъ находились такіе люди, которые говорили:

— А почему бы Гапону не сходить въ Парижъ къ японскому посланнику и не попросить его о субсидіи для развитія революціи въ Россіи.

Объ этомъ, кажется, даже писали Гапону.

Словомъ, единственнымъ препятствіемъ къ тому, чтобы использовать союзы для моего плана, былъ Гапонъ.

И препятствія я въ немъ видѣлъ не потому, что опасался принципіальнаго несогласія. Нѣтъ, въ этомъ отношеніи я былъ вполнѣ увѣренъ, что Гапонъ пойдетъ на всякое дѣло, но при непремѣнномъ условіи, что это дѣло будетъ необходимо въ его *личныхъ* видахъ и расчетахъ.

А его виды и расчеты были какъ разъ на противуположной сторонѣ. Ему нужно было выставить (и провести) свою кандидатуру во время выборовъ въ Государственную Думу.

Съ этой цѣлью онъ за границей восхвалялъ политику Витте (чтобы получить возможность возвратиться въ Петербургъ), съ этой цѣлью въ письмахъ своихъ настаивалъ, чтобы союзы воздерживались отъ какихъ бы то ни было выступленій противъ правительства, съ этой же цѣлью и по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ несомнѣнно пойдетъ тѣмъ же путемъ единенія съ Витте.

Антихриста же онъ долженъ былъ отвергнуть еще и потому, что ему для того, чтобы попасть въ Думу, нужно было, чтобы выборы состоялись. На этомъ онъ настаивалъ и въ письмахъ, рекомендуя агитировать за участіе въ выборахъ въ Думу.

Мнѣ, такимъ образомъ, несомнѣнно предстояло рѣшить: или принять предлагаемую помощь и тогда пріѣздъ Гапона отсрочивается, а вмѣстѣ получается возможность подорвать его авторитетъ и отдѣлаться отъ него навсегда, или же отказаться отъ помощи Витте и затѣмъ совершенно перестать расчитывать на союзъ, т. е. опять метаться въ поискахъ путей и средствъ перенести революцію въ среду крестьянъ.

Какого либо третьяго рѣшенія вопроса я не видѣлъ.

Для меня было ясно, что *реакція не сегодня завтра побѣдитъ по всему фронту*, если революція не прибѣгнетъ къ помощи искуственнаго рычага. А этимъ рычагомъ, по моему мнѣнію . . . . . могъ быть все тотъ же Антихристъ.

— Антихристъ. . . . . вотъ тотъ ключъ, которымъ можно было поднять на политическую почву все русское крестьянство.

Выше я уже говорилъ, что весной у меня былъ планъ воспользоваться каспійскимъ флотомъ, вокругъ котораго, какъ центра, могло бы объединиться крестьянское движеніе.

Такой центръ для объединенія, если не фактическаго, то хотя бы мысленнаго, идейнаго, необходимъ былъ и теперь. И я—въ эту мучительную для меня ночь размышленій и колебаній . . . . Да, колебаній. Я въ этомъ сознаюсь. Я вѣдь живой человѣкъ, при томъ же имѣю совершенно безпомощную семью,—и я зналъ на что иду. Даже въ случаѣ удачи, я неминуемо оказался бы жертвой—впереди у меня была только смерть. А въ случаѣ неудачи, грозило еще и болѣе страшное, чѣмъ смерть, что и случилось . . .

Я колебался, мучительно колебался,—но все же въ концѣ концовъ рѣшимость взяла верхъ.

И колебанія уступили ни предъ чѣмъ инымъ, какъ предъ развернувшейся предо мной картиной смятенія крестьянства, приведен-

наго въ ужасъ страшной вѣстью объ Антихристѣ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ я случайно былъ свидѣтелемъ подобнаго смятенія, въ маломъ видѣ, въ Пермскихъ лѣсахъ. Тогда въ средѣ одного изъ маленькихъ толковъ пермскихъ раскольниковъ прошелъ слухъ о предстоящей кончинѣ міра.

И это была вмѣстѣ и ужасная и поразительно красивая картина мукъ человѣческой души. Выше этого я ничего не видѣлъ.

Теперь, въ эту ночь, я припомнилъ тѣ человѣческія фигуры въ лѣсной глуши. . . Онѣ предо мной встали, какъ живыя, безпомощныя и вмѣстѣ великія.

Но пассивный ужасъ предъ картиной кончины міра, порождавшій *безпомощность* сектантскаго отчаянія, конечно, не могъ итти въ сравненіи съ активнымъ гнѣвомъ отчаянія предъ такимъ конкретнымъ (для крестьянъ) явленіемъ, каковъ былъ мой Антихристъ...

— Антихристъ — это адская сила, страшная въ своей таинственности, но борьба съ нимъ, въ глазахъ темной массы, не только возможна, но и спасительна . . . .

. . . . . .

Но для борьбы необходимъ не только противникъ, но и символъ, за который борешься, — иначе борьба не можетъ быть успѣшной, — и я рѣшилъ выставить самозванца. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

За этой картиной я видѣлъ океанъ народнаго движенія, въ которомъ мои личныя соображенія о репутаціи, о благополучіи моей семьи совершенно потонули.

Я рѣшился.

Вечеромъ я получилъ отъ Тимирязева, кажется, 2 или 2 съ половиной тысячи рублей. При этомъ мнѣ припоминается одна подробность, которой тогда я не придалъ значенія, о чемъ и сожалѣю теперь.

Получивъ деньги, я написалъ расписку такого содержанія:

„Отъ министра торговли и промышленоости В И. Тимирязева получилъ двѣ съ половиной тысячи рублей для передачи „собранію русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ въ г. С.-Петербургѣ, въ счетъ вознагражденія за понесенные убытки собраніемъ отъ закрытія отдѣловъ послѣ 9-го января 1905 года.“

Но Тимирязевъ отказался принять отъ меня такую расписку, ссылаясь на то, что онъ оффиціально не уполномоченъ вознаграждать союзы за убытки, а поэтому расписка такого содержанія можетъ вызвать формальныя недоразумѣнія.

Съ своей стороны онъ предложилъ написать такую расписку:

„Отъ Василія Ивановича Тимирязева двѣ съ половиной тысячи рублей получилъ такого то числа А. Матюшенскій“.

Текстъ этотъ мнѣ былъ продиктованъ, и я написалъ, не подозрѣвая, что этимъ г. Тимирязевъ оставлялъ за собой свободу *потомъ* опредѣлять назначеніе имѣющихся въ его распоряженіи и выданныхъ мнѣ суммъ.

Въ этой неизмѣнной формѣ потомъ писались и всѣ остальныя расписки, что и дало Тимирязеву возможность говорить, когда все открылось, что всѣ 30 тысячъ рублей даны для гапоновскихъ отдѣловъ.

Въ дѣйствительности это не такъ. Какъ уже сказано выше, я опредѣлилъ цифру убытковъ отъ 6 до 10 тысячъ рублей. Затѣмъ—эта цифра опредѣлилась сама собой

Отдѣлы возстановлялись, обставлялись, недостающее покупалось, испорченное исправлялось и на все это израсходовано 7 тысячъ рублей. Изъ этихъ же денегъ была внесена и квартирная плата за

помѣщенія отдѣловъ по февраль мѣсяцъ,—самое меньшее, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и за большій срокъ. Такъ что 7 тысячъ рублей нужно признать суммой, значительно превышающей стоимость понесенныхъ убытковъ, о чемъ я и сказалъ Тимирязеву.

Это было уже во второй половинѣ декабря, какъ разъ въ то время, когда ожидалось вооруженное возстаніе въ годовщину девятаго января.

Въ совѣтѣ министровъ, повидимому, весьма трусили этого дня. Чуть не каждая фраза каждаго администратора начиналась:

— Если 9-е января пройдетъ благополучно, то и...

Это говорилъ Тимирязевъ, въ такой же формѣ передавалъ онъ отвѣтъ Витте и Дурново на наши ходатайства разрѣшить намъ собранія или, по крайней мѣрѣ, вечера и елки.

— Если девятое января пройдетъ благополучно, то все разрѣшимъ.

Они тогда еще не были готовы къ развитію репрессій и трепетали, потому что „неспокойные дни“ были связаны съ необходимостью уступить свое мѣсто другимъ, которыхъ всегда при дворѣ полный штатъ, какъ жаловался Тимирязевъ.

Тамъ ждали возстанія съ нетерпѣніемъ и готовились занять министерскія мѣста. А тутъ трепетали, все ради тѣхъ же министерскихъ мѣстъ.

И Тимирязевъ еще за нѣсколько дней до того, какъ я заявилъ ему о полномъ погашеніи убытковъ, заговорилъ со мной о гибельности возстанія, въ особенности въ Петербургѣ съ его прямыми, широкими улицами:

— Это будетъ безполезное кровопролитіе. При такихъ условіяхъ народъ не можетъ бороться съ войсками.

— А если и войска?

— О! Этого не можетъ быть. На этотъ счетъ мы спокойны.

— А забастовка?

— Забастовка—да. Но пройдетъ ли она. Рабочіе обнищали, изголодались и не вынесутъ забастовки. Это невыносимо.

— Но и репрессіи тоже невыносимы. И съ этой стороны терпѣніе истощилось.

Я и самъ думалъ, что бой съ войсками на улицахъ Петербурга невозможенъ, что забастовка къ годовщинѣ 9-го января не пройдетъ, но мнѣ не было надобности соглашаться и тѣмъ давать правительству увѣренность въ прочности положенія.

Со мной говорили не для моего личнаго мнѣнія, а желая узнать настроеніе рабочихъ, съ которыми я имѣлъ дѣло. И я не считалъ себя въ правѣ выставлять рабочихъ, какъ утомленную, безпомощную массу.

Въ ихъ глазахъ она должна быть всегда и сильна и энергична и готова къ активному выступленію.

Такъ я и дѣйствовалъ, оговариваясь, что я лично весьма желалъ бы наступленія спокойствія на моей родинѣ,—но что спокойствіе едва ли возможно, пока на россійскомъ престолѣ сидитъ г. Дурново.

Тимирязевъ соглашался со мною въ этомъ, но въ свою очередь добавлялъ, что мы, „искренно любящіе родину“, должны сдѣлать все отъ насъ зависящее для ея успокоенія.

На ту же тему онъ началъ разговоръ и въ этотъ день и, между прочимъ, заявилъ, что извѣстный руководитель рабочихъ Ушаковъ предлагаетъ ему организовать пропаганду мира и успокоенія.

Лично онъ, Тимирязевъ, не считаетъ Ушакова пригоднымъ для этой цѣли, но идеей его готовъ воспользоваться.

Оказалось, что Ушаковъ предло-

жилъ ему, приблизительно, слѣдующее. Революціонеры имѣютъ агитаторовъ на жалованьи и этимъ, собственно, и сильны, такъ какъ используютъ наиболѣе талантливыхъ людей и, платя имъ жалованье, берутъ ихъ время цѣликомъ для пропаганды. Тоже слѣдуетъ дѣлать и правительству.

Онъ, Тимирязевъ, имѣетъ свободныхъ около 20 т. рублей, которые и можетъ употребить на это дѣло, если я возьмусь за организацію.

— А если я не возьмусь?

— Тогда придется поручить Ушакову или еще кому либо.

— Значитъ у васъ это уже рѣшено?

— Д-да.... Нужно же дѣлать что-нибудь.

Я ему не далъ никакого отвѣта.

Меня слишкомъ ошеломило это предложеніе. И ошеломило меня не оскорбленіе, которое само собой заключалось въ такомъ предложеніи, а то, что мнѣ сами факты показали, какъ я далеко зашелъ. Меня уже считаютъ возможнымъ использовать для тайныхъ порученій.

Я не буду описывать, какая злоба клокотала въ моей груди и на Тимирязева, рѣшившагося сдѣлать мнѣ такое предложеніе, и на себя, и на Гапона, и на все въ мірѣ.

И именно поэтому я воздержался, круто оборвалъ бесѣду и со словами: „я сейчасъ не могу дать вамъ никакого отвѣта“,—ушелъ.

Я боялся, что скажу или сдѣлаю нѣчто такое, чего потомъ уже не исправить.

Я страстно хотѣлъ отвѣтить на оскорбленіе, смыть обиду чѣмъ либо равнымъ или сильнѣйшимъ.

Но чѣмъ. Дать ему по физіономіи? Онъ даже не пойметъ такого дѣйствія.

Съ его точки зрѣнія онъ оказываетъ мнѣ довѣріе, предпочитаетъ меня Ушакову, цѣнитъ, значитъ, какъ полезную силу.

Да и какой смыслъ тратить энергію на сведеніе личныхъ въ сущности счетовъ съ г. г. Тимирязевыми?

Месть должна быть, но и въ иной формѣ, въ иной сущности.

— Взять деньги и нанихъ „сдѣлать“ Антихриста и самозванца.

— Или на всѣ 20 тысячъ рублей купить „маузеровъ“ въ Финляндіи къ 9 января...

Кратко: послѣ долгихъ и мучительныхъ размышленій я заявилъ о моемъ согласіи, но тутъ же добавилъ, что агитаторовъ я буду вербовать не въ гапоновскомъ союзѣ, а иными извѣстными мнѣ путями.

Мнѣ просто не хотѣлось путать рабочую организацію, хотя бы, и въ фиктивную исторію провокаторскихъ организацій.

На это Тимирязевъ мнѣ отвѣтилъ:

— Это ваше дѣло. Деньги эти даются въ ваше распоряженіе, и никакого отчета я отъ васъ не требую.

Это буквально его слова. Тутъ же онъ мнѣ сказалъ точную сумму, какой онъ располагаетъ на агитацію, и откуда и какъ получилась эта сумма.

Оказалось, что тотъ же Колышко еще въ концѣ октября отъ имени Гапона просилъ у Витте 30 тысячъ рублей для союзовъ,—сумма, по его словамъ, необходимая для возстановленія отдѣловъ. Эту сумму они и приготовили.

— Но въ такомъ случаѣ всѣ эти деньги имѣютъ опредѣленное назначеніе?—спросилъ я его.

— Нѣтъ. Они имѣли такое назначеніе, потому что намъ т а к ъ оцѣнили убытки гапоновцевъ, но теперь, когда убытки покрылись полностью, и даже съ излишкомъ, семью тысячами, остальныя 23 тысячи остаются въ нашемъ распоряженіи. Мы имъ можемъ дать любое назначеніе, не выходя только изъ сферы рабочаго движенія. А агитація среди рабочихъ не выходитъ изъ этой сферы.

— А какъ думаетъ на э т о т ъ счетъ графъ Витте?

— Онъ совершенно согласенъ со мной въ этомъ отношеніи. Къ сожалѣнію только въ этомъ.

— А въ остальномъ?

— А въ остальномъ онъ идетъ въ ногу съ Дурново.

Этотъ союзъ Витте съ Дурново, а не съ нимъ,—былъ язвой сердца Тимирязева,—и онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы излить свою печаль.

Я получилъ отъ него—не помню ужъ какую,—сумму и на другой же день отправился въ Финляндію. Тамъ отыскалъ своего знакомаго финляндца и, изложилъ ему свой планъ покупки и доставки „маузеровъ“, поручилъ ему съѣздить въ Выборгъ, столковаться съ продавцами, а также и съ кондукторскими бригадами относительно перевозки оружія. *)

Это быстрое рѣшеніе и его выполненіе объясняется страстнымъ желаніемъ тотчасъ, немедленно отомстить оскорбителямъ. Антихристъ и самозванецъ требовалъ долгой подготовительной работы, и сама месть могла послѣдовать только не ранѣе весны.

А у меня въ головѣ молотомъ стучали слова:

— Я вамъ покажу, какой я организаторъ пропаганды успокоенія!

Чрезъ два дня финляндецъ пріѣхалъ и сказалъ, что „маузеры“ страшно поднялись въ цѣнѣ, но все же торговцы-оружейники берутся поставлять ихъ въ любомъ количествѣ. За перевозку берутся нѣкоторые машинисты, за что просятъ по 1 рублю со штуки. Перевозить будутъ по двѣ штуки, съ каждымъ поѣздомъ, на паровозѣ въ дровахъ. Въ общемъ можно перевезти такимъ образомъ штукъ 20 въ день и даже больше. Къ вечеру мы уже поѣхали съ нимъ въ Выборгъ, чтобы сдѣлать пробную пересылку.

Въ магазинѣ оказалось только 2 „маузера“. Мы ихъ взяли, пошли на вокзалъ и тамъ отдали машинисту отходящаго поѣзда, а сами остались до слѣдующаго поѣзда, такъ какъ проголодались и вздумали поѣсть.

Часовъ въ 10 вечера мы все же были уже въ Бѣлоостровѣ и къ нашему удивленію увидѣли, что паровозъ осматриваютъ таможенные чиновники съ жандармами. Мой знакомый финляндецъ пошелъ и отъ своихъ знакомыхъ станціонныхъ служащихъ узналъ, что это первый разъ обыскиваютъ паровозъ и что ищутъ именно оружіе. По ихъ мнѣнію, жандармы получили доносъ.

Потомъ выяснилось, что искали именно наше оружіе. А кто донесъ? Кто нибудь изъ членовъ бригадъ, съ которыми велъ переговоры мой уполномоченный.

Все же посланные нами два револьвера благополучно прибыли,—но дѣло, очевидно, погибло. При такомъ строгомъ досмотрѣ, свидѣтелями котораго мы были, перевозка оружія (систематическая) невозможна.

Мой финляндецъ предлагалъ другой способъ перевозки, не желѣзной дорогѣ, а на лошадяхъ. Въ это время финны, какъ разъ везли въ Петербургъ корюшку. Оружіе можно было прятать въ корюшку, что и дѣлали, какъ онъ говорилъ, съ серебромъ, когда на разницѣ въ цѣнѣ на серебро, въ Финляндіи и въ Россіи, наживали большія деньги.

Но на это я не пошелъ, во первыхъ, потому, что въ корюшкѣ пришлось бы перевозить большими партіями и въ случаяхъ проваловъ,

*) Этого финляндца знаетъ литераторъ Г. Е. С.—ъ; о самой попыткѣ организовать доставку „маузеровъ“ изъ Финляндіи я тогда же говорилъ литератору П. М. П-ому; о поѣздкѣ моей знала и обѣщала свою помощь партійная дѣятельница партіи С. Р.—овъ А. Ф. З--ова. Авт.

нести большія потери, а, главное, неудача на меня подѣйствовала отрезвляющимъ образомъ.

24 декабря я пошелъ къ Тимирязеву въ послѣдній разъ, получилъ отъ него послѣднюю сумму до 23 тысячъ (не считая 7 т.р., переданныхъ гапоновцамъ).

Ничего не подозрѣвая, я и на этотъ разъ выдалъ расписку, безъ указанія назначенія денегъ, что и дало потомъ возможность Тимирязеву сказать, что всѣ 30 тысячъ даны имъ для гапоновцевъ.

Между тѣмъ, если бы я настоялъ на указаніи назначенія денегъ, расписки были бы двухъ родовъ: на 7 тысячъ для гапоновцевъ, и на 23 т. на организацію пропаганды противъ революціи.

Къ сожалѣнію, мое вниманіе всецѣло было занято главной идеей, и я въ такихъ мелочахъ не могъ обезопасить себя. Между тѣмъ, эта то мелочь и погубила затѣмъ все дѣло. Она дала возможность Тимирязеву привлечь гапоновцевъ къ розыскамъ меня, безъ помощи которыхъ розыски едва ли увѣнчались бы успѣхомъ. Но объ этомъ послѣ.

Съ 24 декабря я началъ готовиться къ отъѣзду изъ Петербурга. Въ это время Гапонъ уже пріѣхалъ изъ за границы въ Теріоки. Я ему прямо заявилъ, что прерываю съ нимъ всякія сношенія. Задерживался мой отъѣздъ чисто домашними дѣлами, нужно было достать денегъ для остающейся въ Петербургѣ семьи, чтобы обезпечить ее хотя бы на нѣкоторое время. Потребовалось на это нѣсколько дней, и я могъ поѣхать только послѣ 9-го января 1906 года.

Поѣхалъ я именно въ Саратовъ по слѣдующимъ соображеніямъ.

Во первыхъ, это ближайшій культурный центръ къ поволжскимъ сектантамъ, среди которыхъ я думалъ заложить первый фундаментъ Антихриста; во вторыхъ, это моя родина, а слѣдовательно, край, до нѣкоторой степени мнѣ извѣстный; въ третьихъ, я узналъ, что въ Саратовѣ во главѣ соціалистовъ революціонеровъ стоитъ мой давнишній пріятель, чрезъ котораго я могъ войти въ сношенія съ крестьянами.

Къ сожалѣнію, и тутъ началось съ неудачъ и препятствій. Въ то время, когда я собирался ѣхать въ Саратовъ, тамъ партія соціалистовъ революціонеровъ подвергалась жесточайшему разгрому. Мой пріятель принужденъ былъ бѣжать. А чрезъ нѣсколько дней, уже при мнѣ, полиція забрала и остальныхъ.

Словомъ, когда я пріѣхалъ въ Саратовъ, то оказалось, что обратиться за содѣйствіемъ буквально не къ кому, такъ что у меня въ одно время явилась мысль ѣхать сейчасъ же въ одну изъ сектантскихъ деревень, тамъ поселиться (временно) и начать дѣло безъ посредниковъ. Но пріѣздъ въ деревню новаго лица нельзя скрыть, а поэтому неминуемо является вопросъ:

— Зачѣмъ пріѣхалъ? По какимъ дѣламъ и почему именно въ нашу деревню?

Болѣе или менѣе удовлетворительные отвѣты на эти вопросы почти невозможны. А слѣдовательно, возможенъ и почти неминуемъ крахъ въ самомъ началѣ, въ первые же дни по пріѣздѣ.

Необходимо было поэтому заручиться связями здѣсь же въ Саратовѣ и затѣмъ уже ѣхать по деревнямъ конспиративно. Этимъ я и занялся, и чтобы, не возбуждать подозрѣній относительно цѣлей своего пріѣзда въ Саратовъ, началъ съ того, что пошелъ къ губернатору (П. А. Столыпину), которому сказалъ, что пріѣхалъ издавать въ Саратовѣ газету. Тоже самое сказалъ и въ газетныхъ кругахъ и даже самымъ серьезнѣйшимъ образомъ велъ переговоры о покупкѣ газеты сначала

съ собственниками „Приволжскаго Края“, а потомъ и „Саратовскаго Дневника“. И тамъ, гдѣ не нужно, я имѣлъ полный успѣхъ. Мнѣ ежеминутно грозила опасность, что на мои условія согласятся, такъ что я изобрѣталъ отсрочки, говорилъ, напримѣръ, что уѣзжаю къ отцу на нѣсколько дней,—на самомъ дѣлѣ никуда не выѣзжалъ,—а затѣмъ ставилъ болѣе непріемлемыя условія. И такъ до конца.

Съ этой же цѣлью замаскировать свои нелегальныя намѣренія я поручилъ комиссіонерской конторѣ купить мнѣ домъ. Ненужная удача тутъ еще болѣе преслѣдовала меня. Комиссіонеры предлагали дома чуть не сотнями и почти насильно таскали меня осматривать ихъ. Но тутъ отношенія были, хотя и надоѣдливы, но зато болѣе просты: не нравится— и кончено.

И совсѣмъ неуспѣшно шли дѣла съ отысканіемъ такъ необходимыхъ мнѣ путей къ сектантамъ. Опрометчивыхъ и рискованныхъ шаговъ я не хотѣлъ дѣлать, а солидныхъ и надежныхъ связей не находилось.

Пробовалъ я воспользоваться своимъ знакомствомъ съ Покровской слободкой (село съ 70 тыс. населенія на лѣвомъ берегу Волги, противъ Саратова), но и тутъ ничего не вышло. Въ этомъ селѣ я когда то былъ учителемъ русскаго языка и географіи въ земской трехклассной школѣ, и на эти то учительскія связи и разсчитывалъ.

Оказалось, что въ Покровской слободкѣ и до сихъ поръ учительствуютъ двое моихъ знакомыхъ, съ которыми я поспѣшилъ возобновить знакомство: былъ у нихъ, приглашалъ къ себѣ, толковалъ часами, выспрашивалъ, подходилъ и съ той и съ другой стороны,—но ничего не могъ добиться. Одинъ все время ругалъ революціонеровъ, а другой былъ такъ запуганъ, что все обращалъ въ смѣшную сторону, и самъ же хохоталъ раскатистымъ могучимъ хохотомъ. Единственно, что можно было съ ними сдѣлать—это напиться до положенія ризъ.

Тутъ мнѣ припомнилось одно знакомство. Въ своихъ пѣшихъ странствіяхъ по свѣту въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ я случайно познакомился въ Уральскѣ съ казакомъ С-ской станицы, ярымъ сектантомъ изъ ищущихъ истинной церкви, т. е. человѣкомъ, котораго не удовлетворяетъ ни одна изъ сектъ и ихъ толковъ и который поэтому переходитъ отъ одного толка къ другому въ поискахъ за идеальной Христовой Церковью.

Такіе люди наиболѣе воспріимчивы къ всякому новому ученію и въ первое время особенно горячо пропагандируютъ новую истину.

Человѣкъ, словомъ, для меня подходящій. Вопросъ въ томъ: существуетъ ли онъ на свѣтѣ. Вѣдь съ тѣхъ поръ прошло почти 25 лѣтъ.

Я написалъ ему и въ письмѣ припомнилъ нѣкоторыя обстоятельства нашего знакомства. Къ моему счастью, это знакомство сопровождалось однимъ курьезнымъ случаемъ, памятнымъ намъ обоимъ. Мы сидѣли на берегу Урала. Берегъ былъ очень низкій, но крутой и значительно подмытый водой. Бесѣда же наша была такъ горяча, что мы и не замѣтили, какъ берегъ окончательно подмыло,—глыба глины отвалилась и вмѣстѣ съ нами рухнула въ воду...

Опасности въ этомъ для насъ никакой не было, такъ какъ мы оба хорошо умѣли плавать, но все же послѣ этого мы уже не садились такъ близко къ коварнымъ водамъ Урала.

Это обстоятельство и помогло ему вспомнить и наше знакомство, и меня самого, и наши разговоры. И въ немъ оказался настолько еще живъ интересъ къ вопросамъ духа, что онъ черезъ двѣ недѣли послѣ

отсылки письма, пріѣхалъ ко мнѣ въ Саратовъ, придравшись впрочемъ, къ какой то хозяйственной необходимости.

Отъ него я узналъ многое, что мнѣ необходимо было знать, такъ какъ лично я давно порвалъ связи съ деревней и обладалъ достаточно устарѣлыми свѣдѣніями *).

Главное, что я хотѣлъ знать, это насколько силенъ еще въ сектантахъ интересъ къ религіознымъ вопросамъ и усиливается онъ или ослабѣваетъ.

Оказалось, что интересъ къ обрядовой сторонѣ падаетъ, но за то болѣе строгія требованія предъявляются къ существу религіи: требуется чистота идеаловъ и близость ихъ къ евангельскимъ взглядамъ.

Это главное теченіе. Я въ эту сторону и началъ дѣйствовать. На эти бесѣды у насъ ушло два дня, въ общей сложности часовъ 20 непрерывныхъ разговоровъ вдвоемъ. И я все время стоялъ и могъ стоять на почвѣ точныхъ историческихъ данныхъ, не кривя душой. Уклоняться отъ истины мнѣ и не было нужды. Что евангеліе съ IIIго вѣка служитъ орудіемъ сильныхъ для порабощенія слабыхъ, этого никто не станетъ отрицать, это всѣми признанная истина. Но отъ этой истины до Антихриста было еще далеко. А поэтому на третій день я уже перешелъ къ вліянію „злыхъ силъ“, „духа ада“ въ борьбѣ сильныхъ съ слабыми. Духъ зла пользуется сильными и богатыми, какъ орудіемъ, для борьбы съ Христомъ и его евангеліемъ. А поэтому чѣмъ сильнѣе власть богатыхъ и правителей, тѣмъ сильнѣе вліяніе духа зла. На угнетеніи и рабствѣ онъ строитъ свое благополучіе. Гнетъ сильныхъ даетъ ему возможность широко распространить свое вліяніе. Въ его полномъ распоряженіи полиція и войско, съ помощью которыхъ о н ъ гонитъ истинныхъ христіанъ (сектантовъ въ данномъ случаѣ), препятствуетъ имъ проповѣдывать истины Христовы, заточаетъ въ тюрьмы, истязаетъ и пр.,—словомъ всѣми мѣрами насилія искореняетъ истину и на ея мѣстѣ насаждаетъ ложь. А поэтому борьба съ насиліемъ и произволомъ властей есть въ то же время и борьба за Христа и его истину. Теперь эта борьба особенно усилилась, потому что близится то время, когда Антихристъ выступитъ противъ Христа на послѣдній бой. Есть признаки и данныя, что онъ уже воцарился въ мірѣ и собираетъ свою рать и т. д.

Я долженъ сказать, что о самозванцѣ и пр. я ничегосвоему собесѣднику не говорилъ. Мнѣ казалось,—не знаю п р а в ъ л и я въ этомъ,—что для этого нужна извѣстная постепенность, ч т о нужно было сначала дать свыкнуться съ мыслью объ Антихристѣ вообще.

Сказалъ также я ему и слѣдующее: у меня есть сбереженія, около 20 тысячъ рублей, которые я рѣшилъ употребить на богоугодное дѣло, именно на проповѣдь евангельскихъ истинъ и на борьбу съ духомъ зла. Къ нему же я обращаюсь за помощью въ этомъ дѣлѣ и прошу, для начала, устроить мнѣ возможность побесѣдовать съ „христіанами“ въ разныхъ станицахъ и селахъ.

Онъ согласился на всѣ мои предложенія и обѣщалъ д л я начала устроить собесѣдованія въ трехъ, кажется, станицахъ и въ д в у х ъ селахъ Астраханской губерніи, гдѣ онъ тоже имѣетъ знакомыхъ сектантовъ.

Этого пока было довольно, и я его отпустилъ. Увѣдомленіе о н ъ долженъ былъ прислать въ серединѣ февраля, по возможности къ 15 му, а въ началѣ февраля на меня нагрянули совершенно неожиданно гапоновцы. И опять всѣ труды пропали даромъ.

— Какъ случился этотъ разгромъ.

Чисто по гапоновски.

Ему нужны были деньги, а взять было негдѣ. Между тѣмъ, отъ того же Колышко онъ узналъ, что первоначально для союзовъ было назначено 30 т. рублей. Я же опредѣлилъ убытки всего въ 7 т. рублей (они сами опредѣлились, какъ видно выше), такъ что относительно остальныхъ 23 тысячъ рублей „можно еще разговаривать.“

Эти разговоры и поручено было Гапономъ вести тому же Колышко. Тотъ пошелъ къ Витте и узналъ, что 23 т. рублей выданы мнѣ *на выполненіе особаго порученія.*

Въ отвѣтъ на это Гапонъ послалъ сказать Витте, что Матюшенскій даннаго ему порученія не выполняетъ и уѣхалъ съ деньгами, чтобы употребить ихъ на революціонныя цѣли:

— На ваши деньги онъ бомбъ надѣлаетъ!

Этимъ онъ ставилъ Витте и Тимирязева въ необходимость отказаться отъ того, что деньги даны въ мое распоряженіе.

Имъ ничего не оставалось, какъ говорить, что они довѣряли мнѣ, какъ представителю союзовъ, и деньги давали для союзовъ, а никакъ не въ мое распоряженіе, на совершенно самостоятельное дѣло.

Иначе выходило, что они глупо попали въ просакъ.

Отсюда между Витте, Тимирязевымъ и Гапономъ возникло молчаливое согласіе утверждать, что деньги были даны союзамъ, а поэтому виноватъ союзъ, что довѣрился ненадежному человѣку.

Для Тимиряева это было особенно выгодно, такъ какъ онъ получалъ возможность говорить, что онъ дѣйствовалъ исключительно по инструкціи, данной ему графомъ Витте *)

Гапонъ или гапоновцы разсчитывали, что для публики эти деньги можно будетъ выставить, какъ вознагражденіе за убытки.

Но пусть скажутъ изъ чего слагаются эти убытки.

Отобранныя деньги и имущество имъ возвращены полностью, за исключеніемъ имущества, одного отдѣла, оцѣненнаго самими гапоновцами въ въ 1000 рублей. Предположимъ, что на исправленіе поломаннаго и покупку недостающаго израсходовано еще 1500 рублей. Итого получается 2500 рублей. Кромѣ того, за нарушеніе контракта по найму одного помѣщенія уплачено по суду, кажется, 600 рублей и сторожу тоже по суду 200 рублей. Вотъ и все—всего 3300 рублей.

А они получили отъ меня 7000 рублей, излишекъ отъ которыхъ и ушелъ на уплату за квартиры, перелѣлки, приспособленія (и еще

*) Тутъ г. Амфитеатровъ дѣлаетъ такую выноску: В тѣ эта то устарѣлость свѣдѣній и легла въ основу сплошь фальшивой затѣи г. Матюшенскаго съ Антихристомъ и самозванцемъ. Она—вся въ воздухѣ, сплошь фантазія, сплошь—пережитокъ царизма, хотя и поставленнаго вверхъ ногами.

Я уже говорилъ выше, что теперь, когда освободился изъ-подъ власти того больного настроенія, п о д ъ вліяніемъ и въ атмосферѣ котораго создался у меня Антихритъ и самозванецъ, я и самъ осуждаю эту затѣю, к а к ъ ее называетъ г. Амфитеатровъ. Но непригодна она и вредна не потому, что основана на устарѣлыхъ свѣдѣніяхъ. Свѣдѣнія эти я обновилъ и съ грустью могу сказать, что много еще невѣжества и темноты на Руси, а переживаніе народомъ невыносимыхъ страданій создаетъ такія настроенія, въ атмосферѣ которыхъ можетъ быть принята за истину не только такая нелѣпость, какъ Антихристъ, но и все, что хотите (всего мѣсяцъ назадъ крестьяне казнили ребенка какъ Антихриста). Вопросъ не въ этомъ а въ томъ, что сама по себѣ идея самозванство и Антихриста не чистая и жестокая по отношенію къ народу. Поэтому же она и преступна, такъ какъ базируетъ на народной темнотѣ и невѣжествѣ. Что касается поставленнаго вверхъ ногами царизма, т у т ъ г. Амфитеатровъ, конечно, правъ. Но я этого и не отрицалъ. Авт.

*) Въ дѣйствительности, весьма возможно, что организація пропаганды задумана была имъ самостоятельно. Онъ тогда уже былъ не прощенъ и жаждалъ случая выказать свои особые таланты на административномъ поприщѣ и тѣмъ упрочить свое положеніе.

на личные расходы Кузина, Варнашева и другихъ распорядителей союзными деньгами) и пр.

Словомъ, получивъ 7 т. рублей, они не только возстановили отдѣлы въ прежнемъ видѣ, но и оплатили еще квартиры за мѣсяцъ, а нѣкоторыя и за три впередъ.

Отобранныя же у нихъ послѣ 9-го января 1905 года деньги и процентныя бумаги они получили помимо этого, особо.

Но оставляю это и возвращюсь къ прерванному описанію политики Гапона.

Настроивъ чрезъ Колышко должнымъ образомъ какъ Витте, такъ и Тимирязева, Гапонъ уже самъ пошелъ къ Тимирязеву въ сопровожденіи Варнашева. Первыя слова Тимирязева были:

— Неужели, правда, уѣхалъ?

— Да, уѣхалъ.

— Ахъ, онъ надѣлаетъ бомбъ на эти деньги.

— Конечно,— подтверждаетъ Гапонъ.

Послѣ этого естественно рѣшеніе—отыскать меня во что бы то ни стало и отобрать деньги.

Но и только, не больше ни въ какомъ случаѣ.

И та и другая сторона были, во-первыхъ, заинтересованы въ сохраненіи тайны. Во-вторыхъ, въ сущности говоря, законнымъ путемъ деньги эти они едва-ли могли получить. Расписка, въ которой сказано, что такой то получилъ столько-то отъ такого-то, ни о какихъ обязательственныхъ отношеніяхъ не говоритъ. Такой формы расписки, обыкновенно, даются кредиторами должникамъ при полученіи ими долга.

Словомъ, могъ быть только гражданскій процессъ и съ весьма сомнительнымъ исходомъ.

Все это они приняли во вниманіе и послали Кузина и Черемухина съ порученіемъ отыскать меня, произвести давленіе и затѣмъ войти въ сдѣлку, получивъ хотя половину, тысячъ двѣнадцать.

Такъ, по крайней мѣрѣ, передалъ мнѣ все это Кузинъ, а затѣмъ по дорогѣ въ Петербургъ и Черемухинъ.

Отыскать имъ меня было не трудно. Кузина знала моя семья, и когда онъ пришелъ, племянница тотчасъ дала ему мой адресъ.

Въ Саратовѣ, какъ говорили потомъ Кузинъ и Черемухинъ, они хотѣли идти ко мнѣ одни, безъ полиціи, но потомъ рѣшили, что это опасно.

— Вышвырнетъ онъ насъ, а потомъ заберетъ деньги и убѣжитъ, и тогда уже его не найдешь.

Поэтому они нагрянули ко мнѣ ночью, въ три часа, въ сопровожденіи пристава, трехъ околоточныхъ, пяти городовыхъ и 2-хъ или 3-хъ агентовъ сыскного отдѣленія. Я проснулся и увидѣлъ, что вся комната полна непрошенныхъ гостей.

— Въ чемъ дѣло?— спрашиваю.

Въ это время изъ передней выскакиваютъ Кузинъ и Черемухинъ, и первый говоритъ:

— Александръ Ивановичъ, намъ нужно поговорить съ вами безъ свидѣтелей.

— Для этого вы можете придти завтра, а въ такой обстановкѣ я съ вами разговаривать не буду,— отвѣтилъ я.

— Вы потомъ будете раскаиваться въ этомъ.

— Это уже мое дѣло. Вы же съ полиціей пришли, съ ней и дѣлайте ваше дѣло.

— Мы ищемъ деньги.

— Какія?

— 23 тысячи.

— Они вамъ не принадлежатъ.

— Мы имѣемъ полномочія отъ Тимирязева.

— Если вы имѣете полномочія и права на эти деньги, то получите ихъ въ отдѣленіи государственнаго банка.

И я далъ имъ расчетную книжку и чековую.

— Намъ не выдадутъ. Вы должны написать чекъ.

— Не выдадутъ, значитъ ни вы, ни Тимирязевъ не имѣете доказательствъ вашихъ правъ на эти деньги.

— Мы будемъ судиться.

— Судитесь.

Признаюсь, я плохо сознавалъ, что дѣлаю. Мнѣ, собственно, не было никакого резона упорствовать въ своемъ отказѣ отдать имъ деньги. Все равно, пользуясь поддержкой изъ Петербурга, они могли, если не получить, то наложить арестъ на деньги, который и могъ быть снятъ только по суду, т. е. можетъ быть, черезъ два года, когда они мнѣ будутъ уже не нужны и безполезны.

Но во мнѣ клокотала злоба, и я дѣлалъ все „наоборотъ“.

Меня, конечно, забрали и отвели въ участокъ, а на другой день вызвали въ кабинетъ пристава. Пристава тамъ не было, а сидѣлъ одинъ Кузинъ. Меня покоробило, но я все же не отказался съ нимъ поговорить.

— Что угодно?

— Александръ Ивановичъ!—началъ онъ,—мы знаемъ для чего вы взяли деньги и зачѣмъ пріѣхали въ Саратовъ. Покончимъ миромъ. Намъ до зарѣзу нужны деньги, все наше дѣло гибнетъ. Отдайте намъ деньги, и мы вамъ поможемъ сдѣлать ваше дѣло. И деньгами поможемъ и силами. Мы обойдемся 12 к тысячами.

Я уже одумался за ночь и хорошо сознавалъ, что мое дѣло погибло, если я не выпутаюсь изъ этой исторіи хотя съ небольшимъ остаткомъ денегъ. А поэтому рѣшилъ вступить въ сдѣлку.

И мы рѣшили, что поѣдемъ вмѣстѣ въ Петербургъ, тамъ переговоримъ съ Гапономъ, я получу деньги и могу возвратиться въ Саратовъ и вообще куда мнѣ нужно. Освободить меня въ этотъ день все же не могли, такъ какъ начальникъ сыскного отдѣленія передалъ дѣло слѣдователю, и нужно было исполнить нѣкоторыя формальности.

На другой день Кузинъ написалъ заявленіе слѣдователю, что получилъ отъ меня всѣ деньги вполнѣ (23 тысячи), и меня освободили.

На слѣдующій день мы уже уѣхали въ Петербургъ.

Я изложилъ моимъ спутникамъ мой планъ, и они дали мнѣ слово устроить все „по-хорошему“.

Особенно увлекся моимъ планомъ Черемухинъ. Когда Кузинъ на одной изъ станцій пересѣлъ въ другой поѣздъ, чтобы заѣхать дня на 2 къ отцу, онъ (Черемухинъ) признался мнѣ, что, если бы зналъ въ чемъ дѣло, то не только не поѣхалъ бы разыскивать меня, а по телеграфу предупредилъ бы, что за мной наряжена погоня.

— Во всякомъ случаѣ, я буду настаивать, чтобы вамъ выдали не менѣе 10 т. рублей.. И самъ поѣду съ вами, если возьмете,—закончилъ онъ свои признанія.

Но въ Москвѣ мы прочитали въ газетахъ письмо Петрова,*) а не доѣзжая до Петербурга, и отвѣтъ организаціоннаго комитета. О какомъ либо мирномъ окончаніи дѣла послѣ этого не могло быть и рѣчи.

Я зналъ Гапона съ этой стороны хорошо и не сомнѣвался, что онъ всѣ усилія приложитъ, чтобы только спасти себя; и, конечно, и пальцемъ не пошевелитъ для моего дѣла.

Оно вновь провалилось,—и на этотъ разъ свалило и меня.

Все это вмѣстѣ такъ подѣйствовало на меня, что я, что называется, самъ себя не понималъ, потерялъ способность чувствовать... Въ прессѣ на меня выливали ушаты помой, но это на меня не производило никакого дѣйствія.

*) Петровъ въ своемъ письмѣ, какъ извѣстно, заявлялъ, что за мной послана погоня, и протестуетъ противъ этой погони. Авт.

Ко мнѣ раза по три въ день заходилъ Черемухинъ, передавалъ мнѣ разговоры въ кружкѣ Гапона, планы,—но я почти не слушалъ его. Единственно, что удержалось у меня въ памяти отъ его разговоровъ, это его твердое намѣреніе потребовать въ организаціонномъ комитетѣ, чтобы онъ отказался отъ этихъ денегъ и возвратилъ ихъ мнѣ.

Я зналъ, что это требованіе ни къ чему не поведетъ, но не возражалъ, какъ и вообще выслушивалъ все безъ возраженій.

Изъ газетъ потомъ я узналъ, что бурныя пренія въ организаціонномъ комитетѣ закончились самоубійствомъ Черемухина.

На этомъ, пожалуй, кончается все, что я могъ сообщить и что еще или неизвѣстно публикѣ, или извѣстно въ искаженномъ видѣ.

Годъ и три мѣсяца нечеловѣческихъ страданій, трудовъ и мукъ, направленныхъ къ тому, чтобы снять съ себя „свой грѣхъ“, привели меня только къ опозоренію моего имени и ни на шагъ не подвинули впередъ.

Я все на томъ же мѣстѣ и съ тою же тяжестью на душѣ. „Мой грѣхъ“ все лежитъ на мнѣ... Кровь пролита, а Россія находится не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ я; она страдаетъ всѣми своими частями; на ней нѣтъ живого мѣста,—и въ будущемъ я не вижу проблеска избавленія ея отъ этихъ мукъ.

Можно ли сложить оружіе въ такое время и при такихъ обстоятельствахъ, хотя бы человѣкъ и былъ измученъ до крайней степени.

Совѣсть моя отвѣчаетъ на это: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Только одна смертъ избавляетъ отъ обязанности бороться, и больше ничто и никто. А я еще живъ и не потерялъ способности наносить удары врагу. У меня связаны руки, я выброшенъ изъ строя борющихся,—но какое я имѣю право терять надежду занять мѣсто въ этомъ строю. Правда, мнѣ нужна для этого посторонняя помощь. Что же.—Я и ищу ея. Я искалъ этой помощи въ Петербургѣ и не нашелъ. Я просилъ судить меня и оцѣнить мой планъ,—но мнѣ и въ этомъ отказали,—или, вѣрнѣе, осудили, не выслушавъ всѣхъ объясненій, которыя я могъ дать и даю теперь.

Я обратился съ этой просьбой чрезъ знакомаго с.-р.-овца въ комитетъ с. р-овъ, но мнѣ отвѣтили, что комитетъ не можетъ взять на себя исполненіе моего плана, такъ какъ не согласенъ съ нимъ принципіально. Какъ на судей же, указываетъ на Анненскаго, Пѣшехонова и Елпатьевскаго.

Я обратился къ этимъ судьямъ чрезъ Н. А. Анненскаго и при первомъ разговорѣ выслушалъ отъ него такой отвѣтъ:

— Я ни минуты не сомнѣвался и не сомнѣваюсь, что вы не для себя лично взяли деньги,—но я глубоко порицаю вашъ планъ, такъ какъ онъ основанъ на введеніи въ заблужденіе народа. Такъ что я заранѣе могу сказать, что мы васъ осудимъ.

Тѣмъ не менѣе, я настаивалъ на судѣ, надѣясь, что когда судьи ознакомятся со всѣми подробностями моего плана и моихъ дѣйствій, то приговоръ ихъ будетъ не столь рѣшителенъ. А это дало бы мнѣ возможность удержаться въ революціонныхъ кругахъ и вновь начать мою работу по исполненію моего плана.

Мнѣ удалось убѣдить Н. О. Анненскаго еще разъ переговорить съ остальными судьями, но и это ни къ чему не повело. Вотъ какой я получилъ отвѣтъ:

„М. Г. Александръ Ивановичъ. Я видѣлся съ Елпатьевскимъ и Пѣшехоновымъ и передавалъ нашъ съ вами разговоръ. Мы еще разъ подвергли ваше предложеніе внимательному обсужденію, но и на этотъ разъ остались при томъ же рѣшеніи: взять на себя разборъ вашего дѣла мы не можемъ.—Готовый къ услугамъ Н. Анненскій“.

Одновременно я написалъ письмо А. В. Амфитеатрову, а копію съ него далъ Г. Е. Старцеву съ просьбой передать В. П. Кранихфельду, въ надеждѣ не составится ли тутъ группа лицъ, которая пожелала бы выслушать въ подробностяхъ мои объясненія и затѣмъ помочь мнѣ привести мой планъ въ исполненіе. Но и тутъ меня не хотѣли выслушать и даже заподозрили, что я не въ своемъ умѣ“. (Кр. Зн. № 2).

Мнѣ остается только сказать, что я попрежнему не только вѣрю въ мой планъ, но и убѣжденъ, что помимо этого моего плана нѣтъ выхода, нѣтъ иныхъ средствъ борьбы съ реакціей.

Глава 11-ая.

Заключеніе.

Такова сила того кошмара, во власти котораго я находился. Несмотря на полное крушеніе, несмотря на то, что я лежалъ уже во прахѣ, былъ затоптанъ въ грязь,—меня все же не оставляла рѣшимость еще и еще разъ встать на тотъ же гибельный для меня путь.

И я не былъ бы откровененъ до конца, если бы не сказалъ, что во власти этого кошмара я находился еще около года, послѣ того, какъ была написана и отослана въ Парижъ „Исповѣдь“.

Тогда же, весной 1906 года, второй экземпляръ „Исповѣди мною былъ переданъ одной изъ революціонныхъ группъ на Кавказѣ съ просьбой прочитать, и, если можно, взяться за исполненіе плана въ его цѣломъ (Захватъ каспійскаго флота, самозванецъ, антихристъ).

Отвѣтъ получился неопредѣленный:

— Заняты текущими партійными дѣлами... Партія потерпѣла разгромъ и пр.

Такъ, по крайней мѣрѣ, передали мнѣ отвѣтъ мои знакомые, черезъ которыхъ я сносился съ партіей.

Но, кажется, они смягчили полученный отвѣтъ, кажется, что, кромѣ ссылки на разгромъ, было еще и принципіальное несогласіе и практическая невозможность участія кавказцевъ въ пропагандированіи самозванца и антихриста въ особенности.

На эти соображенія меня наводитъ полученный мною отвѣтъ (уже лично) отъ тѣхъ же лицъ зимой, въ декабрѣ 1906 года.

Дѣло въ томъ, что, получивъ отказъ, я съ Кавказа отправился на Волгу, а затѣмъ въ Сибирь, все съ тою же, гвоздемъ засѣвшей въ головѣ, мыслью:

— Найти такое мѣсто и такихъ людей, которые согласились бы культивировать самозванца и антихриста.

Но Сибирь, съ своей основной чертой крайней практичности, оказалась совсѣмъ не подходящимъ мѣстомъ для культивированія самозванца и антихриста.

Въ ноябрѣ я вновь возвратился на Кавказъ.

У меня было простое соображеніе:

— Тогда они (партія) были заняты текущими дѣлами, ослаблены разгромомъ,—теперь, можетъ быть, оправились отъ разгрома и не столь заняты партійными дѣлами.

И одно время, послѣ какой то (не помню ужъ какой) репрессіи, когда въ партіи царило уныніе, граничащее съ отчаяніемъ, одинъ изъ руководителей одной изъ провинціальныхъ группъ заговорилъ со мной о возможности и своевременности исполненія моего плана.

Но группа сама по себѣ не могла взяться за столь крупное пред-

пріятіе, для этого она была слишкомъ слаба и силами и средствами.

Нужна были помощь извнѣ.

И меня послали въ Тифлисъ для переговоровъ съ тамошнимъ комитетомъ.

Нечего говорить, съ какимъ восторгомъ я взялся за исполненіе этого порученія.

Но востогамъ скоро былъ положенъ конецъ. Мнѣ пришлось говорить съ тѣми же лицами, съ которыми я уже сносился чрезъ своихъ знакомыхъ весной.

Комитетъ высказался рѣшительно противъ, при чемъ главную роль играло принципіальное несогласіе.

— Спаси насъ Богъ отъ такихъ спасителей отечества... такими средствами,—заявилъ въ заключеніе глава комитета, старый революціонеръ.

Эти то слова, пожалуй, и положили начало моему отрезвленію. Они,—и тонъ, какимъ они были сказаны,—какъ то особенно глубоко запали мнѣ въ сердце, и я съ того момента получилъ благодѣтельную для меня способность критическаго отношенія къ своему „злому“ дѣтищу.

Не скажу, чтобы безъ печали разстался я съ этимъ дѣтищемъ. Вѣдь, оно такъ дорого обошлось мнѣ. На него и въ него я вложилъ все, что у меня было, оставивъ себѣ только муки и страданія, какъ капиталъ, на проценты съ котораго мнѣ и суждено, повидимому, жить до могилы.

Но я все же разстался съ нимъ, окончательно и навсегда. И это даетъ мнѣ хотя то утѣшеніе, что въ будущемъ я не рискую причинить людямъ зло, еще большее, чѣмъ 9 го января.

Это единственное мое утѣшеніе, которое осталось мнѣ въ жизни.

Но и оно почти поглощалось страхомъ:

— А что если кто либо другой воспользуется твоимъ злымъ проектомъ и внесетъ смятеніе въ темные умы изстрадавшагося народа. Что тогда...

Ужасъ. Ужасъ.

И вотъ, чтобы предупредить такую возможность, я и публикую „повѣсть моего безумія“, дабы всѣ и каждый знали, что самозванецъ и антихристъ – плодъ больной фантазіи, отъ которой спаси Богъ всякаго здороваго еще человѣка. Аминь.

22 августа 1907 года.
Петербургъ.

Глава 12 ая.

Послѣднее слово о Гапонѣ.

Покончивъ съ антихристомъ, возвращаюсь къ Гапону.

По пріѣздѣ изъ Саратова, я его видѣлъ нѣсколько разъ: одинъ разъ у него на квартирѣ, и нѣсколько разъ онъ приходилъ ко мнѣ съ Варнашевымъ.

Онъ и его спутникъ были крайне растеряны.

Исторія съ деньгамл выбила ихъ изъ колеи; они теряли подъ собой почву. Судя по настроенію Черемухина и по его разсказамъ, масса рабочихъ была на сторонѣ Петрова.

Престижъ Гапона въ глазахъ этой массы упалъ окончательно. На его сторонѣ оставались только должностныя лица отдѣловъ и ихъ ближайшіе помощники. Это, по преимуществу, не работающіе рабочіе, такъ или иначе живущіе за счетъ союза, его иждивеніемъ. Къ нимъ же примыкали два—три журналиста, изображающіе изъ себя рупоръ Гапона. Полагаю, нѣтъ надобности называть имена этихъ журналистовъ. Они не характерны и какъ „гапоновцы“ и какъ члены журнальной семьи. Ни ту, ни другую среду они не характеризуютъ. Ихъ роль случайна и всецѣло стояла въ зависимости отъ ихъ личныхъ столь же случайныхъ интересовъ. Сегодня они гапоновцы, завтра нововременцы, а что будетъ съ ними послѣ завтра, никакой пророкъ не можетъ сказать.

Съ такими силами Гапонъ, конечно, не могъ разсчитывать на большой успѣхъ въ открывшейся противъ него компаніи въ печати и обществѣ. Но все же въ его рукахъ были покорныя орудія, съ помощью которыхъ онъ могъ, хотя формально, вести свою защиту.

Такъ, за его спиной стояли члены администраціи отдѣловъ, и онъ могъ созывать организаціонный совѣтъ, который и выносилъ нужныя ему постановленія. А преданные ему журналисты передавали эти постановленія въ печать.

Получалось опубликованіе, якобы, оффиціальныхъ документовъ. Но къ сожалѣнію (для Гапона) эти органы гапоновской организаціи ровно ничего не могли сказать въ оправданіе Гапона по существу, а поэтому и ограничивались не имѣющими никакого значенія приговорами, содержаніе которыхъ сводилось къ тому, что Гапонъ (и сами судьи вмѣстѣ съ нимъ) хорошій человѣкъ, а Петровъ и Матюшенскій злодѣи.

Конечно, въ средѣ темной массы, можетъ быть, и были отдѣльныя единицы, на которыя эти приговоры и дѣйствовали въ желательную для Гапона и его подручныхъ сторону. Но болѣе или менѣе сознательная публика прекрасно понимала цѣну этимъ выкрикиваніямъ изъ своей лавочки глотками подручныхъ молодцовъ.

А, главное, потянувшись за тѣми деньгами, которыя были даны мнѣ Тимирязевымъ, Гапонъ и гапоновцы сами противъ себя выдвинули неопровержимое доказательство своей виновности.

Выходило одно изъ двухъ: или они получили субсидію отъ правительства, или (если деньги были даны мнѣ не для нихъ) страстно желаютъ получить ее.

А фактически и то и другое безразлично, такъ какъ важенъ не фактъ полученія субсиди, а согласіе и желаніе получить ее, т. е. готовность идти рука объ руку съ правительствомъ.

Наличность этого желанія и нужно было уничтожить въ глазахъ публики. Съ этимъ и приставалъ ко мнѣ Гапонъ.

Расчитывая на то, что я убитъ совершенно исторіей съ деньгами, онъ сталъ предлагать мнѣ ту соломенку, за которую, какъ извѣстно, склонны хвататься утопающіе.

— Помогите намъ спасти союзы, а мы поможемъ вашей с е м ь ѣ деньгами, не дадимъ ей умереть съ голоду.

Эту, съ позволенія сказать, сдѣлку онъ предложилъ мнѣ, когда мы увидѣлись съ нимъ у него на квартирѣ, по пріѣздѣ моемъ изъ Саратова.

Я ему отвѣтилъ на это, что союзы я готовъ спасти, такъ какъ въ существѣ своемъ они могутъ быть полезны. Что касается средствъ спасенія, то мнѣ представляется возможнымъ только одно—это, если я и Гапонъ, а также Кузинъ и Варнашевъ откроемъ обществу всю правду.

— А что вы считаете правдой?—спрашиваетъ Гапонъ.

— То, что и было въ дѣйствительности. Я, оставаясь временно распорядителемъ и представителемъ союзовъ, безъ вѣдома союзовъ получилъ отъ правительства 7 тысячъ рублей на покрытіе убытковъ по закрытію отдѣловъ 9 января 1905 года. Остальные 23 т. рублей мною взяты и мнѣ даны на совершенно постороннія цѣли, которыя никакъ не относятся къ союзу.

— Что же послѣдуетъ за такимъ нашимъ заявленіемъ?—перебиваетъ меня Гапонъ.

— Послѣдуетъ то, что должно послѣдовать. Прежде всего придется созвать общее собраніе, ко-

торому я и дамъ подробныя объясненія. А, затѣмъ, я не сомнѣваюсь, что общее собраніе 7 тысячъ рублей, какъ справедливое вознагражденіе, приметъ, а отъ 23 тысячъ откажется. Мнѣ, вѣроятно, будетъ поставлено въ вину, что я велъ дѣло о вознагражденіи негласно и безъ его разрѣшенія. Но это уже моя вина, а не вина союза. Вамъ же точно также будетъ поставлено въ вину, что вы поспѣшили отобрать у меня не принадлежащія ни вамъ, ни союзу деньги. Но это опять таки будетъ не вина союза, а ваша. Союзъ, такимъ образомъ, останется чистъ. Общество будетъ знать, что если вожаки и напутали, то самъ союзъ ни въ чемъ не виновенъ.

— Да, да. Это такъ,—согласился тутъ же присутствовавшій Черемухинъ.

— Нѣтъ, это не такъ! — рѣзко перебилъ его Гапонъ. Всѣ 30 тысячъ рублей, цѣликомъ даны на покрытіе убытковъ.

— Да, да. Всѣ тридцать тысячъ рублей... поддержали его Варнашевъ и еще кто-то четвертый (всего въ квартирѣ насъ было пятеро).

— Изъ чего слагаются эти убытки, на возмѣщеніе которыхъ требуется тридцать тысячъ рублей?— спрашиваю я.

— Мы представимъ смѣту...

— Дутую.

— Ахъ! Дѣло не въ этомъ,—съ досадой махнулъ рукой Гапонъ.— Вы напишите только, что всѣ 30 т. рублей даны были на покрытіе убытковъ, а, тамъ, мы ужъ устроимъ все.

— Вамъ и мнѣ не повѣрятъ, если мы будемъ такъ говорить. Не могутъ повѣрить.

— Почему?

— Потому что предъ глазами публики неопровержимый фактъ: это вполнѣ возстановленные и функціонирующіе отдѣлы съ одной стороны и наличность не израсходованныхъ на возстановленіе этихъ отдѣловъ двадцати трехъ тысячъ рублей съ другой. Этотъ фактъ самъ по себѣ выдвигаетъ вопросъ: какое же назначеніе этихъ денегъ? Въ чемъ заключаются убытки союза помимо разрушенныхъ и возстановленныхъ нынѣ отдѣловъ?

— Но мы скажемъ, что на возстановленіе отдѣловъ ушли всѣ 30 т. рублей.

— А 23 т. рублей, которые только что переведены изъ Саратова, уже послѣ возстановленія отдѣловъ?

— Это все пустяки. Не въ этомъ, не въ этомъ дѣло... Вы только напишите письмо въ редакцію, что всѣ 30 т. рублей даны были на возстановленіе отдѣловъ,—настаивалъ Гапонъ.

— Тогда, какъ 23 т. рублей оказались у меня?...

— Ну, вы скажете, что... васъ лукавый попуталъ.

Какъ я ни скверно чувствовалъ себя тогда, а на такое заключеніе не могъ не разсмѣяться.

Улыбнулся и Черемухинъ.

— Что тутъ смѣшного?—нервно заходилъ по комнатѣ Гапонъ.—Вамъ нужно теперь подумать объ участи вашей семьи. Бросьте .. остальное.

— Семья тутъ ни причемъ,—возразилъ я.—Мы говоримъ о средствахъ спасенія союза. А вы вмѣшиваете въ дѣло лукаваго... И будемъ откровенны, думаете не о спасеніи союзовъ, точно также и не о спасеніи моей семьи, а о собственномъ спасеніи...

— Какъ это? Какъ это? Скажите! —приступилъ ко мнѣ Гапонъ.

— Очень просто. Если я скажу, что всѣ 30 т. рублей даны были для союзовъ, то ваши дѣйствія, какъ представителей союзовъ, были правильны, когда вы посылали за мной погоню въ Саратовъ.

— Ну такъ что же! Гдѣ же тутъ гибель союзовъ?

— А вотъ гдѣ. Вы, вѣдь, несомнѣнно постараетесь, чтобы эти

деньги остались въ вашихъ рукахъ, какъ руководителя союзовъ.

— Что же изъ этого?

— А то, что для этого вы должны будете получить согласіе самого союза. Это согласіе вамъ, вѣдь, необходимо, ч т о б ы оправдаться предъ публикой?

— Необходимо. Дальше.

— А дальше слѣдующее. Общее собраніе, правильно и безъ подтасовки составленное, вамъ этого согласія не дастъ. Большинство рядовыхъ членовъ союза не пойдетъ на замаскированную субсидію отъ правительства Витте. Слѣдовательно, вамъ придется или ограничиться согласіемъ покорнаго ва ъ организаціоннаго бюро, или же созвать собраніе съ искусственнымъ большинствомъ вашихъ сторонниковъ. Ссылаясь на тѣсноту помѣщенія, вы раздадите повѣстки нѣкоторымъ, по вашему выбору. Нужное вамъ постановленіе собранія, весьма возможно, при такихъ условіяхъ, и получится.

— И прекрасно! —не выдержалъ Гапонъ.

— Прекрасно для васъ и весьма не прекрасно для союза, такъ какъ такимъ образомъ вся отвѣтственность съ васъ переносится на союзъ.

— Какая отвѣтственность?

— Отвѣтственность за то, что отъ правительства получена субсидія въ 23 тысячи...

— Ахъ, все это пустяки?—перебиваетъ Гапонъ.—Никакой отвѣтственности не будетъ. Собраніе приметъ эти деньги, какъ вознагражденіе, и будемъ опять жить по-прежнему. Какъ жили, такъ и будемъ жить.

За исключеніемъ одного: всѣ искренніе рабочіе, чистые отъ всякихъ посторонніхъ соображеній, уйдутъ изъ союза.

— Ну и пусть уходятъ.

— Тогда,—простите,—но я буду думать, что, въ вашемъ мнѣніи, союзы существуютъ не для себя, не для составляющей ихъ массы рабочихъ, а для васъ...

— Вамъ объ этомъ нечего задумываться,—опять перебилъ меня Гапонъ.—Вы думайте о своей семьѣ.

— Такими средствами я не могу и не буду помогать своей семьѣ. Да и вообще вопросъ о моей семьѣ я прошу васъ оставить разъ навсегда: онъ васъ никакъ не касается.

На этомъ разговоръ кончился. Я ушелъ.

Но на другой день въ то время, когда у меня былъ инженеръ Б. и, кажется, литераторъ С. (относительно послѣдняго хорошенько...)

. . . . . .

Слѣдующій листъ утраченъ кѣмъ то изъ тѣхъ господъ, которые брали у меня читать рукопись. Я его не возстанавливаю, дабы не подумали, что мною внесено какое либо измѣненіе. Скажу только, что на утраченномъ листѣ говорится о томъ, какъ Гапонъ и Варнашевъ пришли ко мнѣ на квартиру съ цѣлью уговорить меня признать, что 23 т. рублей даны мнѣ на возобновленіе отдѣловъ союза.

Привожу сохранившійся конецъ этого разговора.

По крайней мѣрѣ я лично такъ и понялъ, что вы и Кузинъ считаете Витте способнымъ провести свою кандидатуру въ диктаторы съ цѣлью введенія демократической республики, если ему будетъ гарантировано президентство.

— Такъ, такъ,—въ тактъ моихъ словъ качалъ головой Гапонъ.

— Можетъ быть и такъ. Но при чемъ тутъ ваши революціонныя цѣли. Неужели вы серьезно будете говорить о Витте, какъ о вожакѣ революціи?

— А что же. Витте умный человѣкъ.

— Вотъ въ томъ то и дѣло, что умный. А для вашего проекта онъ долженъ быть глупымъ и очень глупымъ. Да и вообще, простите,

я вамъ переставалъ вѣрить. Вамъ нужны деньги и только.

— Мы вамъ тоже не вѣримъ!— крикнулъ Варнашевъ.

— Вотъ и прекрасно. Я вамъ не вѣрю, вы мнѣ—почва весьма удобная для прекращенія всякихъ разговоровъ и вообще всякихъ сношеній. Еще разъ до свиданія.

— Александръ Ивановичъ!— подступилъ ко мнѣ Гапонъ.—Я вамъ совѣтую покориться. Вы не знаете меня. Я способенъ на все.

— Я знаю это и... все же говорю: до свиданія. Меня ждутъ. И я отворилъ дверь въ столовую.

Гапонъ и Варнашевъ вышли чрезъ другую дверь въ корридоръ.

А на другой день опять посѣщеніе и тѣ-же посѣтители.

Но я уже просто отказывался разговаривать съ ними.

Гапонъ грозилъ, уговаривалъ, взывалъ къ моему родительскому чувству, напирая на бѣдственное положеніе моей семьи, но новаго ничего уже не сказалъ, что заслуживало бы вниманіе публики и имѣло бы хотя какой нибудь интересъ.

Между тѣмъ, въ помѣщеніи правленія союза шли собранія наиболѣе близкихъ Гапону членовъ; объ этихъ собраніяхъ давались отчеты столь же близкими журналистами,—но это, повидимому, нисколько не помогало Гапону.

Ясно было, что его роль кончена. Но онъ еще не хотѣлъ сдаваться, и, какъ послѣднее средство, поставилъ вопросъ о судѣ.

На что надѣялся онъ въ этомъ случаѣ?

Мое мнѣніе на этотъ счетъ я и тогда сообщалъ своимъ близкимъ друзьямъ:

— Суду этому я не придаю значенія. Это одна комедія, и Гапонъ это понимаетъ.

Самая же мысль о судѣ явилась по очень простымъ соображеніямъ. Предстоящій, якобы, судъ создавалъ фактъ, во всѣхъ отношеніяхъ благопріятный Гапону. Въ общественный шумъ, такимъ образомъ, вводился новый голосъ. И этотъ голосъ говорилъ:

— Онъ самъ требуетъ надъ собой суда... Значитъ, имѣетъ надежду на оправданіе.

Для даннаго момента это было весьма важно. Выигрывалось время и на всякіе запросы о доказательствахъ, хотя бы на собраніи союза, готовъ былъ отвѣтъ:

— Клянусь вамъ, я не виноватъ. И на судѣ я дамъ всѣ доказательства своей невиновности.

Такъ онъ и говорилъ отдѣльнымъ рабочимъ, то же самое говорилъ и въ печати чрезъ своихъ подручныхъ журналистовъ. А въ результатѣ:

Судъ, когда еще будетъ, да и будетъ ли, а теченіе вопроса въ союзѣ не останавливается, необходимыя Гапону постановленія, хотя бы и отъ лицъ некомпетентныхъ группъ, выносятся.

А въ созиданіи обстановки собраній и засѣданій Гапонъ не стѣснялся.

Такъ, онъ мнѣ лично и чрезъ Черемухина обѣщалъ, что когда будетъ въ союзѣ разбираться вопросъ о моихъ отношеніяхъ къ союзу и въ частности вопросъ о 23 т. рубляхъ, онъ меня увѣдомитъ и дастъ мнѣ возможность отвѣтить въ собраніи на предъявляемыя ко мнѣ обвиненія.

Между тѣмъ, такое собраніе состоялось,—не знаю въ какомъ составѣ,—и я объ этомъ собраніи узналъ тольконѣ сколько дней спустя отъ литератора П. Д. Ма.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ созиданіи обстановки суда онъ тоже не сталъ бы церемониться, тѣмъ болѣе, что онъ въ сущности ничѣмъ не былъ связанъ.

На этомъ судѣ были бы судьи, былъ бы обвиняемый, но не было опредѣленнаго обвинителя, не было противной стороны. Или, вѣрнѣе, противная сторона совмѣща-

[illegible] въ лицѣ самого обвиняе-

[illegible] самомъ дѣлѣ, кто долженъ [illegible]ступить обвинителемъ противъ [illegible]на, какъ лицо пострадавшее? О[illegible] видно союзъ. А руководителемъ и фактическимъ властителемъ этого союза или, что тоже, властителем его руководящихъ силъ, былъ все тотъ же Гапонъ.

Такимъ образомъ, на судѣ выступили бы Гапонъ и его подручные въ роли обвиняемыхъ, и въ роли единственно освѣдомленныхъ свидѣтелей и въ роли обвинителей.

Такой судъ, конечно, никому не страшенъ.

А инымъ онъ быть не могъ.

Но даже допустивъ и очень неблагопріятный исходъ суда, все же въ его пользу было одно соображеніе:

— Хуже не будетъ.

Хуже не могло быть, а время несомнѣнно выигрывалось. Но и [illegible] всѣмъ тѣмъ же для Гапона создалось такое положеніе, что на [illegible]е обаяніе онъ уже не могъ расчитывать.

Это уже прошло безвозвратно.

Съ этимъ онъ, примирился и рѣшилъ использовать остатки былого вліянія на упроченіе своего матеріальнаго положенія.

Какъ и какими путями онъ хотѣлъ это сдѣлать—публикѣ извѣстно. Организуя провокаторскій заговоръ, онъ наткнулся на неподходящіе элементы, которые и положили конецъ его дѣятельности.

Я это говорю уже съ голоса газетъ. Меня въ это время уже не было въ Петербургѣ. Но, кажется, въ этихъ газетныхъ сообщеніяхъ нельзя сомнѣваться. Ихъ подтверждаетъ чрезъ А. В. Амфитеатрова парижская эмиграція, получившая на этотъ счетъ неопровержимыя доказательства.

Гапонъ умеръ.

Послѣ его смерти его друзья, все тѣ же Кузинъ и Варнашевъ съ товарищи, обѣщали подарить публику „поразительными“ и „ужасными“ разоблаченіями.

Но никакихъ разоблаченій, какъ извѣстно, не послѣдовало.

КОНЕЦЪ.